

Алексей Максимович ГОРЬКИЙ. 1932.

Портрет работы П. Д. КОРИНА.
Государственная Третьяковская галерея.

Каспийском море бригада Яламинского рыбозавода поймала редкую по величине белугу. Вес ее — 498 килограммов. На снимке: гигантская белуга на Бакинском холодильнике.

Фото Ф. Шевцова.

ОГОНЁК № 25 (1514) 17 ИЮНЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ШКОЛА ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА

Посреди зала расположен круглый бассейн. Мирно поблескивает вода. Но вода предназначена не для плавания и не для любования. Она защищает посетителей от радиоактивного излучения. Мы находимся в помещении демонстрационного ядерного реактора мощностью 150 киловатт.

Это один из павильонов Всесоюзной промышленной выставки, открывшейся две недели назад. В тот же день возобновила свою работу Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Теперь на одной территории москвичи и гости могут ознакомиться с передовым советским опытом и в области сельского хозяйства и в области промышленности.

Шестая пятилетка — пятилетка широкого внедрения новой техники во все отрасли народного хозяйства. Выставки призваны сыграть большую роль в решении этой задачи.

Каждый экспонат на территории выставок — плод большого творческого труда тысяч и тысяч наших тружеников. Не только советские люди, но и зарубежные гости знакомятся с успехами мастеров социалистического земледелия и животноводства, с достижениями новаторов индустрии нашей страны.

На снимке: павильон «Машиностроение» Всесоюзной промышленной выставки.

Фото А. Гостева и Б. Кузьмина.

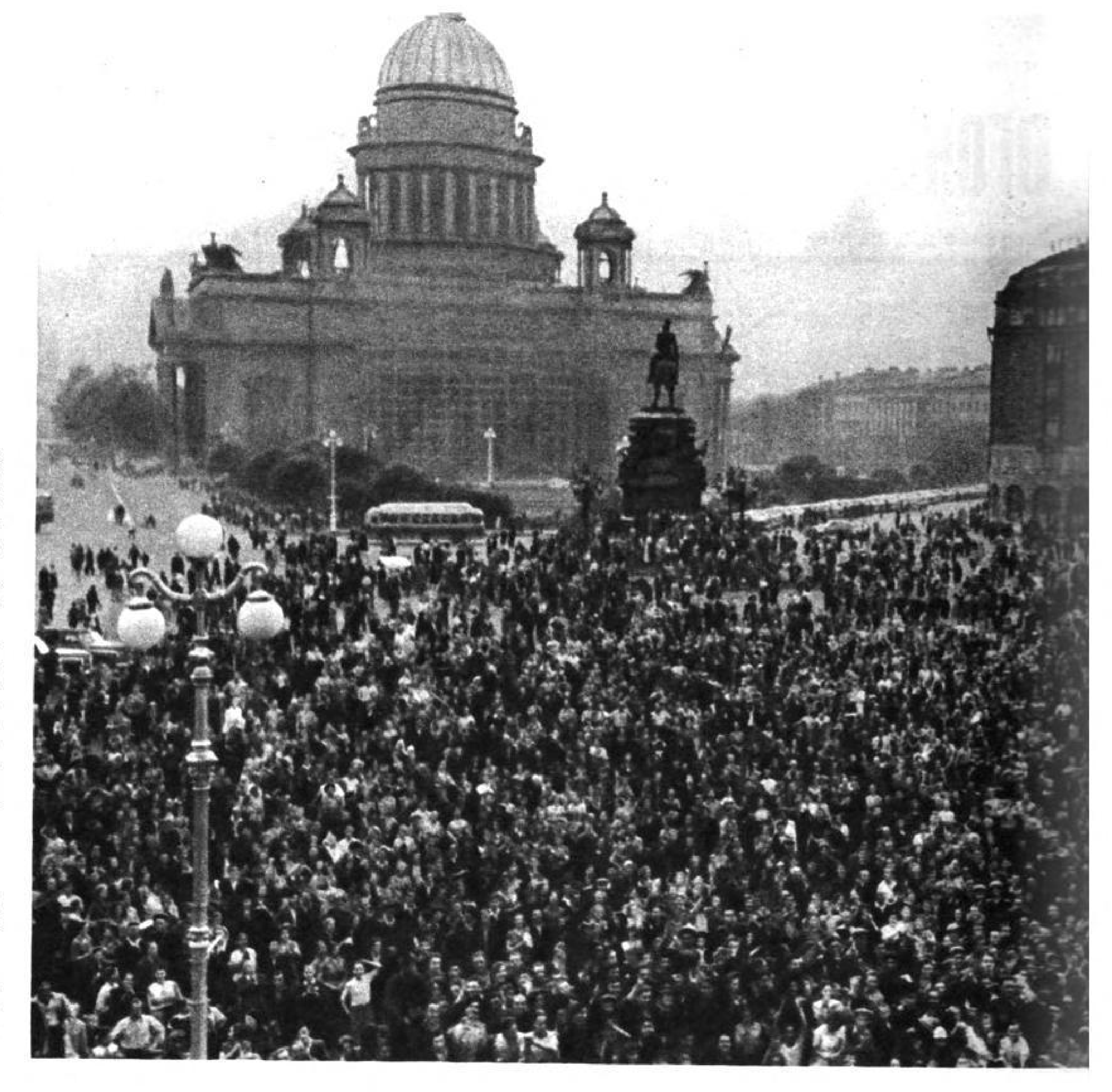
ГОСТИ ИЗ БРАТСКОЙ СТРАНЫ

Фото специального корреспондента «Огонька» **Дм. Бальтерманца.**

Президент Федеративной Народной Республики Югославии товарищ Иосип Броз Тито вместе с руководителями Советского правительства и Коммунистической партии предпринял поездку по Советскому Союзу.

7—8 июня товарищи Иосип Броз Тито и Н. А. Булганин побывали в Ленинграде.

10 июня из Москвы специальным поездом товарищи Иосип Броз Тито, Н. С. Хрущев, А. И. Микоян и сопровождающие их лица выехали в Сталинград и далее в другие города юга страны. Миллионы трудящихся тепло встречали дорогих гостей, выражая чувства всего советского народа, который радуется укреплению югославо-советской дружбы.

На площади перед зданием исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся собрались тысячи людей, чтобы приветствовать гостей.

Перед началом спектакля в Ленинградском академическом театре оперы и балета имени Кирова. Долго не смолкали аплодисменты в честь югославо-советской дружбы.
↓

Петродворец. Под навесом фонтана — шутихи.

Ленинград. За столиком в кафе Летнего сада.

Гости осмотрели ленинградский метрополитен.

Товарищи Иосип Броз Тито, Н. С. Хрущев, А. И. Микоян в Сталинграде.

В хорватском селе Ловинац. Ленинградская учительница географии Анна Самсоновна Панфилова беседует с сельскими школьниками.

Фото автора.

ЛЕНИНГРАДЦЫ В ЮГОСЛАВИИ

К. ЧЕРЕВКОВ

Заметки туриста

Мы выехали из Ленинграда в прохладный, дождливый день. Такая же погода сопровождала нас, когда мы пересекли Тису и Дунай. В Белграде нам сказали, что весна запоздала: нынешний май похож на март. И все же для нас, северян, это была необычная и богатая по своим краскам весна: буйно цвели белая акация, сирень, каштаны, распускались розы, созревала черешня.

Югославское туристское общество «Путник» предоставило нам комфортабельный автобус. Нас было двадцать семь туристов — все ленинградцы: рабочие, инженеры, врачи, архитекторы, геологи, учителя. Каждый горел желанием как можно поближе узнать братскую нам страну, познакомиться с ее народом.

Услышав русскую речь на улице, югослав обязательно остановится, кинет дружеский взгляд и спросит: «Москвичи?» «Ленинградцы», — отвечали мы. «Добро, добро!» — слышали в ответ, и тут же начиналась беседа.

Видный белградский хирург Исидор Папо был особенно обрадован встрече с ленинградцами: он учился в Ленинградской военно-медицинской академии.

— Это хорошо, что русские снова приезжают к нам! Ваша страна огромная, мощная, наша небольшая. Но сердце у нас одно — славянское, и у нас, как у братьев, много общего, родного.

К Папо зашел его друг, юрист Иван Мирошевич.

— Знакомься, русские,— представил нас гостю хирург.

— Русские? — переспрашивает юрист.— Рад, очень рад. В минувшую войну у меня было немало встреч с советскими людьми.

Живо, непринужденно течет беседа.

— Мы все радуемся тому, что традиционная дружба с вами восстановлена, — сказал Исидор Папо.— Поездка маршала Броз Тито в Советский Союз еще больше сблизит нас.

Прощаясь, профессор Папо выражает надежду на скорую встречу в Ленинграде.

В столице Боснии и Герцеговины Сараеве наша группа осматривала городской музей.

— Дорогие русские товарищи, позвольте мне быть вашим гидом! — услышали мы вдруг чей-то голос. Это был черногорец Миомор Зогович. Юношей он ушел в горы к партизанам и вместе с ними сражался против фашистских оккупантов. Сейчас Миомор — студент медицинского института, мечтает побывать на практике в Советском Союзе. Мы прикололи к лацкану его пиджака значок с изображением Ленина.

— Спасибо, советские друзья! Черногорцы и русские — родные по крови!

— Хвала! Хвала! — отвечали мы новому другу.

В старой части Дубровника, на улице имени Михаила Працита, находится редакция литературно-художественного журнала «Дубровник». Мы знакомимся с очеркисткой Марией Новакович, прекрасно владеющей русским языком: она изучила его в гимназии.

С интересом рассматривает Мария Новакович свежий номер «Огонька».

— В Белграде у нас продают этот журнал. Мы хотим как можно больше знать о жизни советских людей. Нельзя строить социализм, не изучая, чем живет ваша великая страна.

По пути в Сплит, крупнейший портовый и промышленный город, останавливаемся в Макарской.

— Прошу к столу, ленинградцы,— говорит по-русски администратор отеля Милорад Лазарович. Он служил во время войны в советском гвардейском авиасоединении, летал на штурмовиках. В память об этом Милорад хранит гвардейский знак...

Снова мчимся вдоль побережья, не отрывая взгляда от голубого моря. Вот показался и Сплит; белоснежные дома, пальмы на улицах, порт с кораблями у причалов, высокие горы — все это напоминает наш Батуми. В Сплите сразу оказываемся в окружении друзей — молодых хорватов и сербов...

В Плитвице ранним утром мы услышали шум дробилки и стук отбойных молотков. Начинался трудовой день строителей нового отеля. Проходя мимо стройки, мы услышали приветствие на русском языке. Перед нами стоял худощавый, загорелый мужчина.

— Саво Еремич, арматурщик, работаю на стройке,— отрекомендовался он.— А вы русские?

Узнав, что мы из Ленинграда, Саво оживился. Он бывал в нашем городе. Туристов тесным кольцом обступили строители, расспрашивали об условиях труда, заработке, бытовых условиях.

Автобус сигналит — надо ехать дальше. Вот и столица Хорватии Загреб. Едва входим в отель, как слышим русский говор. Это мхатовцы. Их спектакли идут в Загребе с не меньшим успехом, чем в Белграде.

Многие из нас присутствовали в первой загребской гимназии на литературном вечере. Школьники показывали инсценировку «Цыган» Пушкина, пели старинные романсы, арии из русских опер, современные советские песни. Наш приход внес радостное оживление. Ленинградец инженер Николай Богданов читал стихи Пушкина, Маршака.

В Югославии уже побывали туристы — москвичи, донбассцы, сталинградцы; здесь ожидают киевлян, минчан и свердловчан. Каждая такая поездка оставляет глубокий след.

Во всем мире с большим интересом следят за поездкой в Советский Союз Президента ФНРЮ товарища Тито.
У газетного киоска на одной из улиц Женевы. В швейцарских газетах, как и в газетах других стран, сообщения о поездке Иосипа Броз Тито в Советский Союз печатаются на самом видном месте.

Фото З. Фирсова.

Всерьез заняться проблемой использования малых рек

НА ПУТЯХ ВСЕОБЩЕЙ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Академик Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ

Журнал «Огонек» проявил хорошую инициативу, поставив вопрос о всемерном использовании энергии малых рек, чтобы и таким путем усилить темпы электрификации сельского хозяйства («Огонек» №№ 22 и 24). Конечно, для этой цели нужно привлечь конструкторов-гидроэнергетиков, не сказавших еще своего последнего слова о том, какие типы гидроэлектростанций наиболее пригодны в сельском хозяйстве нашей страны. Очень полезно выслушать и соображения самих колхозников.

Советский народ под руководством своей Коммунистической партии вступил в решающий этап осуществления основного ленинского завета: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». В области внедрения электроэнергии в сельское хозяйство предстоят немалые трудности, объясняющиеся главным образом его распыленностью. Но эти трудности преодолимы, и преодолеть их надо, не теряя времени, наступая с разных сторон, используя разные энергоресурсы.

Прежде всего следует учесть, что крупнейшие гидроэлектростанции не смогут в течение ближайших лет сразу же принять на себя нагрузку по электрификации сельского хозяйства повсеместно. Этому должно предшествовать массовое использование местных энергетических ресурсов: малых рек, небольших запасов торфа, силы ветра, солнечной радиации. Такие небольшие источники при умелом сочетании дают прекрасные результаты. Например, в любом колхозе плотник может построить новый, сконструированный нами ветряк. Если его подключить к дизелю, то получится значительная экономия: при скорости ветра в пять — шесть метров в секунду ветряк работает, сберегая до половины горючего. А ведь в области ветроэнергетики сделаны ценные открытия!

Пора уже постепенно организовывать электроМТС как ведущую силу в электрификации сельского хозяйства. Они могут базироваться на местных ресурсах, использовать электроэнергию, передаваемую в сельское хозяйство промышленностью, а также ответвления на пятьдесят — сто километров от тяговых линий электропередачи на железных дорогах.

Можно с полной уверенностью сказать, что недалеко то время, когда наша большая энергетика сделает могучий бросок в сельское хозяйство страны, отдавая ему десять — двадцать миллиардов киловатт-часов в год.

Необходимо помнить, что потребление электроэнергии в сельском хозяйстве США в 1954 году составляло 10 миллиардов 300 миллионов киловатт-часов, в Канаде в том же году — один миллиард 35 миллионов киловатт-часов и даже в Англии, по данным за 1954—1955 годы,— 972 миллиона киловатт-часов.

Ко всеобщей электрификации сельского хозяйства Советского Союза нужно готовиться, идя ей навстречу. Использование энергии малых рек — одна из возможностей, которыми весьма богата наша страна.

Наследный принц Йемена в Москве

11 июня в Москву по приглашению Советского правительства прибыл наследный принц Йемена, заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Йемена его Королевское Высочество эмир Сейф уль-Ислам Мохамед эль-Бадр. 12 июня в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял наследного принца Йемена.

В тот же день наследного принца Йемена принял Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин. На приеме присутствовал Министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов.

Фото А. Гостева.

Совет Министров СССР принял решение о передаче Правительству Румынской Народной Республики исторических ценностей румынского прикладного, декоративного и изобразительного искусства, которые хранились в СССР со времен первой мировой войны.

На снимке: комендант Московского Кремля генерал-лейтенант А. Я. Веденин у стенда с художественными изделиями из драгоценных металлов.

Фото А. Новикова.

Великий сын болгарского народа

Исполнилось 100 лет со дня рождения Димитра Благоева, зачинателя социалистического движения в Болгарии, основателя Болгарской коммунистической партии.

Имя Димитра Благоева неотделимо от истории рабочего движения на Балканах, оно дорого всем в нынешней народно-демократической Болгарии, пожинающей плоды той мужественной борьбы за народное счастье, которой посвятил свою жизнь «дедушка» Димитр Благоев.

Это имя с глубоким уважением произносится и в нашей стране, где еще в 80-х годах XIX века Димитр Благоев вел пропаганду марксизма и формировал одну из первых русских социал-демократических групп. «Когда я приехал в Россию,— писал Благоев,— во мне уже кипели революционные дрожжи. Здешние политические и экономические отношения дали им условия для развития, помогая мне выработать себе социалистическое сознание». Д. Благоев с интересом изучал труды Белинского, Чернышевского, Добролюбова, сблизился с марксистской группой «Освобождение труда».

Д. Благоев в дальнейшем настойчиво развивал и крепил идейную связь между рабочим движением Болгарии и России. С 1903 года Димитр Благоев под благотворным воздействием ленинской «Искры», разгромив оппортунизм, направляет деятельность Болгарской рабочей социал-демократической партии (так называемых «тесных социалистов») в русло революционного марксизма.

Большая, богатая событиями, полная революционного горения жизнь!.. Благоев пламенным словом поддерживает борцов первой русской революции, решительно становится на интернационалистские позиции во время первой мировой войны. В 1917 году Димитр Благоев горячо приветствует победу русского рабочего класса. Одной из первых братских рабочих партий, присоединившихся к III Интернационалу, созданному Лениным, была Болгарская коммунистическая партия.

Димитр Благоев до конца жизни вместе со своими выдающимися учениками Георгием Димитровым и Василем Коларовым продолжал идейно вооружать партию, способствовал ее превращению в закаленный революционный авангард трудящихся Болгарии.

Димитр Благоев умер в Софии 7 мая 1924 года. Он оставил ряд сочинений — «Вклад в историю социализма в Болгарии», «Социализм и рабочая проблема в Болгарии», «К марксизму!» и другие.

Память о Димитре Благоеве будет всегда жить в истории мирового рабочего движения.

В. КОНДРАТЬЕВА

Международное сотрудничество полярников

Недавно в Стокгольме проходила конференция по проведению Международного геофизического года в Арктике. Участвовали делегации тринадцати стран: Швеции, Норвегии, Дании, Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции, Канады, Польши, Исландии, Финляндии, Швейцарии и Федеративной Республики Германии. В советской делегации были представлены метеорологи, геофизики, океанографы, гляциологи, ученые многих специальностей — сотрудники Академии наук СССР, Гидрометеослужбы, Главсевморпути.

Член советской делегации начальник Главсевморпути В. Ф. Бурханов рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Конференция подробно обсудила программу и методику предстоящих наблюдений, наметила районы будущих работ. С июля 1957 года, когда начнется Международный геофизический год, в Северной полярной области будут работать по единой программе 150 научных станций и экспедиций, в том числе более 50 станций и экспедиций СССР.

Отряды советских исследователей развернут деятельность на арктическом побережье нашей Родины, на островах Ледовитого океана, в дрейфующих льдах. Несколько морских экспедиций отправятся на кораблях в высокие широты. В советской океанографической экспедиции в северной части Гренландского моря предполагают участвовать также шведские ученые.

Много разносторонних исследований намечено полярниками Канады в ее обширных арктических владениях. В числе новых канадских станций, создаваемых к Международному геофизическому году, одна будет работать на шельфовом леднике Земли Элсмира.

Американские ученые наряду с большими работами на Аляске планируют создание двух дрейфующих станций во льдах океана. Интересно в связи с этим отметить, что на Стокгольмской конференции советские полярники впервые встретились с американскими ученымы доктором Флетчером и доктором Крери, которые в 1952—1954 годах участвовали в дрейфе станции США на ледяном острове «Т-3». Американские коллеги проявили большой интерес к нашим исследованиям высоких широт и в особенности к изучению подводного хребта Ломоносова, открытого советскими полярниками. В Международном геофизическом году намечается прямая связь и тесное сотрудничество между дрейфующими станциями США и СССР.

Представители Швеции, Норвегии, Финляндии и Швейцарии обсудили на конференции программу организуемой ими совместной экспедиции на Северо-Восточную Землю в архипелаге Шпицбергена.

В юго-западной части Шпицбергена, по договоренности с Норвегией, будут вести исследования ученые Польши. Близ этого района будут работать ученые Западной Германии.

Участники конференции в Стокгольме договорились о том, что управление наблюдениями в Арктике по единой программе Международного геофизического года будет осуществляться из четырех городов: Вашингтона, Парижа, Москвы и Токио. Установлен порядок радиосвязи между станциями и экспедициями разных стран. В частности, зарубежные экспедиции на Шпицбергене будут тесно связаны с советской обсерваторией в Баренцбурге.

Состоялся обмен визитами между учеными-географами Великобритании и СССР. По приглашению Полярного института имени Р. Скотта в Кембридже в Англии гостили наши океанографы Герой Социалистического Труда А. Трешников и профессор Н. Максимов. В Москве и Ленинграде побывали представители Института имени Р. Скотта доктор Б. Робертс и доктор Т. Армстронг.

Британские гости подробно ознакомились с нашими работами в области ледовых прогнозов для мореплавания, с новыми гидрологическими приборами, созданными советскими конструкторами, участвовали в расширенном заседании ученого совета Арктического института.

Кембриджскому институту имени Р. Скотта были преподнесены последние научные труды, изданные в СССР, в том числе — о работах дрейфующей станции «Северный полюс-2», руководимой М. М. Сомовым.

Перед возвращением на родину Б. Робертс и Т. Армстронг заявили:

— Личный контакт с советскими исследователями Арктики для нас весьма ценен. В благородном деле познания природы полярных стран у нас с вами одна цель. Институт имени Р. Скотта много работает по изучению Антарктиды. Мы надеемся, что и в этой области у нас будет длительное и плодотворное сотрудничество с советскими учеными.

Спартакиада народов СССР

Н. РОМАНОВ,
председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР

С каждым днем все ближе большой праздник советского спорта — Спартакиада народов СССР. Мы попросили председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР Н. Н. Романова рассказать о том, какое значение имеет Спартакиада для развития физической культуры и спорта в нашей стране. Сегодня мы публикуем ответы Н. Н. Романова на вопросы корреспондента «Огонька».

Какая главная цель Спартакиады народов СССР?

Массовость и мастерство — два основных положения известного решения ЦК КПСС о развитии физической культуры и спорта в нашей стране. В дальнейшем развитии массовости советского спорта, в росте его мастерства и заключается главная цель Спартакиады народов СССР.

Как давно началась подготовка к Спартакиаде?

Эта подготовка проводится почти полтора года. Главный упор был сделан на укрепление низовых физкультурных коллективов. В нашей стране 197 798 коллективов физкультуры. В них занимается спортом 17,5 миллиона человек. Что и говорить, на первый взгляд эти цифры внушительны, казалось бы, вот она, массовость в действии. Но нельзя забывать о возможностях нашей великой страны. Достаточно напомнить, что и сейчас физкультурой занимается не более 10 процентов рабочих и служащих. Нельзя примириться с таким положением, учитывая те огромные средства, которые предоставляют Советское государство и профсоюзы для широчайшего охвата трудящихся самыми разнообразными спортивными занятиями. Ведь физкультура и спорт являются неотъемлемой частью коммунистического воспитания. И поэтому подготовка к Спартакиаде народов СССР прежде всего заключалась в оживлении работы низовых физкультурных коллективов на предприятиях, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях.

Какие задачи были поставлены перед низовыми коллективами?

Они должны были пополниться многими сотнями тысяч новых спортсменов, а в процессе тренировочных занятий и соревнований вырастить большое число перворазрядников.

Как известно, восемь лет назад была введена в действие спортивная классификация с новыми повышенными требованиями к спортсменам. Так появился мощный стимул роста. Надо сказать, что за последнее время разрядные нормы несколько раз повышались, и теперь спортсмен первого разряда показывает результаты, превышающие прежние нормы мастера.

Не можете ли вы привести несколько примеров роста разрядных норм?

Возьмем хотя бы легкую атлетику, занимающую почетное место в программе Спартакиады. В 1948 году для того, чтобы стать мастером спорта, нужно было пробежать 5 тысяч метров за 15 минут 15 секунд. Теперь же норма первого разряда — 15 минут. Если восемь лет назад спортсмен, пробежавший 3 тысячи метров с препятствиями за 9 минут 32 секунды, получал звание мастера спорта СССР, то теперь норма первого разряда — 9 минут 20 секунд. Если копьеметательнице достаточно было совершить бросок на 42 метра, чтобы получить звание мастера спорта СССР, то сейчас перворазрядным показателем является бросок на 45 метров. Такое положение не только в легкой атлетике. Так, например, сейчас в тяжелой атлетике во всех весовых категориях нормы первого разряда выше прежних норм мастера спорта.

Воспитание спортсменов первого разряда — дело непростое. Если третий разряд является первой ступенью мастерства, если второй разряд должен стать основным для комплектования команд физкультурных коллективов, то первый спортивный разряд — это главный резерв мастеров. Успешная подготовка разрядников и значкистов ГТО прежде всего определяет деятельность низовых коллективов.

Во всех соревнованиях, которые включены в программу Спартакиады народов СССР, смогут участвовать только перворазрядники и мастера спорта.

За последние годы советские спортсмены добились многого. Сейчас они считаются сильнейшими в мире по таким видам спорта, как коньки, хоккей, тяжелая атлетика, стрельба, гимнастика. Больших успехов добились наши лыжники, гребцы, футболисты, легкоатлеты. Но дальнейшие победы на крупнейших международных соревнованиях, дальнейшая борьба за мировые рекорды возможны только в том случае, если мы будем непрерывно пополнять ряды наших мастеров. Каждый год мы можем готовить 2 тысячи новых мастеров спорта, и Спартакиада народов СССР должна стать смотром главных резервов советского спорта. На Центральном стадионе в Лужниках мы увидим молодежь, которая завтра будет прославлять свою Родину в международных соревнованиях.

Как готовились низовые коллективы к Спартакиаде народов СССР?

Я уже говорил выше, что финальным соревнованиям в Москве предшествовала длительная подготовка. Для укрепления низового коллектива было решено впредь соревнования в городах и районах проводить не между сборными командами спортивных обществ, а между коллективами физкультуры.

Прошлым летом, после ряда предварительных соревнований, состоялся финал спартакиады ВЦСПС и всесоюзной спартакиады учащихся. Достаточно сказать, что в них приняли участие 11 миллионов человек.

Летний спортивный сезон 1956 года насыщен еще большим количеством массовых состязаний. Они проходят в колхозах, городах, районах, областях и краях и завершаются спартакиадами союзных республик, Москвы и Ленинграда. Республиканские спартакиады заканчиваются в июле. Спортсмены, показавшие на этих спартакиадах результаты не ниже нормативов первого разряда, и войдут в сборные команды республик.

Что дала подготовка к Спартакиаде?

Ответить на этот вопрос сейчас нелегко, ведь подготовка к Спартакиаде еще не закончена. Могу ограничиться пока несколькими, довольно красноречивыми фактами. В 1955 году в нашей стране создано 3 300 новых физкультурных коллективов. В них занимается около миллиона человек. 3 500 тысяч человек сдали нормы на значок ГТО. 100 тысяч человек получили спортивные разряды, и из них 17 596 — первый спортивный разряд. Отряд наших мастеров увеличился за последний год более чем на тысячу человек. Все это, конечно, результат подготовки к Спартакиаде. И все же почивать на лаврах нам еще рано. В Советском Союзе должно быть неизмеримо больше людей, занимающихся спортом, опыт работы лучших низовых коллективов должен получить значительно более широкое распространение.

Каких успехов добились передовые коллективы физкультуры?

Хорошо поставлено дело в физкультурном коллективе Воскресенского химического комбината, где на каждые сто рабочих сорок занимаются спортом. На Харьковском тракторном заводе в этом году создано шесть новых цеховых коллективов физкультуры, а в соревнованиях участвовало свыше 5 тысяч человек. Окреп физкультурный коллектив Московского завода малолитражных автомобилей, Бакинского завода имени лейтенанта Шмидта.

Много хороших коллективов появилось в деревне. Недавно республиканский совет спортивного общества «Колгоспник» подвел итоги смотра-конкурса колхозных коллективов. По всем показателям на первое место вышли физкультурники колхоза имени Шевченко (Кировоградская область). Есть на Украине много и других хороших коллективов. Успешно развивается спортивная работа в деревнях и селах Российской Федерации, Белорусской ССР.

Сейчас Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР учредил Книгу почета, в которую будут заноситься коллективы физической культуры, хорошо подготовившиеся к Спартакиаде, отдельные работники физической культуры и спорта за их плодотворную деятельность и спортсмены, установившие новые рекорды и завоевавшие звание чемпионов Европы и мира.

Задача ясна: физкультурой и спортом должно заниматься большинство молодежи, миллионы взрослых трудящихся. Только при этом условии мы сможем выполнить требования XX съезда КПСС — добиться дальнейшего массового развития физической культуры и спорта в нашей стране.

Как будут проходить финальные соревнования Спартакиады народов СССР?

5 августа 100 тысяч зрителей заполнят трибуны Центрального стадиона в Лужниках. Под флагами союзных республик, под стягами Москвы и Ленинграда выстроятся на поле 18 сборных команд, участниц крупнейших в истории советского спорта соревнований.

В день открытия Спартакиады с массовыми гимнастическими упражнениями выступят спортсмены профсоюзов, «Трудовых резервов», московского института физкультуры и школьники. Затем начнутся состязания по 21 виду спорта. Победителям будут вручены золотые медали чемпионов СССР. Борьба предстоит очень напряженная. Спортсмены, показавшие лучшие результаты, войдут в сборную команду СССР, которая поедет осенью этого года в Австралию — на XVI олимпийские игры.

На финальные соревнования Спартакиады народов СССР в Москву приглашены в качестве туристов до 5 тысяч физкультурных активистов, главным образом из низовых коллективов.

Нет никакого сомнения, что Спартакиада народов СССР поможет нам привлечь к занятиям физической культурой многие миллионы нашей замечательной молодежи.

ОГНИ НАД ЧУЛЬМАНОМ

Вл. ШУСТИКОВ

Фото В. Волошенко.

На востоке нашей страны от Байкала до берегов Тихого океана идут нескончаемые цепи гор. Становое нагорье, Становой хребет...

Извилистой лентой взбирается автотрасса на перевал.

Домик у шоссе, которое соединяет станцию Большой Невер с Якутском, как две капли воды похож на те, что попадались нам по пути. Такие домики считаются в здешних местах населенными пунктами, и каждый из них имеет свое название: Делегатка, Малый Талый, Горбылях.

— Теперь мы почти дома, — говорит мой попутчик.

Он сидит на бревнах около дорожного домика и с тоскою высматривает, не покажутся ли оленьи упряжки.

Кто он, этот русый юноша в темносером пальто? Почему-то хочется, чтобы это был один из тех добровольцев, которые едут сейчас в необжитые далекие края.

Но это не так. Михаил уже второй год работает в Якутии, в таежной партии, которая ведет разведку угля. Сейчас он возвращается из отпуска, был в Свердловске. У него на коленях небольшой чемоданчик и вещевой мешок.

Михаил знает эти края и с любовью рассказывает о них.

...Каких-нибудь тридцать лет назад вот по этим местам, где проложена Амуро-Якутская магистраль, ходили караваны верблюдов. Да, как ни странно, верблюды, жители знойных пустынь, здесь, в Якутии, чувствовали себя совсем неплохо. На них доставляли в таежные места провиант, вывозили золото. Так было, по крайней мере, до 1929 года, до тех пор, пока не сдали в эксплуатацию автомобильную трассу.

Какое-то странное чувство испытываешь, когда смотришь на высокие горы с плоскими вершинами, на которых не уживается даже лиственница, только кое-где из-под снега торчат кривые ветки кедрового стланика. А то вдруг неожиданно заметишь приютившийся где-нибудь в распадке сосновый лес или лознячок с красноватыми ветками, ощупывающими воздух, и сразу станет тепло на сердце...

На карту нанесены и дорога, по которой мы ехали, и перевалы, которые преодолели, и эта двугорбая вершина, похожая на каменного верблюда. И все-таки, то ли оттого, что твой спутник рассказывает загадочные истории, то ли от простора, открывающегося взгляду, земля эта кажется какой-то таинственной. Ведь стоит уйти в сторону от автомобильной трассы, и наткнешься на реки, не имеющие еще названия, или спустишься в долину, не обозначенную на карте.

— Где-то здесь будут построены металлургические заводы, — говорит мой спутник.

Да, здесь, на стыке Амурской и Читинской областей и Якутской АССР, в ближайшие годы будут построены рудники, угольные шахты и разрезы, обогатительные фабрики, доменные печи, будет построено то, что называется Амуро-Алданской угольно-металлургической базой.

Но сейчас здесь только горы и горы...

Михаил вынимает из своей вместительной вещевой сумки что-то завернутое в серую бумагу.

— Это кокс. Его приготовили из наших якутских углей в Свердловском научно-исследовательском институте. Превосходный металлургический кокс! Вот образец везу в управление.

Южноякутские коксующиеся угли. Кроме них, восточнее Енисея нигде больше таких углей нет. Но они крайне необходимы, потому что без кокса нельзя выплавить чугун. Угли Южной Якутии пойдут на строящиеся металлургические заводы Сибири.

Это значит, что добычу южноякутского угля нужно наладить как можно скорее. Это значит, что моему спутнику нужно как можно быстрее попасть в далекий таежный поселок Нерюнгру, расположенный за сотни километров от железной дороги, в стороне от автомобильной трассы.

Наконец счастье нам улыбнулось: мимо проезжали охотники, и удалось подрядить четыре упряжки оленей. Молодой якут Тихон Третьяков вызвался быть проводником.

— К вечеру будем на месте, — сказал он и после небольшой паузы добавил: — Если все будет по-хорошему. — Затем ловко прыгнул на нарты и, причмокнув языком, тронул оленей с места.

О чем поет погонщик оленей — каюр? Кто знает! Но он поет, это слышно, когда нартовый след поворачивает и упряжки оказываются рядом. Может быть, он поет о том, что мы уже несколько часов в пути, а поселка Нерюнгры все еще не видать, в то время как олени уже притомились? Да, олени устали. Они бредут без тропы, проваливаясь по грудь в снег так, что порою кажется, будто олени не идут, а плывут: видны только серые крупы да вскинутые маленькие головы.

Слева и справа все те же величественные горы. Временами кажется, будто какие-то исполинские чудовища прилегли отдохнуть, выставив свои широкие спины, да так и остались на веки вечные. Есть в этой картине что-то спокойное, незыблемое. Кажется, ничто не изменится здесь, как бы ни хлопотали люди.

Мы миновали небольшую, заросшую лиственницей сопку и оказались перед пологим склоном. Сняв ноги с полозьев, стараясь во всем подражать каюру, мы стали тормозить пятками и в конце концов благополучно спустились вниз, где и сделали остановку. Якут приложил ладонь к уху. Скоро и мы различили явственный шум мотора.

Минуты через три из-за поворота реки показалась автомашина с цистерной. Она бойко бежала по льду реки.

— Воду на буровые повезли, — сказал охотник.

Скоро мы подъехали к вместительному брезентовому шатру. Внутри стоял небольшой электромотор. Это, оказывается, заправочный пункт для автомашин-водовозок нерюнгринской геологоразведочной партии. Михаил, попрощавшись, вместе с каюром отправился в поселок.

Помимо света, проникающего в щели, палатка была освещена еще и двумя лампочками, висевшими одна возле другой под самым потолком. Посреди на кирпичах стояла железная печка, раскаленная докрасна. Хозяин шатра Федор Митрофанович Коваленко, человек уже в годах, возился около электромотора. Ему помогал молодой круглолицый Борис Василенко — начальник геологоразведочной партии. У него голубые ясные глаза, обветренное лицо. Он старался держаться солиднее. Но из каждой складки его лица, из каждого жеста так и било что-то юное, комсомольское. Только, пожалуй, губы его были резко очерчены, и верилось, что он может быть строгим, когда следует.

Три года тому назад он жил в Киеве, учился в технологическом институте. Теперь это житель Якутии.

— Вы представляете, что такое здешние морозы? Шестьдесят градусов! — Он, кажется, даже гордится тем, что тут бывают такие морозы.

— Представляю весьма приблизительно.

— Ну, это... холод! — Василенко ищет слово, чтобы определить невообразимый мороз. И вдруг смеется. — Страшный холод! Выйдешь на улицу — и слышно, как шелестит дыхание. Будто вощеную бумагу мнет кто-то.

— Где же вы в такую погоду спасались?

— Почему спасались?

— Работы, конечно, приостанавливались?

— Что вы! Час работаем, пятнадцать минут на обогрев. Работы прекращаются, если температура падает ниже шестидесяти.

— Как вы переносите такой холод после Украины?

Василенко засмеялся.

— Столько мне про Якутию наговорили, когда ехал сюда. Приготовился ко всему. Помню первую зиму. Сорок градусов — это, думаю, так и нужно. Через недельку — пятьдесят градусов: бодрюсь, может быть, еще холоднее будет. Но вот и шестьдесят. Нет, думаю, еще говорят, бывает шестьдесят градусов с ветром. Так и перезимовал благополучно. Выходит, не так страшен черт, как его малюют.

В это время к палатке подъехала машина, и

Начальник нерюнгринской геологоразведочной партии Борис Василенко (справа) и сменный буровой мастер Дмитрий Попов рассматривают образец породы.

шофер, озоруя, несколько раз нажал на клаксон.

— Спешит комсомолия, — сказал Василенко. — Между прочим, твердый парень этот Лебедев, в любую погоду пробьется через тайгу на машине.

Федор Митрофанович уже хлопотал у водовозки, подтаскивая шланг. Она была точно такая же, какую мы недавно встретили в пути.

— Наледь попалась. Полчаса проторчал, — объясняет Валентин Лебедев.

Действительно, на ступицах задних колес висели острые льдинки.

У шофера открытое молодое лицо, из-под шапки выглядывает темнорусый вихор.

Василенко осведомляется, в каком месте образовалась наледь, и спрашивает, когда шофер застрял: по пути на буровую или при возвращении оттуда.

— С водой ехал, на вышку. Если бы не печка, заморозило бы цистерну.

О какой печке идет речь?

Василенко подошел к машине сзади и открыл небольшую дверцу. Оказалось, что в середину цистерны вделана специальная печь.

— Наша спасительница. Всю зиму топим. Иначе один рейс, и вода застывает. До буровой не довезешь.

Представьте себе огромное заснеженное пространство, по которому разбросаны буровые вышки, — геологи детально разведывают Нерюнгринское месторождение угля. От каждой вышки ведет дорога; для того, чтобы буровая работала, необходимо подвезти воду. По этим незаметным дорогам, идущим то по склону горы, то по льду безымянного ручейка, то по лиственному лесу, и пробивается комсомолец Валентин Лебедев. Так же, как и другие шоферы, он едет к буровым со своим драгоценным грузом — водой.

Пробивается, какие бы жестокие метели ни мели, какие бы морозы ни стояли. Может быть, именно в этих рейсах по-настоящему закалился его характер.

Заправив водовозку, Лебедев снова нажал на клаксон: уезжаю, мол, до свидания.

Долго еще говорит Василенко о необыкновенной стране Якутии, где бывают самые сильные в мире морозы и в то же время растут ландыши и цветет черемуха, о якутской земле, в недрах которой скрыты несметные богатства.

— Люди, люди нужны! — заключает он свой рассказ.

Уже вечерело. Пора было отправляться в поселок. Мы не спеша обогнули небольшой мысок, поросший густым лесом.

— Где-то здесь работает геолог Каримова. Интересный пласт исследует, — сказал Василенко.

Действительно, пройдя с полкилометра по берегу таежной речушки, мы увидели женщину. Она стояла у того места, где многометровый пласт породы выходил на поверхность, и что-то заносила в тетрадку. Через плечо переброшен ремень полевой сумки.

— Как, по-вашему, называется эта горная порода? — неожиданно спросил Василенко, загадочно улыбнувшись. И, не дожидаясь ответа, произнес: — Уголь, коксующийся уголь самой высокой марки.

Угольный пласт мощностью 25 метров образует берег реки Нерюнгры. На берегу — геолог Саима Каримова.

Да, это был многометровый угольный пласт, выходящий на поверхность. Оказалось, что один берег реки Нерюнгры целиком состоит из угля.

Мы с удивлением смотрели на этот черный поблескивающий обрыв, брали в руки куски породы.

— Это же настоящий клад!

— А чтобы взять такой клад, нужно провести сюда железную дорогу, провести через тайгу, через Становые горы. — Василенко помолчал немного. — Нужны строители, нужны люди, которые не испугались бы здешних суровых мест.

Незаметно летит время. И только донесшийся издалека гудок напоминает о том, что надо возвращаться в поселок.

Дорогой мы разговорились с Каримовой. Раньше жила она на Волге, окончила Казанский университет и вот уже шестой год работает в Якутии. Саима Каримова находит время и для работы и для семьи. Дома ее ждут муж и две маленькие дочурки.

Вот и таежный поселок Нерюнгра — четыре улицы, из которых жители больше всего любят Спортивную: в поселке много волейболистов и лыжников. В центре Нерюнгры деревья и пни выкорчеваны: это стадион, построенный прошлым летом.

Хорошо срубленные домики с небольшими террасками приютились под соснами и чем-то напоминают подмосковные дачи.

В Нерюнгре своя электростанция, утепленные гаражи для автомашин и тракторов.

Солнце уже садится. Редкие лучи его с трудом просачиваются меж бронзовых стволов. Но в поселке еще идет работа. Вот бульдозер, выставив перед собой начищенный до блеска нож, ползет на новый участок. Где-то обтесывают бревна, визжит электрическая пила.

Каждое утро машинист электростанции Павел Филиппович Моров продолжительным гудком извещает таежных жителей о начале рабочего дня.

— На этом месте скоро будет Комсомольск-на-Нерюнгре, — говорит Василенко. — Большинство наших жителей — молодежь.

Кто знает, как будет называться новый город, который вырастет здесь!

Всего в ста километрах от Нерюнгры открыты залежи железных руд. Эти месторождения тоже можно разрабатывать открытым способом.

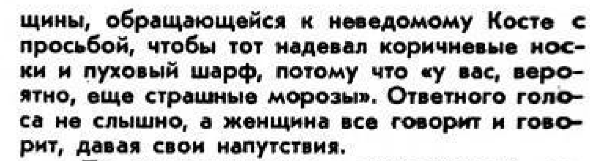
Значит, где-то между Нерюнгрой и Таежным и должны подняться корпуса доменных печей. Значит, где-то здесь начнут строить металлургический гигант. Мы спросили, не знает ли Василенко, где будет находиться строительная площадка будущего комбината.

— Об этом лучше всего спросить в Чульмане, в управлении.

Поздним вечером мы сидим в комнате, где живут Василенко и его товарищ — секретарь комсомольской организации Валентин Заложнев.

Борис Логвинович Василенко пишет письмо и просит сдать его на почту в Чульмане, а Валентин Заложнев медленно поворачивает рычажок радиоприемника.

Слышно, как потрескивает в эфире, и за этим потрескиванием угадывается голос жен-

щины, обращающейся к неведомому Косте с просьбой, чтобы тот надевал коричневые носки и пуховый шарф, потому что «у вас, вероятно, еще страшные морозы». Ответного голоса не слышно, а женщина все говорит и говорит, давая свои напутствия.

— По радиотелефону с зимовщиками говорят, — отрывается от письма Василенко.

Послушав концерт из Магадана, Валентин Заложнев «ловит» Читу: как раз передают объявления. Объявления о том, какие фильмы будут демонстрироваться в читинских театрах, слушаются в Нерюнгре с особенным вниманием. На это есть свои причины: так жители таежного поселка узнают, что им привезут через четыре месяца.

Несколько дней спустя мы приехали в Чульман.

Планерка еще не начиналась, и у Владимира Александровича Перваго, главного инженера Южно-Якутской комплексной экспедиции, было несколько свободных минут.

— Исследования экспедиций Академии наук и работы наших геологов дали результаты, в корне меняющие прежнее представление о железорудной и угольной базе Востока, — говорит Перваго. — В районе Алдана — Чульмана открыта крупнейшая сырьевая база металлургической промышленности. Основная задача нашей комплексной экспедиции — подготовить месторождения углей и железных руд к эксплуатации. Мы ведем детальную разведку, определяем запасы. Работа, как видите, бухгалтерская. — Перваго щурит хитрые светлые глаза и вынимает записную книжку. — Я имею некоторое пристрастие к цифрам. Площадь нашего угольного бассейна — много тысяч квадратных километров. Целое государство. По запасам это едва ли не Донбасс. Если же считать только коксующиеся угли, то их в Южно-Якутском бассейне больше, чем в Донбассе. А рядом крупные запасы превосходной железной руды.

Через десять минут начинается планерка.

Молодой инженер докладывает о том, что, несмотря на непогоду, в Сантиит прошли два трактора и доставили горючее, продовольствие и взрывчатые вещества.

— А как же из Сантиита до базы?

— Туда высланы олени.

— Высланы ли? Запросите по радио, — распоряжается Перваго.

Потом Владимир Александрович спрашивает Эллана Юрьевича Савченко, скоро ли будет готов проект детского сада и яслей. Савченко — инженер по бурению и, конечно же, к детским учреждениям имеет весьма отдаленное отношение. Но он отвечает:

— Проект детского сада закончим через три дня.

И они, главный инженер геологической экспедиции и инженер по бурению, начинают толковать о том, как лучше поставить здание детского сада и яслей.

Здесь, в кабинете с образцами горных пород на столе и с геологическими картами на стенах, странно слышать слова о детских яслях. Но в этом нет ничего необыкновенного — начинается освоение нового промышленного района. Наряду с буровыми вышками геологам приходится строить школы, вместе со штольнями закладывать фундаменты жилых домов, детских яслей. Не за горами время, когда сюда приедут новоселы.

Планерка между тем продолжается. Грузный хозяйственник, докладывая о состоянии дел главному инженеру, успевает сделать заявку на недостающие материалы.

— Олифы мы, Владимир Александрович, достали, но где взять замазки?

— Много ли вам?

— На первый случай тонн восемь хватило бы.

Куда такую прорву замазки? Не ошибся ли хозяйственник? Может быть, разговор идет о килограммах? Но Перваго отвечает хозяйственнику:

— Пять тонн получите завтра. Только экономьте!

Какой же размах получает здесь строительство, если даже «на первый случай» одной только геологической экспедиции требуется восемь тонн замазки?!

...Мы уезжали из Чульмана вечером. Долго виднелись под высокими соснами пока еще немногочисленные огоньки поселка.

Скоро их будет больше.

Вид города.

ВЛАДИВОСТОК

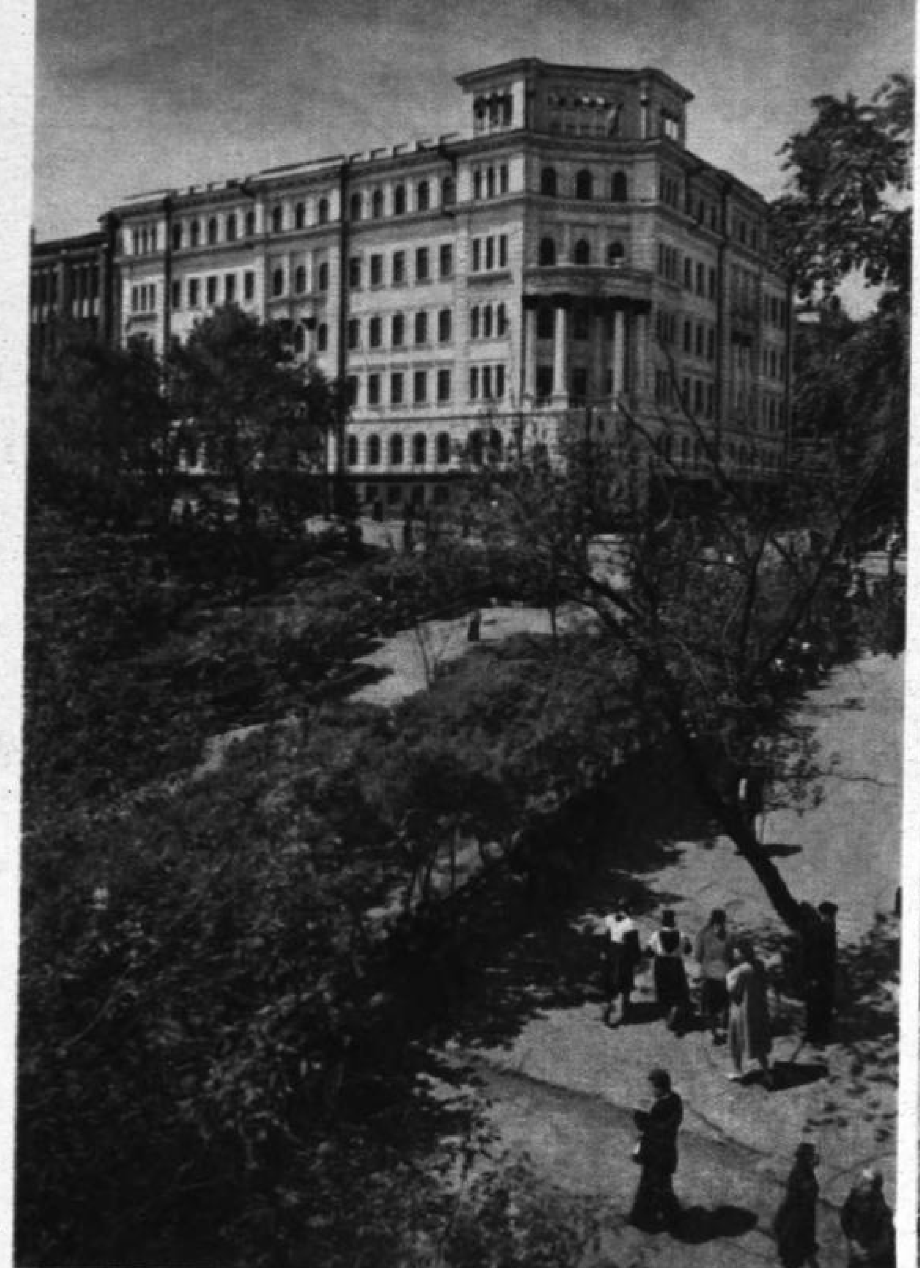
Фото С. ФРИДЛЯНДА.

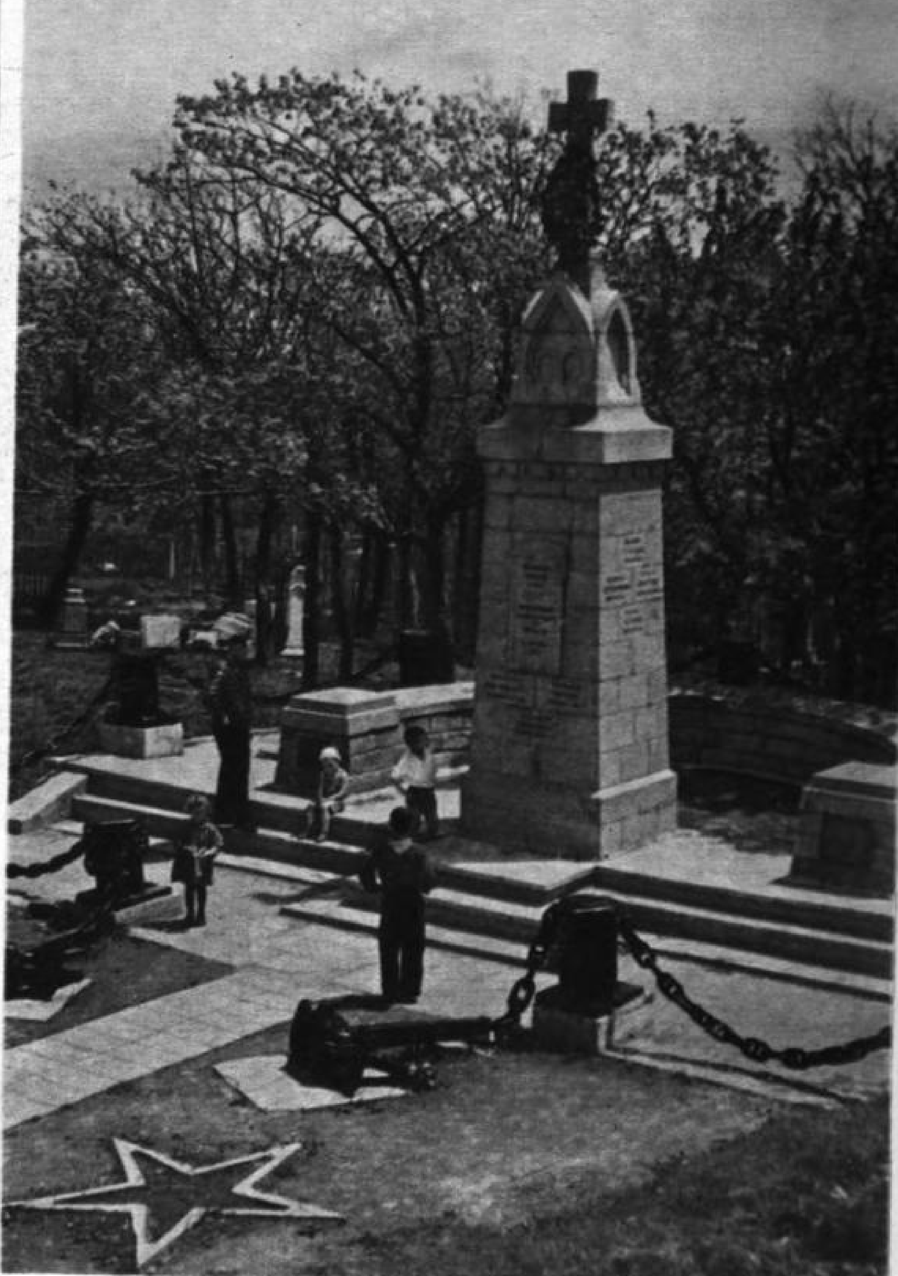
На улице Ленина.

В порту.

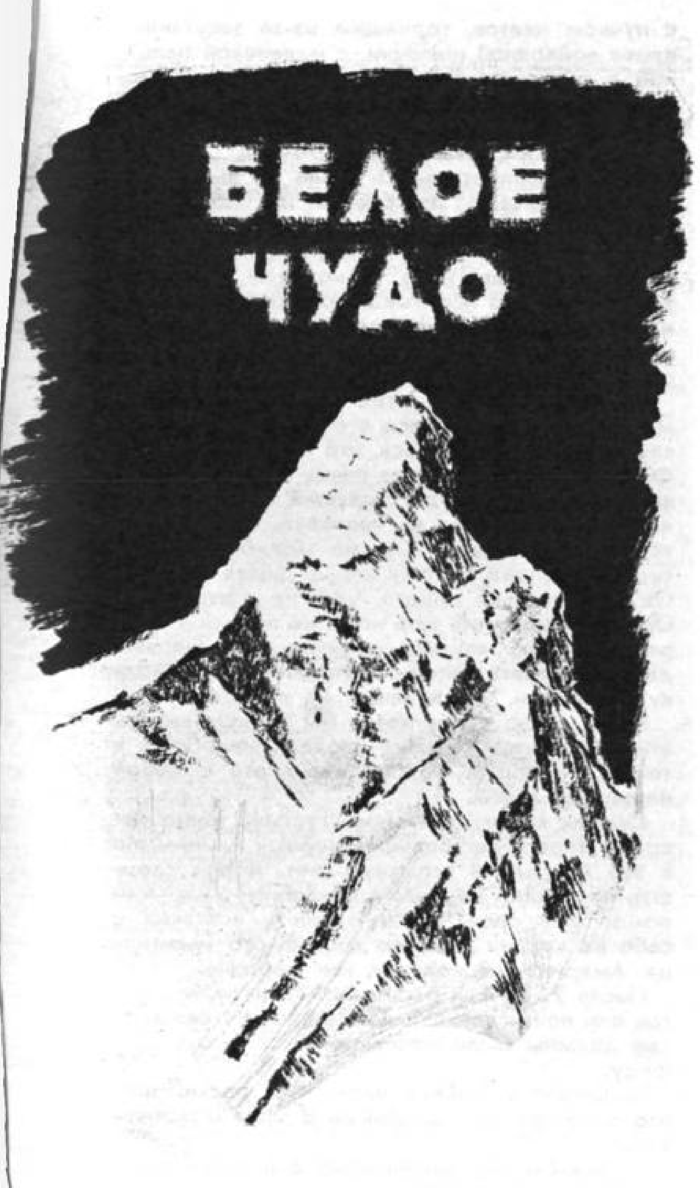

Спуск к бухте Золотой Рог.

Памятник героям крейсера «Варяг».

Амурский залив.

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Горы! Они теперь окружали Фазлура со всех сторон. Но это еще не были те густо осыпанные снегами, красующиеся ледяными шапками великаны, которые заполняют весь простор и перед которыми все кажется малым. Река, ревущая в глубоком ущелье, и редкие рощи горной сосны, овцы, бродящие, как мухи, на серых уступах, и люди, неприметно идущие по узким тропам, опасливо прислушивающиеся к грохоту лавин, — все это подтверждало грандиозность особого мира, в котором горные боги существуют на самом деле и гневаются на тех смельчаков, что хотят жить на склонах этих гор, погруженных в вечное безмолвие и вечное раздумье. Такими были горы его родины, к ним он приближался с каждым днем.

Сейчас же вокруг Фазлура были травянистые, сухие каменные увалы, на них стояли сосновые и кедровые леса, и ветер приносил смолистые откровения этих лесов вместе с благоуханием альпийских полян. Было и у этих высоких холмов свое очарование; глазу казалось, что их мягкие волнистые линии колеблются, двигаются, особенно, когда тень облаков ложилась на них. Их жаркое, сухое дыхание пьяняще наплывало на человека, их краски успокаивали и радовали глаз.

В старину здесь жили воинственные, крепкие люди с патриархальными порядками, которые постепенно сменились обычными отношениями помещиков, богатых навабов, маликов, ахундов и крестьян, захваченных цепкими лапами феодалов и ростовщиков. Юсуфзаи, населявшие эти места, много лет защищали свою свободу. Каждый мужчина, каждый юноша был у них воином. Есть еще старики, помнящие пограничные войны с красными мундирами, но сегодня и в эти места пришло новое, и это новое было и в железном мосту, перекинутом через непокорную реку у Чакдары, и в деревенской школе на открытом воздухе. Фуст долго смотрел на маленьких школяров, сидевших прямо на земле, вокруг них стояли их маленькие сандалии, избитые о горные тропинки. На головах у них были войлочные шапки с загнутыми краями. Учитель, тонкий, как кузнечик, в черном сюртучке и белых брюках, с крестьянской войлочной шляпой на голове, на доске, как в обычной школе, писал задачу. Школьники постарше сидели на другом конце поляны. И там учитель объяснял им урок, а за его спиной вставали горы, которые, казалось, хотели заглянуть в учебник, чтобы узнать, чем это интересуются маленькие горцы.

День проходил в дороге быстро. Фуст и Гифт останавливали машину и уходили вперед на целые километры, чтобы поговорить наедине, — в машине им мешали Фазлур и Умар-Али. Американцы шли с удовольствием, разминая ноги, и говорили о многом. Прохладный ветерок, мягкие горы, хорошее настроение — все располагало к прогулке.

— Как вы условились с Уллой-ханом? — спросил Фуст. — Получим ли мы какие-нибудь сведения от него во время нашего пути к перевалу?

— Да, мы получим; он должен прислать свое сообщение с таким расчетом, чтобы оно застало нас приблизительно в этих местах, еще до Читрала. Я жду его с нетерпением.

— Но что это будет за форма извещения?

Фуст посмотрел на Гифта, чья круглая фигура, круглое лицо с крошечными усиками неожиданно навели его на мысль, что Гифт очень любит романтические проявления и находки именно потому, что ни его внешность, ни содержание его души не имеют ничего общего с этим миром, где требуется наивность и свежесть сердца. «Все Гифты — жалкие эгоисты и предатели», — сказала Элен. В этом есть большая доля правды. Гифт не задумается предать его, если подвернется случай, он такой от природы, но и в самом предательстве он будет искать элемент романтического, злорадно подумал Фуст. Сейчас Гифт начнет распространяться о выдуманных им формах извещений.

Но Гифт пожал плечами и сказал, что Улла-хан на этот вопрос ответил вопросом: «Что вы имеете против небольшого предмета, не привлекающего внимания, ну, скажем, против маленького кисета или крошечной шкатулки?..»

Тут Фуст не мог удержаться от замечания:

— Ох, они все так любят эти шкатулки! — Он вспомнил Элен и шкатулку, в которой лежала копия миниатюры «Могольские принцессы, играющие в поло». — Значит, мы получим что-то в этом роде?

— Я думаю, что это так, — сказал Гифт. — Мы на Востоке, а здесь записки, носимые просто за поясом за неимением карманов или спрятанные в складках одежды, хранимые при себе долго и в разных обстоятельствах, превращаются в жалкий лоскут, на котором уже ничего не разберешь. Вот почему их лучше держать в более удобном месте. И потом я предпочитаю получить записку в охранном футляре, чем из грязных рук туземца, который не мылся ни разу в жизни...

Так они шли, разговаривали, садились отдыхать у дороги, пили горячий чай из термоса, ели консервы и фотографировали все, что заслуживало интереса для редакции географического журнала, где был сейчас большой спрос на материал о Кашмире, Пакистане и пограничных краях, таких, как Гилгит, Вахан, Дир или Сват. Погуляв, они снова усаживались в машину. День, напоенный жаром горного солнца, запахами сосны и горных цветов, двигался к вечеру.

Дорога была пустынна, и только когда Фазлур остановил машину, не спрашивая разрешения,— что было дерзостью с его стороны,— Фуст увидел маленького мальчика. Он стоял над дорогой на груде камней, и его босые ноги были такого же цвета, как камни. Жалкие голые прутья какого-то куста торчали из камней, и сам мальчик был похож на такой же прутик, дрожащий на ветру и совершенно одинокий. Он был закутан в большой старый коричневый дырявый платок, концы которого он держал в руках, чтобы на них не наступить. Грусть, лежавшая на его лице, говорила о том, что он забыл, как улыбаются. Лицо его было в пыли и обветрено, как у маленького пастуха. Черные жесткие волосы выбивались из-под платка.

За ним рисовался огромный провал в ущелье, где плыло большое белое облако.

— Что такое? — спросил Фуст, когда Умар-Али остановил машину по жесту Фазлура.

— Там что-то случилось! — воскликнул Фазлур, соскочив.

Он быстро пошел к неподвижно стоявшему мальчику. Фуст видел, как Фазлур наклонился и что-то спросил, но мальчик не пошевелился.

Фазлур вскарабкался еще выше и увидел лежавшего навзничь человека, борода которого своими растрепанными краями поднялась к небу и руки были раскинуты на камнях. Рядом с ним лежала палка, с какой ходят горцы в далекую дорогу. Фазлур стал на колени, расстегнул его старую черную жилетку и положил руку на грудь. Перед ним был мертвец. Печать долгих мучений лежала на его лице, об этом говорили и глаза, застывшие в последнем, смертельном испуге, и морщины, бороздившие черно-коричневые щеки, и руки с толстыми синими жилами. Он лежал холодный и одинокий. Казалось, прежде чем упасть, он толкнул мальчика вперед, чтобы тот шел, не оглядываясь. И мальчик не имел сил ни оглянуться, ни шагнуть прочь от этого близкого ему и страшного своим молчанием человека. Он стоял, онемев. Сумерки спускались на дорогу, и облако, плывшее внизу, заполнило уже нижнюю долину и начало карабкаться на скаты горы, по которым шла дорога.

Фазлур обыскал мертвеца. Кроме маленькой тыквы за поясом для хранения нюхательного табака, он ничего не нашел в лохмотьях, в которые был облачен мертвец. Фазлур подошел к мальчику и снова спросил его, откуда они шли и кто они.

Мальчик не отвечал, потом посмотрел на него и сказал так тихо: «Кашмир», — что Фазлуру показалось, будто он прочитал это в мыслях у мальчика, а не слышал этого слова. Больше мальчик ничего не сказал, он сжался, как будто ему стало вдруг холодно.

Тогда Фазлур взял его за руку, и мальчик хотел сделать шаг, но его ноги подогнулись, и он упал бы на камни, если бы Фазлур не подхватил его. Он понял, что мальчик не держится на ногах, потому что он шел бесконечно долго и, повидимому, ничего не ел, так как у мертвого не было с собой никакой пищи.

Фазлур взял мальчика на руки и понес к машине. Умар-Али хотел помочь ему устроить мальчика получше, но Фуст сказал резко, как выстрелил:

— Я хочу знать, что происходит?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.

— Там лежит умерший беженец из Кашмира...

— Очень интересно. Пусть лежит. А мальчик?

— Мальчик один. Его нельзя оставить здесь. Ночью придут шакалы, они напугают его.

— Оставь мальчика, Фазлур, там, где он был. Это не наше дело, — сказал Фуст, — и садись, надо ехать...

Фазлур держал мальчика, глаза которого перебегали с одного на другого. Он не понимал значения произнесенных слов.

— Мальчика нельзя оставить, — Фазлур смотрел на Фуста в упор, — надо довезти его до селения, тут недалеко.

На холодном лице Умар-Али ничего нельзя было прочесть.

Гифт сказал, в свою очередь:

— Садись, Фазлур, мальчика подберут. На свете много мальчиков, всех не увезешь. На что он тебе?..

— Мальчика оставить нельзя! — повторил с жестким упрямством Фазлур.

— Тогда останешься и ты, — заявил решительно Фуст.

Фазлур отступил от машины, как бы решая, что делать.

— Я не брошу его...

— Поезжай, Умар-Али! — закричал Фуст.

Машина тронулась. В присутствии шофера Фуст не хотел сказать вслух, что он думает обо всем этом, он только скрипнул зубами и сел.

Фазлур шел, прижав мальчика к груди и чувствуя его дыхание на своей щеке. Дорога вела в гору, и поэтому он делал небольшие шаги, но ступал уверенно и легко. Если бы он был городским жителем, попавшим впервые в такую обстановку, он был бы полон смятения и страхов, так как сумерки становились все гуще, и дорога белела все безжизненней, и горы становились такими темными, что от них рождалось чувство тревоги и неизвестности.

Но он был сыном гор и любил этот торжественный час тишины, мирного ухода в сон, когда спокойствие природы передается человеку. Так хорошо дышится в эти часы, так можно свободно думать о многом, как будто расширяется сознание, отходят все маленькие заботы и заменяются большими думами, а мальчик, как заблудившийся ягненок, спит и не знает, что с ним будет дальше.

Фазлур представил себе Нигяр, которая увидела бы его в эту минуту на пустынной дороге, несущего в неизвестность неизвестного мальчика. Этому бы не поверили и знакомые девушки-горянки, перед которыми являлся он, заткнувши полы своей горной свитки за пояс, с пучком цветов, торчащим из-за закатанных краев войлочной шапочки, с маленькой палочкой в руках, прыгая по камням горной тропинки, напевая песенку, — веселый, красивый Огонь-Фазлур.

Его крепким ногам и крепкому сердцу было нетрудно взбираться все выше и выше. Он шел, вглядываясь, не блеснет ли где-нибудь в темноте огонек близкого селения.

Но огонька не было. Перед лицом огромного прояснившего неба, на котором выступили звезды, Фазлур испытывал тот прилив радости и полноты жизни, какой всегда приходил к нему, когда он знал, что будет писать песни или стихи.

Он растворился в этом синем прохладном мраке, который касался его щек и рук. Ночь как бы хотела убедиться, что это идет именно Фазлур. Какая-то ночная птица пролетела низко около него, и куст, стоявший над ним, сначала очень походил на человека. Фазлур шел теперь, как домой. Он не мог бы сказать, сколько он шел, потому что не думал об этом. Он хотел только одного, чего не могло быть. Он хотел идти хоть всю ночь, но придти в свой родной дом, открыть старую, со щелями дверь и сказать матери: «Я принес тебе находку. Посмотри, что я нашел на дороге».

И ни за что он не хотел бы больше видеть этих надменных, чужих людей, недобрых и темных, которые едут и везут его с собой непонятно зачем.

Сумрак вдруг стал таким густым, точно посреди дороги лег большой черный камень. Но в это мгновение вспыхнул свет, и при свете фар он увидел Умар-Али и машину. Умар-Али помог ему сесть. Фазлур сел и положил к себе на колени спящего маленького кашмирца. Американцы молчали, как мертвые.

После Умар-Али рассказал Фазлуру, что когда они почти доехали до маленького селения, где должны были ночевать, Фуст сказал шоферу:

— Останови машину, черт с ним, посмотрим, что он будет делать дальше с этим мальчишкой...

И они сидели, молча куря в машине, пока не дождались Фазлура.

Ночлег был предусмотрен заранее в маленьком селении, в доме у человека, которого рекомендовал Асадулла-хан. Аюб Хуссейн передал об этом Фусту.

Дом стоял на площадке над дорогой, и четыре высоких тополя как бы сторожили его. В свете восходящей луны была хорошо видна гора, с нее спускались потоки осыпей, на ней торчали отдельные скалы, казавшиеся в этом освещении зелеными.

В окнах небольшого двухэтажного дома виднелся мягкий свет. На дворе под навесом на очаге стряпали, над широким котлом поднимался белый пар, и сильно светились раскаленные угольз, которые помешивал время от времени человек в высоком белом тюрбане и в черной жилетке.

По двору слоились пестрые тени от тополей, кустов барбариса, каменной полуразрушенной стенки, от дома, людей, проходивших между домом и кухней. Фазлур сидел с местными крестьянами. Наступила их очередь служить помещику, они только недавно пришли в селение и теперь сидели, думая о своем оставленном хозяйстве, где с их уходом настало трудное время.

Тут же, несколько поодаль, на бревнах как будто дремали четыре человека. На самом деле они тихо переговаривались между собой. Это были бродячие торговцы, у которых существовали особые отношения с хозяином дома, разрешившим им ночевать у него во дворе. Сложив тюки со своим немудрым товаром и послав ишаков пастись на луг выше дома, они как будто грелись в белом свете луны, всходившей над горами и превращавшей двор в белоснежную площадку.

Умар-Али возился со своей машиной, поставленной под тополь рядом с кухней. Бродячий торговец подошел к Фазлуру, сел рядом. Фазлур невольно посмотрел на него внимательно. У него была небольшая бородка рыжего цвета, широкий халат, запахнутый на правую сторону, что говорило о том, что он мусульманин, широкие грязные белые шаровары, небольшой тюрбан и острая палка, которой он начал водить по земле, чертя какие-то буквы.

— Куда держит путь эта машина? — спросил он, показав палкой в сторону «доджа», под ко-

торым лежал Умар-Али, распластавшись, как черепаха.

Фазлур знал, что любопытство его земляков входит в их характер, и не видел в этом вопросе ничего необычного.

— Эта машина идет в Читрал,— сказал он,— а может быть, и дальше. А куда держит путь мой ночной друг, да процветает его торговля и приумножатся его богатства?

Торговец поблагодарил за добрые слова и снова спросил:

— Она идет к Барогилю, да?

Фазлур, в свою очередь, заметил, что торговец не ответил на его вопрос, куда идет он.

— Мы идем в Амбелах. Там у нас есть дела и старые должники. А она идет к Барогилю?

— К Барогилю.

— К Барогилю и дальше? — торговец усмехнулся в смолистые усы.

— Может быть,— отвечал Фазлур.

Он почувствовал, что теперь ему нужна крайняя осторожность, потому что он находится с человеком, который знает больше, чем говорит.

Торговец наклонился к самому плечу Фазлура:

— Улла-хан, да?

Фазлур слышал первый раз в жизни это имя. Оно ничего ему не говорило, но он сказал так же тихо, как будто через силу:

— Да!

Тогда торговец ответил ему чуть громче:

— Ты очень осторожен, это правильно. Мы должны хранить осторожность, но можешь смотреть открыто. Я же узнал этого маленького, толстого, с усами, и о том высоком мне было сказано...

Фазлур слушал, и его подмывало взять за глотку этого странного бродячего торговца и бить его головой о камень, пока он не расскажет всего. Но этого делать было нельзя. Поэтому он молчаливо признал справедливость сказанного.

— Они оба тут, — пробормотал он, — ты сам убедился...

Торговец довольно улыбнулся, как будто из него выглянул сразу другой человек, совсем другой, чем первый, что говорил о тайнах. Он сказал громким голосом, так, что его могли слышать и крестьяне, сидевшие неподалеку.

— Предложи господам купить что-нибудь у бедного торговца!

— Что ты можешь предложить таким людям, для которых открыты все базары больших городов и все магазины, где продают товары из-за границы? А потом, кто покупает безделицы, идя в горы? Покупают, когда идут домой.

Фазлур засмеялся при мысли, что он говорит, как в кино, разыгрывая какую-то чужую роль. Но торговец принял его смех за хитрость и, подмигнув ему, стал говорить так громко, что крестьяне начали прислушиваться к его словам:

— За иные безделицы платят большие деньги. Если, конечно, безделицы понравятся. Может быть, твои господа расщедрятся на безделицу... Какой-нибудь кисет...

«Они не мои господа», — хотел сказать Фазлур, но его уже увлек этот разговор намеками.

— Хорошо, приноси свои безделицы и пойдем в дом. Но я прежде должен предупредить их. Захотят ли они говорить с тобой?

Фазлур застал американцев сидящими за круглым низким столом на низких табуретках, покрытых подушками. Они ели плов и пили виски. Они даже не спросили Фазлура, где он устроился с шофером.

Они удивленно взглянули на его вторжение, но он объяснил, что бродячий торговец предлагает показать им, как он говорит, интересные безделицы, и если сагибам понравится, то может показать и другие товары.

— Мы идем в горы, ты знаешь, и нам ничего не нужно, — недовольно пробурчал Фуст. — Не понимаю, зачем нас отрывать от ужина.

— Я уже говорил ему, что нам ничего не нужно, — ответил Фазлур.

— Пусть он все-таки придет, — сказал Гифт, делая знак Фусту. — Позови его, охотник. Мы посмотрим. Иногда в глуши у таких бродячих торговцев есть вещи, стóящие того, чтобы их приобрести. Позови его, Фазлур!

Торговец вошел и, низко поклонившись, заговорил о своем товаре, сняв с плеча сумку, из которой он вынул ряд коробочек хорошей кашмирской работы, несколько статуэток из слоновой кости, изображавших разных животных, несколько четок и браслетов из черепахи с золотым обрезом, нефритовые ожерелья.

Фуст и Гифт рассматривали вещи без всякого интереса. Гифт открывал коробочки и нюхал их. Они пахли терпким сандаловым деревом, и казалось, этот резкий, сладостный запах проходит в самый мозг. Но американцы не хотели покупать этих вещей.

— Мы идем в горы, — сказал Фуст, возвращая торговцу ожерелья, — зачем нам эти украшения?..

— Посмотрите эту коробочку для лекарств, — сказал торговец, не терявший надежды что-нибудь все же продать. — У нее внутри несколько отделений. Или этот кисет. Такие делают далеко отсюда и привозят из Вахана. Это за Барогилем. Пожалуйста, посмотрите этот кисет...

— Нет, нам ничего не надо, — сказал решительно Фуст.

Но Гифт, вдруг оживившись, протянул руку, взял кисет с нашитыми кусочками кожи и бирюзой, вставленной искусно в узор, обрамляя кусочки черной кожи, распустил ремешки, и пальцы его ощутили аккуратно сложенный лист бумаги.

Гифт, не выпуская из рук кисета, завязал снова ремешки:

— Я беру этот кисет...

Торговец, едва улыбнувшись одними губами, сказал:

— Я знал, что господин возьмет именно этот кисет. Я знал, что он не может не понравиться. Этот кисет красив, как хорошая весть, — сказал он, нагло смотря своими кошачьими глазами на Гифта.

— Да, он мне очень нравится. — Гифт подкидывал на ладони кисет. — Я буду в нем хранить табак. Что он стоит?

— Раз эта безделица так пришлась по сердцу господину, мне трудно назначить цену. Господин сам назначает цену вещи, которую он выделил...

Гифт дал ему столько денег, что Фазлур, если бы присутствовал при этом, был бы крайне удивлен, но он сидел с Умар-Али и крестьянами у костра, на котором они грели воду для чая. Торговец пришел прямо к костру, сел рядом и стал греть руки. Лицо его было преисполнено достоинства и хитрости.

Усы он подкрутил, и кончики их были тонкие, как иголки.

— Я знал, что этим кончится, — сказал он, довольный и добродушный. — Улла-хан тоже так думал. — Он повернулся к Фазлуру и спросил: — Вы ждете их?

— Мы их ждем, как ждут родных, — сказал Фазлур.

Он не мог расспрашивать торговца о том, что за разговор он вел с американцами. Торговец явно принимал Фазлура за человека, посвященного во все. Фазлур уверенно отвечал на все его наводящие вопросы.

Торговец покачал головой. Он был полон сомнений, о чем сейчас же и поделился с Фазлуром.

— Оттуда сейчас придти трудно. Не многие, которым повезет, могут придти. Легче идти по дорогам ада... Большие снега, ледяной ветер, белая смерть...

«Большие снега», — подумал Фазлур и тут же спросил:

— Но ведь им помогают в пути?

Торговец защелкал своими четками и продолжал беседу. Он говорил теперь совершенно доверительно, как он сам себе представляет положение там, где «большие снега». Они уже за Касрабом, но это не близкий путь.

— У них нет опоры ни на кого. Красные китайцы очень быстро идут по следам. Они уже настигли многих.

Фазлур боялся спрашивать дальше. Он лихорадочно соображал. Значит, кто-то бежит из красного Китая, Фуст и Гифт идут этим людям на выручку, и за Барогилем их ждет Улла-хан. Вот какова история, в которую впутался Фазлур.

Он сильно поразился тому, что узнал. Эта горная лунная ночь, безмолвие огромных тополей, не шевелившихся ни одним листом, крестьяне, сидевшие, дожидаясь, когда можно будет пить чай, торговец, щелкавший костяшками четок и пришедший откуда-то из-за снежной громады Гиндукуша, — все показалось ему выдумкой, сном, но когда он увидел идущих к костру Фуста и Гифта, это ощущение пропало, вернулось хладнокровие, и темная злость стала расти в Фазлуре, злость, которую он не мог объяснить. Эта бессознательная злость заполняла его, как кипящая вода заполняет чайник, и он захотел сказать этим мрачным путешественникам, что все почти знает о них и что они не такие всесильные, как им кажется. Но то же бессознательное чувство подсказывало ему, что рано еще обнаруживать свое знание о них, рано еще предпринимать что-либо против них. Рано еще сказать, что Фазлур думает о них.

Фуст и Гифт стояли у костра. При их приближении один из крестьян хотел встать, но его одернули за латаный халат, и он снова сел и стал смотреть в огонь, точно боясь, что если он будет разглядывать пришедших, то они пронзят его своим господским взглядом. Фуст окинул глазами тихий двор, взглянул под навес, где догорали угли в очаге и теплая синева колыхалась в глубине, на тополи, как гигантские колонны устремившиеся к высокому темносинему небу, где плавала такая большая жаркая луна, что глазам было больно, если смотреть на нее в упор.

— Фазлур, — сказал Фуст, — в такую хорошую ночь нам не хватает песен. Ты хвастал, что поешь хорошие песни. Спой сейчас у костра. Это то, чего мы еще не слышали в горном краю.

Фазлур передал крестьянам, не понимавшим, о чем говорил Фуст, что американский ученый человек, записывающий все о жизни людей этих мест и все желающий знать, хочет, чтобы он, Фазлур, спел песню, какую-нибудь местную песню.

— Я, — сказал Фазлур, — спою. Не знаю только, понравится ли она ему. Хорошо, я спою, — повторил Фазлур. — Я сказал этим людям, — перевел он, — что вы хотите послушать местную песню. Здесь народ очень воинственный, это юсуфзаи. И я спою вам одну из их старинных песен: про поход англичан против горцев этих мест.

Слуги принесли из дома два складных стула, и американцы сели на них. Торговец опасливо подвинулся на другой край бревна. Крестьяне оставались молчаливыми и неподвижными. Но они приготовились слушать.

Фазлур встал и вышел перед костром. Осве-

щенный ярким золотым пламенем, он походил на воина, идущего в бой и влекущего за собой других. Он запел очень высоким пронзительным голосом мисры о далекой войне, кипевшей в этих горах в прошлом столетии. Эту песню поют и до сих пор воинственные потомки славных отцов и дедов. Эта песня пахла дымом кремневых ружей, горящими лесами и селениями, рассветами в пламени и пожарищами боевых ночей.

Ференги на ислам поднялись издалека,
Кровь моет, как вода, цветы в саду пророка.
Английские полки в горах шагают скоро,
Есть кони, и слоны, и мулы из Лахора.

Язычников ряды, кто сосчитать их сможет,
И пушки есть у них, и сикхи с ними тоже.
Гром битвы загремел, из всех ущелий дунув,
Пришли к нам храбрецы из доблестных пуштунов.

Как будто порыв горного ветра прошел над затихшим двором. Крестьяне подняли головы и смотрели на Фазлура, точно видели его в огне битвы. Два старых крестьянина сжимали и разжимали кулаки, третий сжал свой пояс, за которым торчала рукоятка ножа. Они жадно слушали, как пронзительно звенел голос Фазлура, и после маленькой паузы сами рванули вслед за ним хриплыми голосами:

Ференги на ислам поднялись издалека,
Кровь моет, как вода, цветы в саду пророка.

В изможденных телах этих тружеников трудной земли горячей забилась кровь; они вспоминали какие-то другие времена, годы своей молодости, дни, когда они бегали, как олени, по этим горам и сами принимали решения о мире и о войне.

Фазлур продолжал петь, и голос его летел выше тополей, к тем острым скалам, что вырастали далеко над селением, над зелеными каменными башнями, над спящими садами у реки, боровшейся с камнями и сбрасывающей их с громом в свою глубину.

Но после долгих дней кровавой, жаркой схватки
Дорогами бегут ференги без оглядки.

Крестьяне стучали о землю кулаками в полном восторге. Их гортанные радостные, поощрительные возгласы сопровождали теперь каждый стих.

Всё проклинают здесь: Бунир, долину Свата,
Готова пропасть тут для каждого солдата.
Они на дне лежат, их ветер зноем душит,
Их желтые ремни и волосы их сушит.

— Оах! — восклицали крестьяне.

Торговцы были тоже вовлечены в общее переживание, и слышно было, как они подпевают, не в силах удержать свои воинственные инстинкты.

Когда из Свата весть дошла до Баджаура,
Встал с нами Баджаур, как вихрь, от крови бурый.

Тут крестьянин, который хотел встать при появлении Фуста и Гифта, вскочил и прежде Фазлура начал петь заключительную мисру:

Ференги на ислам поднялись издалека,
Кровь моет, как вода, цветы в саду пророка.

В ошеломляющем порыве пели все этот последний куплет, и даже бесшумно приблизившиеся поварята и слуги из кухни подхватили его так, что долго в воздухе дрожали старые и молодые голоса, стараясь слиться в общий хор и напоминая лязг и крик битвы.

Песня смолкла. Фазлур стоял, как победитель, высокий, сильный горец. Глаза его сверкали. Крестьяне вытирали пот, от волнения выступивший на их лицах.

— Хорошо сложил эти мисры Талиб Гуляб [1], — сказал Фазлур. «Пусть послушают эти чужеземцы, — подумал он, — как горный народ дрался за свободу».

— Может быть, мне спеть:

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне? —

спросил Гифт.

— Вот, вот. — Фуст толкнул его под локоть. — Спойте, и эти сентиментальные чудовища заплачут, как дети на елке в приюте для сироток.

— Есть песни очень старые, как эта, — сказал старик-крестьянин, — но есть поновее. Вот я помню, двадцать лет назад мы, и крестьяне Баджаура, и горные моманды шли на помощь восставшим в Дире. Тогда к нам пришли и краснорубашечники из Пешавара и Хазара. Вот тогда мы тоже пели, когда шли на ханов и помещиков. Спел бы ты такую песенку.

Фазлур сказал старику:

— Рано еще петь ее, рано, старый воин.

— Что ты нам спел, охотник? — спросил Фуст. — Это была народная песня?

— Да, народ поет ее, — ответил Фазлур. — Этой песне лет восемьдесят. В ней говорится про поход Чимбелин-сагиба, который потерпел поражение в здешних местах.

— Это, наверное, Чемберлен?

— Да, они говорят Чимбелин, но это, конечно, Чемберлен. Англичане потеряли тогда много солдат и оружия.

— Эту песню я обязательно запишу, — сказал Фуст. — Для журнала с фото. Это будет замечательно. Они воинственный народ, твои земляки, а что они били англичан, тут уже мы ничем помочь не можем. А скажи, Фазлур, что-то я не вижу этого маленького чертенка, которого ты подобрал на дороге. Куда ты девал его?..

— Тут у меня есть друзья. Я пока устроил его у них. Они завтра похоронят его отца, что остался лежать там на камнях. Это беженцы из Кашмира. Тут на дороге увидишь всю жизнь от рождения до смерти. Вы не успеете все заснять. У вас не хватит пленки...

— Ну, ну, — сказал Фуст, видя, что Фазлур раздражается на его слова. — Ты пел действи-

[1] Талиб Гуляб — пуштунский поэт, писавший мисры — двустишия о войнах между англичанами и горными племенами.

тельно как артист. Такие песни надо петь ночью — это производит наркотическое впечатление.

Фуст и Гифт долго прогуливались по двору и перед сном, лежа на низких диванах, покрытых войлоками, снова перечли записку Уллыхана, извещавшего их, что, по сведениям из-за хребта, Кинк и Чобурн идут не одни. С ними два русских белогвардейца. Их покровитель, старый волк Хамед-бег, захвачен красными, но они пока двигаются без столкновений. Красные китайцы их, несомненно, преследуют.

— Вы знаете, — сказал Фуст, — в Лахоре один богатый купец спросил меня: почему победил народный, как они говорят, Китай? Я ничего не мог ответить ему. Мне кажется, это все происходит от чудовищного перенаселения. Миллионы людей, периодически голодающих, которым отрезали путь к образованию и к какому-либо обогащению, впадают в анархию. Мы не можем ничего с ними сделать... Их слишком, слишком много. Они размножаются, как муравьи.

Если через семьдесят лет население мира удвоится, то удвоившееся население Китая вы можете себе представить? Я не могу... Их надо остановить... Индия идет за ними. Как вы относитесь к тому, чтобы предоставить землю желтой, красной, черной расе? Это безумие. Это вырождение. Вы понимаете меня, Гифт?

Гифт лежал и курил и сквозь облако дыма отвечал спокойно:

— Вы слышали об опытах некоего американского биохимика, который работает над дешевым и верным способом остановить рождаемость?

— Что это за способ? — спросил Фуст. — Как только о нем узнают в этой или в другой азиатской стране, будет новый бунт. Эти несчастные видят единственный смысл существования в бесчисленном потомстве. Если от них, раздетых и голодных, отнимут это будущее, они будут сопротивляться, как одержимые. К сожалению, их нельзя всех кастрировать, хотя кастрация отца семейства после рождения первого сына была бы очень хорошим средством. А употребление противозачаточных средств невозможно из-за полного невежества.

— Нет, речь идет о совершенно новом, научном подходе. Это будут дешевые и безвредные противозачаточные средства, которые в виде порошка можно примешивать в пищу. Вы делаете двойное доброе дело. Кормите голодных и уничтожаете возможность их размножения.

Фуст оживился. Его увлекла картина, нарисованная Гифтом.

— Это грандиозно! И ведь это средство вы можете применять так же незаметно, как если бы вы положили соседу в чашку чая лишний кусок сахару. Он выпил, не чувствуя, что он уже исполнил ваше желание — видеть его лишенным потомства. Но это средство надо засекретить, чтобы оно не попало в руки противника. Иначе мы окажемся в очень большой, неслыханной опасности.

Гифт ответил ему:

— Вы знаете положение Уолтера Питкина[1] о делении людей на две категории: дорогих и дешевых. Он ставит это деление в зависимость от количества продовольствия в стране. Где продовольствия мало, а народу много, там люди дешевы. Там, где продовольствие обеспечивает жизнь, там люди дороги. Но он идет дальше. Он считает, что человек, скажем, американец,— это, конечно, дорогой человек, потому что это высокий продукт высокой технической культуры, человек свободного мира, обладатель многих материальных ценностей, организатор, производитель, инициатор, несущий всем народам плоды своего гения. Это вам приятно слышать, Фуст?

— А вам? — сказал Фуст, засмеявшись, что может поставить Гифта на место.

— И мне приятно. И вот будем откровенны. Дорогих, как мы, американцы, людей очень мало. Ну, считая американцев миллионов семьдесят пять — восемьдесят, конечно, не все сто шестьдесят, будем справедливы, и столько же в других странах передовой культуры, по эту сторону «железного занавеса». Вот и все. Остальные — это дешевые люди, которых жалеть нечего, потому что сама судьба ставит их в постоянное бедственное, безвыходное положение. Подымать дешевых людей до дорогих — никому не нужная благотворительность...

— Гифт, сознайтесь, есть у вас уже порошок, о котором вы говорили?..

Гифт захохотал, посасывая трубку.

— А вам он уже так срочно нужен?..

— Да, я бы с удовольствием подложил свинью Фазлуру и всыпал ему этого порошка в утренний чай. Мне кажется, я что-то начинаю понимать...

— А что именно? — спросил Гифт. — Мне, признаться, не понравилась его воинственная песня и разгоряченные морды аборигенов, так охотно ее подхвативших...

— Эти дешевые люди, по вашей терминологии, обойдутся нам дорого,— сказал Фуст.— Я тоже видел, как раскрылась их кровожадная натура, когда он пел. Но как вы думаете, зачем он спел именно эту песню? Напугать нас?

— Не знаю, — сказал Гифт, — это не приходило мне в голову. Они ненавидят англичан, и поэтому он, может быть, хотел нам доставить приятное, зная, что мы не будем иметь ничего против.

— А его упрямство в случае с тем щенком, стоявшим у дороги? Если бы я не подождал его, что было бы, Гифт? Он бы ушел, и больше мы бы его не видели.

— Может быть. Но почему вы остановили машину? Мне не совсем понятно, зачем мы его ждали.

— Я не хотел, чтобы он исчез...

— Он бы не исчез...

— Почему вы так думаете, Гифт? Мы его обидели, он дикарь, самоуправство у него в крови. И, кроме того, у меня есть какое-то темное подозрение, что он не то, что нам кажется.

Гифт докурил трубку, выбил ее и повернулся к Фусту.

— По-моему, он бы не исчез. Он следит за нами так же, как и мы за ним.

— Гифт, что вы сказали сейчас? Такие вещи не говорят громко.

— Фуст, не будьте мальчиком! Мне кажется, что с этим молодым человеком вы можете говорить не об охоте на горного козла, а о политике Советов на Востоке и о том, как выбросить империалистов за пределы страны. И он вам даст в порядке обмена опытом кое-какие любопытные сведения. Помните, как я ошибся в веселом Гью Лэме, этом паршивом краниологе, будь он проклят с его доисторическими мозгами!

— Еще бы не помнить! — сказал Фуст. — Этот факт я запомню надолго.

— Мне кажется, что на этот раз ошиблись вы, и я буду иметь некоторое удовольствие вам это доказать.

— «Некоторое» вы сказали совершенно правильно, потому что если все подтвердится, то обманут не я один, а мы оба. И мы оба жестоко поплатимся. Но у вас есть доказательства?

Гифт, быстро вскочив с дивана и подойдя к двери, распахнул ее. Он невольно задержался перед дверью. В ее квадрате висели огромные зеленые горы, и луна глядела на эту горную страну с холодной, недосягаемой высоты с такой железной жестокостью, что Гифту стало холодно. Ни души не было за дверью. Он вернулся на диван.

— Так чем вы предлагаете кончить веселое приключение, называемое Фазлур? — спросил он, закутываясь в одеяло.

— Мы возьмем его с собой до конца! — сказал Фуст.

— До какого конца? Что вы называете концом?..

— Концом я называю такой день нашего путешествия, когда друзья будут с нами, когда все будет ясно. С завтрашнего дня мы занимаемся Фазлуром всерьез. Я уже сказал, что каникулы кончились, начинается работа.

— Фуст, прежде чем закрыть глаза, скажите: он знает про нас и про нашу задачу? — спросил Гифт.

— Он может считать себя конченным в тот день, когда он узнает об этом, — сказал Фуст.

Продолжение следует.

---

[1] Уолтер Питкин — американский экономист, написавший предисловие к книге американского эксперта по вопросам населения Элмера Пенделла «Безудержный рост населения».

Стихи поэтов Югославии

Палец

Владимир НАЗОР

Владимир Назор (1876—1949) участвовал в национально-освободительной борьбе югославского народа.

Стихотворение «Палец» написано во время войны.

На пень у дороги старуха устало присела,
седая, сутулая, смотрит на нас молчаливо
и пальцем худым по бойцам проходящим
проводит,
задержится на одном, а другого минует.
Проходит отряд, и цокот копыт затихает,
и вот уж не слышно шагов и дыханья
идущих...

Я спрыгнул с коня моего и застыл перед нею,
в глаза заглянул ей и бережно обнял за плечи.
— Не надо считать, все равно ты собьешься
со счета.
Мы только частица огромной, бескрайней
лавины,
истоки ее затерялись в минувших столетьях,
течет по ущельям она, по тернистым дорогам,
она не иссякнет — где падает воин сраженный,
там новые воины место его заступают!

Не сравнивай нас — мы родня, одного мы
замеса,
похожие ядра, хотя и в различных скорлупах,
единое солнце вершины огнем заливает,
и ровно ложатся в влажную борозду зерна,
и сотни похожих колосьев сливаются в море!
Мы стали родившимся вновь легионом
Тебанским,
и силы такой не найти, чтоб его сокрушила,
мы вечны, как жизнь, и ничто нас на свете
не сломит!

Я это сказал ей, и пальцы ее задрожали,
и взгляд потеплел...
Я вскочил на коня, оглянулся —
во мгле исчезала улыбка, во мгле нарастала
тяжелая поступь лавины, идущей сквозь
темень
тропою грядущего, ясной, прямою тропою!

В сумерки

Марин ФРАНИЧЕВИЧ

Марин Франичевич — участник партизанского движения. Стихотворение «В сумерки» написано в 1943—1944 годах.

В сумерки гнутся маслины
под грузом плодов неспелых.
Песни звенят соловьиные —
вечно бы слушать хотел их.

Гонит овечье стадо
мимо меня девчонка,
спокойно идет она.
Я провожаю взглядом
беленького ягненка —
курчавого прыгуна.
В сумерках много грусти...

Я слышал: там, на востоке,
три миллиона русских
пали в сраженьях жестоких.

Наверно, любили они, как и я,
сумерки и соловья...

Перевели с сербско-хорватского
П. ГРУШКО и Д. МАНСФЕЛЬД.

Поездами управляют автоматы

Вл. РУДИМ

Фото А. НОВИКОВА.

Случай на дороге

Несколько минут назад могла произойти катастрофа. Кто знает: может быть, она унесла бы человеческие жизни! И хотя все обошлось в конце концов благополучно, пассажиры нашего вагона заволновались, зашумели. Моя соседка, учительница Мария Семеновна Якушева, всплеснула руками:

— Подумать только, какой опасности мы подвергались!

Пассажирский поезд Москва — Рязань стоял на перегоне за станцией Раменское: впереди, в нескольких десятках метров, был лопнувший рельс.

Когда улеглось первое волнение, Мария Семеновна сказала:

— Кто же спас нас? Нужно поблагодарить его.

У пассажиров нашлись духи, папиросы, коробки конфет. С подарком направились искать путевого обходчика, который, как передавали, обнаружил лопнувший рельс. Но когда спросили, где путевой обходчик, нам ответили:

— Да его здесь и близко не было.

— А кто же тогда предотвратил крушение? — допытывались мы у машиниста, которому наше любопытство было почему-то не по душе.

— Автостоп — вот кто! — И он указал на небольшой железный ящик на площадке впереди своей будки.

В черном ящике спрятан умный механизм, который зорко следит за ходом паровоза, предупреждает свистком о необходимости сбавить скорость и, если это почему-либо не сделано, останавливает локомотив в минуту опасности. Наш машинист чувствовал себя виноватым: из-за его невнимательности поезд ехал на заградительный огонь светофора с превышенной скоростью. Хорошо, что бдительный автостоп сделал свое дело.

После такой остановки паровоз не тронется дальше, как бы ни старался машинист. Из подобного положения выход только один: должен придти главный кондуктор или начальник поезда и специальным ключом устранить «чары» автостопа. Кроме того, в маршрутный лист будет внесена соответствующая отметка. Но, допустим, главный кондуктор окажется человеком покладистым и ничего не запишет в маршрутный лист. Тогда автостоп, этот «железный немой», не расскажет о случившемся?

Скрыть задержку не удастся даже тогда, когда поезд наверстает опоздание и в конце концов закончит рейс в срок: на паровозе имеется другой прибор, записывающий скорость локомотива, а также регистрирующий остановки.

Поезда мчатся навстречу...

«Зацепившись» за автостоп, мы познакомились затем с диспетчерской централизацией однопутного участка Московско-Рязанской дороги.

В задрапированной комнате диспетчерской тихо, уютно. В центре стоит пульт управления. В верхней его части, на так называемом табло, вытянулась схема путей всего участка от Люберец до Черустей, находящихся за 157 километров от пульта управления. Схема напоминает ручей, который то течет одним рукавом, то разветвляется в местах, где есть станции. Порою на «ручье» вспыхивают желтые точки, словно пузыри во время дождя; они сигнализируют о продвижении поездов. И хотя сами «пузыри» неподвижны, но, загораясь по очереди, в соответствии с движением поезда, они создают такое впечатление, будто «текут» по этому веселому ручью.

Сегодня дежурит Владимир Алексеевич Осипов. Он бросает беглый взгляд на «ручей» и видит: один из поездов (а всего их на линии сейчас десятки) приближается к разъезду 41-го километра, следуя в Москву. В тот же момент внимание диспетчера переключается на многочисленные ручки для перевода стрелок, открытия входных и выходных сигналов. Он поворачивает стрелочную рукоятку-ромбик, потом нажимает пусковую кнопку, и над ромбиком загорается желтый огонек, что означает: стрелка переведена. Поезд будет принят на первый путь. Еще одно движение: другой ромбик, ведающий входным сигналом, тоже повернут, и его острие нацелилось на зеленый огонек — вход открыт.

С противоположной стороны к разъезду «бежит» другой огонек — идет встречный поезд. И ему тоже открывается вход. Не слишком ли большой риск: принимать на два пути два поезда одновременно?

Прежде это было запрещено, а теперь новая техника управления вполне обеспечивает безопасность и позволяет ускорить продвижение поездов.

Следя за работой диспетчера, легко заметить, что он предварительно «заготовлял» сразу несколько распоряжений, поворачивая различные ручки, а потом нажимал на исполнительные кнопки. В то же мгновение соответствующие импульсы мчались по двум проводам исполнять приказ.

— Но, позвольте, — невольно вырвалось у нас, — ведь вы отдали сразу семь распоряжений, а идти им по одному каналу! Значит, нужна какая-то очередность для них?

— Совершенно верно. Дело в том, что импульсы — очень организованный «народ». У нас все так устроено, что сперва пройдут те импульсы, которые по нашему условному обозначению имеют меньший порядковый номер. Так что не может быть и речи о том, чтобы кто-нибудь мог «втереться» без очереди. На выполнение каждого распоряжения уйдет ничтожно мало времени — около четырех секунд.

Мы рассказываем Осипову о случае с рязанским поездом и спрашиваем: а что было бы, если б такое произошло на однопутном участке? Вероятно, расписание нарушилось бы на целые сутки? Наша неосведомленность вызвала у Владимира Алексеевича улыбку.

— Сейчас поймете, — говорит он. — Наши приборы автоматически контролируют любые неисправности пути, и как только лопнет рельс, одновременно зажгутся красные огни: один — на линии, на светофоре, второй — здесь, на схеме путей. Немедленно будет вызван дорожный мастер: он срочно пошлет на перегон ремонтную бригаду.

Однако так или иначе произойдет задержка в движении. Как «выпутаться» из создавшегося положения? Осипов вдруг оживился:

— Смотрите сюда. Как раз сейчас на нашем участке опаздывает поезд, но по другой причине. Он находится на станции Люберцы, где не стоит «впустую». Я распорядился прицепить к составу еще 22 полувагона, которые ожидали отправки.

Прошло несколько минут, и диспетчер отправил товарный поезд дальше. Его пропускали по «зеленой улице» — без остановок, на станциях обеспечивали разминовки со встречными поездами с хода, как мы это уже наблюдали. И через час было наверстано опоздание, график снова вошел в свое «русло». При прежнем, жезловом способе управления график движения действительно нарушился бы на целые сутки.

Так работает диспетчерская централизация — одна из разновид-

ностей телеуправления. Она применяется на однопутных направлениях, где дает наибольший эффект. Скорости движения на однопутном участке становятся почти такими же, как и на двухпутном. Сокращается сорок процентов обслуживающего персонала: дежурных по станциям, стрелочников. Насколько выгоден такой способ, устройство которого окупается за четыре — пять лет, свидетельствует среди прочих и тот факт, что в Соединенных Штатах Америки на некоторых линиях, где вводится подобная автоматика, снимается второй путь.

Первая в нашей стране диспетчерская централизация была осуществлена двадцать лет назад на участке Люберцы — Куровская.

В пятой пятилетке она была продолжена за Куровскую — до Черустей — и составляет. 134 километра. А за Черустями — следующий участок телеуправления поездами, уже другой дороги. За два десятилетия здесь не было ни крушений, ни аварий, получена экономия, исчисляющаяся миллионами рублей.

Это немало, но далеко не все, что следовало бы «выжать» из диспетчерской централизации. Участок, как говорят сами железнодорожники, может пропускать значительно больше грузовых поездов, чем фактически проходит сейчас.

Кто заменил стрелочника

Путевое хозяйство Курского вокзала можно окинуть взором только с птичьего полета,— так оно обширно. Многие десятки путей разбежались во все стороны. В одном месте они идут параллельно, разлиновав землю, как страницу тетрадки, в другом собираются в своеобразный пучок, похожий на стальной веник. А вот в стороне легло на землю «железнодорожное солнце» — поворотный круг, «излучающий» синевато-белые лучи — рельсы. И по всему этому хитросплетению путей непрерывное движение: прибывают и отправляются пригородные электрички, дальние поезда — товарные и пассажирские, — снуют маневровые паровозы. Посмотришь и подумаешь: как умудряются люди руководить этим железнодорожным «муравейником»?

Еще совсем недавно поездной маршрут готовился так: по путям, где должен пройти поезд, посылались два стрелочника — с противоположных концов, навстречу друг другу — и переводили стрелки. Теперь же прием и отправление поездов на Курском вокзале автоматизированы. Здесь осуществлена маршрутно-релейная централизация. Если бы в помещение аппаратной зашли дети, было бы трудно увести их отсюда, от удивительного «волшебного шкафа», который и разговаривает разными голосами и полон многих других «чудес».

Внешне он в основном схож с пультом диспетчерской централизации, но «характер» у него другой — более яркий и темпераментный.

На лаково-черном пульте вспыхивают и потухают красные, зеленые, желтые и синие огоньки. А если здесь горит, например, синий, то он повторен и на светофорах соответствующего пути, что означает: маневры запрещены. На белых табличках читаем: установка враждебности, отмена враждебности, пригласительный сигнал. Если между двух путей рабочие заняты ремонтом, то «установка враждебности» закроет один путь для приема или отправления поезда, пока работа не будет закончена. У «пригласительного сигнала» иная функция: в случае, когда на входном светофоре из-за неисправности не загорится разрешающий огонь — в данном случае желтый,— дежурный нажмет кнопку и на том же светофоре вспыхнет белый — пригласительный — огонь.

Центр пульта управления занимает большая схема путей. Сделана она так, что, не будучи включенной, почти не видна. Впрочем, всю ее включать и не нужно: дежурный по станции зажигает на ней только те «пути», по которым пройдет поезд. И все это напоминает своеобразную праздничную иллюминацию, на которой вспыхивает то один участок, то другой, то третий. Каждый маршрут состоит или из нескольких ломаных линий, или из совершенно прямой — и в каждом случае, сколько бы ни вбирал он в себя путей и стрелок, для составления маршрута достаточно нажать всего две кнопки. И сразу же на антрацитово-черном фоне быстро, одно за другим загорятся белые тире, вытягиваясь в линию, словно прошивают ночь трассирующие пули. Несколько секунд — и маршрут готов, переведены все стрелки, зажжены необходимые сигналы.

«Механический диспетчер» позволил уменьшить штат стрелочников, сигналистов и операторов на двадцать восемь человек.

Вокзал, на котором нет ни одного стрелочника,— разве это не свидетельство технического прогресса на железнодорожном транспорте! С таким настроением пошли мы и на пути, чтоб посмотреть, как будут переводиться стрелочные остряки по воле далекого от них дежурного по станции. И здесь, на путях, мы неожиданно столкнулись... со стрелочниками. Настоящими, живыми стрелочниками.

— Что же вы здесь делаете? — спросили мы одного из них.

— Стрелки чистим — за чистильщиков работаем. Для управления-то создали машину, а чистить приходится по-старому: метлами, скребками, лопатами... — Подумав, он добавил: — Я так понимаю: нет ей полной веры, технике этой, если нас держат. Из самого министерства такое распоряжение дано.

Так мы узнали, что с оглядкой на то, «как бы чего не случилось», Министерство путей сообщения еще держит на Курском вокзале «сорок глаз» — двадцать стрелочников. Не случайно кое-кто называет и этих стрелочников и главным образом тех, кто не решается снять надзор над техникой, «тормозящими фигурами».

Путешествие в завтра

А теперь предпримем путешествие в будущее железнодорожного транспорта. Причем сперва нам придется воспользоваться несколько необычным для такой поездки средством передвижения — лифтом. Скоростной лифт поднимет нас на самый верхний этаж высотного здания у Красных ворот, в котором находится Министерство путей сообщения. Снаружи здания, на крыше, вы увидите нечто похожее на огромный репродуктор, его диаметр — более трех метров. Этот стальной, выкрашенный в зеленый цвет «репродуктор» — антенна радиорелейной линии связи Москва — Рязань. Для такого вида связи не нужно подвешивать на столбах провода или прокладывать кабели под землей, он безотказно действует в солнечные дни и в осеннюю непогоду, не боится горных обвалов, снежных заносов, обледенений. Его «провода» — ультракороткие волны.

Направленные отсюда, с высотного здания, они будут подхватываться на пути специальными ретрансляционными мачтами-антеннами и после трех таких «пересадок» достигнут Рязани. Линия позволит одновременно вести связь по 24 каналам и транслировать телевизионные передачи. И это, конечно, не предел. В зависимости от мощности и совершенства оборудования число каналов может быть увеличено в несколько раз. По этим каналам, гораздо более надежным, чем провода или кабель, можно посылать также импульсы, которые будут переводить стрелки, зажигать огни светофоров, управлять движением поездов.

Московско-Рязанская перестала быть монополисткой диспетчерской централизации. Обзавелись ею и Ташкентская, и Казанская, и Туркестано-Сибирская, и Северная, и другие дороги. К тому же у них введена еще и поездная радиосвязь: центральный пульт в любую минуту может связаться по радио с поездами на линии.

Все это, конечно, пока «капля в море», лишь начало. В течение ближайших пяти лет протяженность участков, оборудованных диспетчерской централизацией, должна увеличиться в 10—12 раз. Причем автоматически управляемые поезда будут мчаться не только по однопутным, как до сих пор, но и по двухпутным линиям.

Решения XX съезда КПСС открыли путь быстрому техническому прогрессу на железных дорогах страны.

Время больших перемен не за горами. Будто разведчики завтрашнего дня, уже выбежали на линии мощные светофоры — прожекторные. Скоро осуществится еще одно новшество: в кабинах машинистов электровозов будут воспроизводиться сигналы не только ближнего, но и нескольких последующих светофоров — тяжеловесные поезда смогут мчаться с максимальной быстротой. Скорость поезда автоматически будет регулировать (а не только регистрировать, как сейчас) специальный прибор — на подъемах, уклонах, поворотах, перед желтыми и красными огнями. На остановках слесари перестанут стучать молотками по колесам: осмотр состава специалисты поручат радиоактивным изотопам.

А какой станет диспетчерская? Отсюда посылаются распоряжения станциям и поездам по каналам радиорелейной связи на очень большие расстояния. Здесь появится специальный телевизор: нажмите соответствующую кнопку — и на экране возникнет нужный перегон, или станция, или поезд, преодолевающий где-то далеко трудный подъем.

Представьте себе еще такое: впереди электровоза неожиданно оказалось препятствие — упавшее дерево или что-нибудь другое, не замеченное машинистом из-за тумана или ночной темноты. Однако крушения не произойдет: специальная установка «обнаружит» опасность, и немедленно вступит в действие автостоп. И то, что произойдет где-то на линии, сразу увидит диспетчер на экране телевизора.

Наконец, настанет время, когда один человек будет руководить движением поездов уже не участка, а целой дороги. Совершенный пульт управления самостоятельно, без прикосновения чьей-либо руки, будет открывать входные огни на станцию, сигнализировать об опоздании поезда.

Так, «сквозь годы мчась», мы сможем с вами совершить поездку в самом комфортабельном поезде с полупроводниковыми холодильниками, которые будут охлаждать вагоны в жаркое время и нагревать зимою, в поезде без... машиниста. Его заменят очень точные и безотказные приборы. Возможно, что на пункте управления такими поездами вы не найдете и диспетчера. «Диспетчерами будущего» станут вычислительные машины. И это будет время самого четкого и самого безопасного движения на железнодорожном транспорте.

В кабине моторного вагона электрички. Слева — прибор, дублирующий сигналы светофоров, стоящих вдоль линии.

Автор „Марсельезы"

Т. ДОСТУПОВА

В июльские дни 1792 года, когда население предместий Парижа приветствовало батальон марсельцев-волонтеров, явившихся защищать завоевания республики, незнакомая мелодия, мужественная и бодрая, прозвучала в рядах бойцов. Ее ритм сливался с решительной поступью марсельцев:

«О, дети родины, вперед!
Настал день нашей славы...»

Песня была тут же подхвачена ликующей толпой парижан. Не спрашивали, кто написал ее слова,— многим казалось, что она именно в эти минуты создана самим народом.

А между тем творцом песни был офицер — военный инженер французской армии, поэт и композитор Руже де Лиль.

Клод Жозеф Руже де Лиль родился в семье адвоката. Самоучкой выучившись играть на скрипке, он с ранней юности сочинял песни, романсы, оперные либретто.

С 1791 года Руже де Лиль в рядах армии, в Страсбурге. В этом городе, где издавна сложилась любовь его граждан к музыке, тепло встретили молодого поэта. Здесь он познакомился с венским музыкантом Игнасом Плейелем. Вдвоем они написали «Гимн Свободе», который впервые исполнялся жителями Страсбурга в сопровождении оркестра.

Друг Руже де Лиля мэр Страсбурга Фредерик Дитрих предложил однажды поэту: «У нашей армии до сих пор нет боевой походной песни, напиши ее». И вот Руже де Лиль создал шесть строф песни с повторяющимся боевым припевом. Но если бы кто-нибудь из друзей сказал ему тогда: «Ты написал гениальное творение!»,— поэт только недоверчиво улыбнулся бы в ответ. На другой же день «Боевая песня Рейнской армии», как назвал ее Руже де Лиль, исполнялась автором перед собравшимися друзьями. А затем она была исполнена оркестром национальной гвардии перед революционными полками. По требованию солдат сразу полюбившаяся им песня была повторена несколько раз. С того времени листки с текстом и музыкой «Боевой песни» начали свое странствие по французской земле.

Руже де Лиль исполняет первый раз «Марсельезу» у мэра г. Страсбурга Фредерика Дитриха.

22 июня 1792 года в Марселе, в клубе «Друзей конституции», состоялся банкет в честь уходящих на фронт марсельцев-волонтеров. Неожиданно кто-то молодым, звенящим голосом запел: «О, дети родины, вперед...» Песню подхватил весь зал, а через минуту ее пела вся улица.

С этой песней марсельцы прошли до Парижа. Композитор Гретри потом писал Руже де Лилю: «Ваши «куплеты марсельцев»... поются во всех театрах и во всех концах Парижа; мелодия очень хорошо усвоена всеми благодаря тому, что ее слышат каждый день в исполнении хороших певцов».

В Париже песня была напечатана под названием «Гимн марсельцев», или сокращенно «Марсельеза». Первоначальное название вскоре было забыто, а имя автора для многих осталось неизвестным.

Поэт тем временем продолжал сражаться за республику. В 1795 году, когда «Марсельеза» стала национальным гимном, ее автор был тяжело ранен в бою.

Оставив военную службу, Руже де Лиль жил в крайней бедности. Последние свои годы он занимался переводами, в частности переводил басни И. А. Крылова.

Руже де Лиль.

В 1831 году поэту революции был пожалован орден Почетного легиона и установлена скромная пенсия. Руже де Лиль скончался 30 июня 1836 года. И если о нем скоро позабыли его соотечественники, то без «Марсельезы» уже не обходилось ни одно празднество, ни одно событие.

На баррикадах Парижской Коммуны 1871 года «Марсельеза» зазвучала с новой, потрясающей силой. В конце прошлого столетия «Марсельеза» дошла до России. В 1875 году в газете «Вперед!» появился новый текст «Марсельезы», написанный П. Л. Лавровым и названный «Рабочая марсельеза». Ритмически песня несколько изменилась, но основа ее мелодии осталась той же. Слова «Рабочей марсельезы»: «Отречемся от старого мира...» — вдохновляли рабочих России на борьбу с царизмом.

26 июня отмечается сто двадцатая годовщина со дня смерти поэта-композитора, гражданина Франции Руже де Лиля, давшего миру песню всех революций — «Марсельезу».

Из собрания наших музеев

В. БАКШЕЕВ,
действительный член Академии художеств

Прелестная молодая женщина, с чуть задумчивым взглядом, с приоткрытым в легкой полуулыбке ртом, с изящными линиями шеи, рук и плеч, вся воплощение грации, хрупкой женственности и бесконечной обаятельности — такова герцогиня де Бофор в портрете Томаса Гейнсборо — знаменитого английского художника XVIII века. Общий тон портрета леди Бофор жемчужно-голубой. Нежные перламутровые тона незаметно переходят один в другой, мягкие краски будто переливаются и трепещут. Гейнсборо не только утонченный колорист. В искусстве портрета он умеет, кажется, передать и мгновенное настроение своей модели. Портрет герцогини де Бофор — подлинная жемчужина в собрании произведений английского искусства, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

Джошуа Рейнольдс — другой английский художник мирового значения, которого можно считать главой английской портретной школы,— был и первым президентом Академии художеств, основанной в Лондоне в 1768 году. Его «Девочка у окна» (Государственный Эрмитаж) — это, собственно, вольная копия с известной картины Рембрандта, в творчество которого Рейнольдс был влюблен. Внимательно изучал он творение великого голландца, а затем создал свою картину, похожую и непохожую. И понятно, почему так мила у Рейнольдса эта скромная маленькая девочка: он знал и любил детей, их забавные привычки, их манеры, порой грациозные, порой неловкие.

Полна веселой и лукавой грации «Плутовка» Рейнольдса (Киевский музей западного и восточного искусства).

К самому концу XVIII века относится картина Джорджа Морленда «Приближение грозы». Морленд — замечательный английский жанрист и пейзажист. Сюжеты его полотен — жизнь сельских тружеников и близкая сердцу каждого англичанина природа. Одаренный и смелый живописец-романтик, он насыщает свои пейзажи порывом, борьбой, движением. Известно, что обычно Морленд писал маленькие пейзажи, которыми часто расплачивался с кредиторами — их у него было множество,— нещадно эксплуатировавшими талант нерасчетливого и беспечного художника. «Приближение грозы» — одно из больших по размерам и наиболее завершенных полотен Морленда.

В собраниях музеев Советского Союза имеется только один пейзаж Джона Констебля — «Вид на Хайгет с Хемпстедских холмов». Но даже на основании одного этого пейзажа можно говорить о главном в творчестве английского художника-реалиста, сумевшего в простом и повседневном увидеть красоту, передать, кажется, краски самой жизни. Сколько благородства в словах художника: «Я рожден, чтобы писать... мою любимую старую Англию»! Это признание — итог его творческого пути.

Художник Эдвин Лендсир известен как анималист и жанрист. Написанная им скромная по размерам и сюжету картина «Отдых» (Рижский музей изобразительных искусств) типична для всего его искусства, простого и искреннего.

ВЫСТАВКА АНГЛИЙСКОГО ИСКУССТВА XVI—XX ВЕКОВ

Т. Гейнсборо (1727—1788). ПОРТРЕТ ГЕРЦОГИНИ ДЕ БОФОР.

Джошуа Рейнольдс (1723—1792). ДЕВОЧКА У ОКНА.

Джошуа Рейнольдс. ПЛУТОВКА.

Дж. Констебль (1776—1837). ВИД НА ХАЙГЕТ С ХЕМПСТЕДСКИХ ХОЛМОВ.

Джордж Морленд (1763—1804).
ПРИБЛИЖЕНИЕ ГРОЗЫ.

Э. Лендсир (1802—1873). ОТДЫХ.

НАМИ ЖИЗНЬ ТВОРИМА. НАМИ!

Б. ГАЛИН

Кажется, это было в Баку, году в двадцать восьмом... Горький весь тот год провел в пути. На нефтяных промыслах встретились рабкоры и молодые писатели с Алексеем Максимовичем. Кто-то послал ему записку с вопросом: что должен знать писатель? Горький прочитал записку вслух, а ответил за него один красноармеец, который громко сказал:

— Писатель обязан знать все!

Наш Горький неустанно, всю жизнь свою трудился, чтобы познать человека, красоту его деяния.

Разумеется, Горький как писатель весь в своих книгах, созданных его талантом, его трудом, его воображением. Когда стремишься обнять творчество великого художника, властителя дум нашего поколения, то видишь не только тридцать томов его произведений, а всю горьковскую жизнь — жизнь-деяние могучего человека, образ которого представляешь себе всегда в движении, на походе, в борьбе.

Со своей первой юношеской поэмой «Песнь старого дуба» он явился однажды к Короленко.

«Я в мир пришел, чтобы не соглашаться...»

В этой упрямой строке уже есть что-то от будущего Горького. «Несогласный» со старым миром!

Какая вместительная жизнь у Горького! Она вобрала в себя жизнь Петра Заломова, Мити Павлова, Михаила Вилонова — надежды и судьбы тысяч и тысяч простых русских людей.

В повести «Мать», в этой очень «своевременной книге», как о ней сказал Владимир Ильич Ленин, книге, по которой учились русские рабочие, есть для меня особенно дорогие строки: в них, мне думается, возникает облик самого Горького с его глубокой верой в будущее России. Помните разговор Андрея Находки с Ниловной...

Находка говорит ей:

«— Все любят близкое, но — в большом сердце и далекое — близко!»

Я вновь читаю и перечитываю эту страницу горьковской повести, и будто вижу их — старую Ниловну и Андрея Находку. У Горького он удивительно крепко вылеплен, этот Андрей Находка, прочно живет в нем веселое, доброе и боевое. Это он сказал о грядущих временах, о людях будущего: «Только те настояще — люди, которые сбивают цепи с разума человека».

Когда я думаю о Горьком, об этом удивительном человеке, мне всегда вспоминается одно ленинское письмо начала девятьсот двенадцатого года. Письмо к Алексею Максимовичу. Оно короткое — в одну страницу. Но в нем, как и во многих письмах Владимира Ильича к Максиму Горькому, с какой-то особой, присущей Ленину прямотой, и, я бы сказал, нежностью, как бы зримо прощупывается ленинское желание «настроить» нужного для дела партии революционного писателя, чье слово так высоко ценится пролетариатом.

«Не напишете ли майский листок? Или листовочку в таком же майском духе? Коротенькую, «духоподъемную», а? Тряхните стариной — помните 1905-ый год — и черкните пару слов, ежели явится охота написать».

Ленин и Горький... Дружба, выкованная годами совместной борьбы и труда. Год за годом сквозь все трудности жизни укрепляется это чувство взаимного уважения и великой дружбы двух наших современников — Ленина и Горького.

А. М. ГОРЬКИЙ. 1929 год.

Публикуемые фотографии А. М. Горького воспроизводятся впервые по материалам Центрального государственного архива кинофонофотодокументов СССР.

Горького роднила с партией, с Лениным глубочайшая вера в жизнеспособность, талантливость народных масс, вера в мощные запасы творческих сил трудящихся.

В ленинском кабинете в Кремле на книжных полках сложены комплекты журналов. В одном из номеров журнала «Коммунистический Интернационал» за 1920 год напечатано письмо А. М. Горького к английскому писателю Герберту Уэллсу.

Ленин читал горьковское письмо — на полях страниц сохранились его пометки.

В начале своего открытого письма Горький сжато излагает причину, толкнувшую его обратиться к Уэллсу. В английской газете «Таймс», специализировавшейся в годы рождения Советской власти на нагнетании «ужасов» о большевиках, строивших новое государство рабочих и крестьян, — в этой крупнейшей буржуазной газете был состряпан и такой омерзительный «факт»: будто в столовых Петрограда кормят супами из человеческих костей...

Сердце пламенного буревестника содрогнулось тяжкой болью и великой любовью за родную Россию, за ту Россию, где в борьбе и в муках рождается новый мир, пронизанный светом гуманизма. Тысячу раз прав был Ленин, сказавший ему, Горькому, всего лишь год назад, в июле девятьсот двенадцатого... «Страна живет лихорадкой борьбы против буржуазии всего мира, мстящей бешено за ее свержение. Естественно. За первую Советскую республику — первые удары **отовсюду**».

Горький горячо выступил против бешеной клеветы английской буржуазной печати. Он с гневом писал Уэллсу об этой идущей со всех сторон травле России — «страны, напрягающей всю свою волю на творчество социального опыта, имеющего, несомненно, общечеловеческое, общемировое значение».

В том же письме Горький пишет об Ильиче, создателе нашего государства, на которого посмели поднять руку жалкие пигмеи империализма.

«В «Times» говорится о роскоши и азиатском раболепии, которые, якобы, окружают этого человека. Это — ложь.

Ленин совершенно чужд увлечению своей властью. По натуре он — пуританин, он живет в Кремле так же просто и скромно, как жил в Париже, будучи эмигрантом. Это очень крупный человек и честный человек. Он играет в России роль грандиозного плуга, который неустанно пашет землю засоренную, неплодородную».

Вот какими Горький видел Ленина и партию, которые сплачивают народы России для того, чтобы сделать советскую землю богатой, плодородной, счастливой для миллионных масс.

Мир изменяется деянием. Жизнь в горьковском понимании — это великая беспощадная учительница, тяжелую, шершавую руку ее человек испытывает на коже своей. Сам Горький всегда учился у жизни.

В суровый год бытия молодой республики Ленин настойчиво советует Горькому идти в жизнь, — там, в самой гуще народной, активно наблюдая, как строят новое, художник обретет живые, творческие силы.

Когда-то под именем «Проходящего» писатель ходил по Руси: хотел хорошо знать ее. Он очень любил титул «Проходящий», вкладывая в это понятие рабочее содержание: проходящий — это лицо деятельное, сознательно творящее нечто определенное в жизни.

...И вот, приехав на Родину, снова двинулся в дорогу Проходящий.

Какая волнующая сила в газетных листах «Правды» тех дней — 29 и 30 мая 1928 года, — в которых описываются первые дни Горького в Москве!

Горький беседует со слушателями «удивительной Свердловии». Он как-то сразу уловил суть их работы; в его глазах они будущие двигатели жизни. О себе Алексей Максимович в те дни сказал: идет «процесс насыщения молодостью».

— Эта молодость идет отсюда, — сказал он, показывая рукой на молодую аудиторию.

«...И тихим своим нижегородским говорком начинает. У него «есть что сказать, да не идет».

— Могу сказать одно: хорошо, — говорит Горький.

С огромным интересом читаются полусбитые газетные строчки, рисующие встречу народа с Горьким.

Горький у железнодорожников.

«Если я увижу еще такой день, — сказал он, — как вчера, такой, как сегодня, и как те дни, которые я еще завтра и послезавтра увижу, если я не издохну от радости, это будет чудо, черт возьми».

Неутомимо ходил писатель по новой Руси, и все виденное переплеталось в его душе с воспоминаниями о Ленине. Образ Ленина неотступно стоял перед глазами художника: как бы Ильич посмотрел на сделанное, что бы он сказал...

В Сормове старый рабочий, «очевидно, хороший ученик Ильича», так сказал своему земляку-нижегородцу:

— На производстве наш брат обязан показать себя во всей своей силе хозяином разумнее буржуя, талантливее. Покажем это — значит: дело сделано.

У Горького великолепная зрительная память. Он все отлично «вбирает», одобрительно отзы-

ваясь дорогим ему ленинским словом: «сладили!»

В дни молодости у меня однажды возникла такая мысль: попробовать проложить на карте маршруты горьковских поездок и скитаний по стране. Я начал наносить эти точки городов, сел, заводов, колхозов, институтов, школ — все места, где когда-то побывал наш Горький. А ведь к этому надо приплюсовать и те тысячи и тысячи писем, которые крепко связывали Горького с народом, с миром!..

Впервые я «встретил» или, вернее, почувствовал живую силу Горького на Сталинградском тракторном: он жил в памяти народа, живы были люди, которые ходили с ним в августе двадцать восьмого по изрытой строительной площадке у берега Волги, беседовали, рисовали ему в натуре и в

А. М. Горький в Сорренто.

цифрах свое будущее, помнили его веселое, звонко звучавшее слово: «Работяи!»

Помню яркую, колоритную фигуру одного рабкора. Войдет, бывало, в редакцию заводской газеты «Даешь трактор», присядет у края стола и коротко, быстро и решительно набросает свою заметку, в которой звучит главное требование тех дней: «Расшить, расшить узкие места!» И все грозился, если происходила задержка в реализации его предложения:

— До Горького дойду, а так дело не оставлю! Эх, вы, «недостатки — назад пятки»!

Я как-то спросил его, почему именно к Горькому он считает нужным обратиться.

Рабкор ответил:

— Да ведь он наш, Максим Горький... Родня! Чай, не чужие мы ему — Волгой вспоены...

На страницах газеты того времени сохранился рисунок с Горького. Алексей Максимович сидит, чуть подавшись вперед, будто живую беседу ведет...

Он приехал в этот город на Волге к началу разворота строительных работ на Тракторном. И, само собою разумеется, проявил живейший интерес к тому, что строится за Мечеткой:

— А нуте-ко, покажите план стройки... Давайте сюда строителей — пусть расскажут, на что замахнулись: способны ли оковать пустыню железом... А железа хватит? А силы и энергии тоже хватит? Должно хватить! Здорово! Замечательно! Завтра я побываю у вас на Тракторном...

Алексей Максимович как-то сказал: «...У меня до хороших людей память цепкая». В его обширной памяти укрепились встреча с рабочими, их дерзкие планы и мечты переделать пустыню. Он понимал значение этой великой стройки первой пятилетки и, задумав «Историю фабрик и заводов», начал с книги о людях СТЗ. Хорошо помнится нам, работникам редакции, тот день, когда от Горького пришел объемистый пакет с рукописью книги, страницы которой были прочитаны им самым внимательным образом,— по ним бережно и требовательно прошелся редакторский карандаш великого художника. В этом же пакете была и его статья — горьковское предисловие к книге, созданной коллективным содружеством литераторов, рабочих, инженеров. Он писал, что книга дает ему, читателю, ясное представление о том, как жили, в каких условиях работала молодежь...

«Я видел эту молодежь «на месте действия» в 1928 году,— писал Алексей Максимович,— когда среди огромного голого поля лишь кое-где торчали железные скелеты будущего гиганта, создаваемого энергией этой молодежи в тучах пыли, оглушительном грохоте железа, в скрежете и шорохе камнедробилок, бетономешалок.

Очень трудно было представить, что муравьиная суета маленьких людей способна оковать пустыню железом, думалось, что, пожалуй, не хватит железа, да и сил тоже не хватит. Но вот — хватило! И этот факт вместе со многими другими еще раз укрепляет убеждение, что сил молодежи нашей с избытком хватит на дело осуществления всего плана социалистической стройки Союза Советов».

Бурной жизнью жил Горький в эти годы первых пятилеток. Его тянуло к людям, изменяющим мир к лучшему. Должно быть, он находил в них что-то свое, родственное ему самому,— страстную привязанность и любовь к работе. Он ведь определял талант как умение делать всякое дело с любовью к нему.

И он с поразительным чутьем искал талантливых людей. На Севере, где-то «на краю земли», он встретился с человеком, который с увлечением поведал ему о своем маленьком, но весьма нужном деле. О, это человек! Горькому такие люди были особенно по душе, ибо они схвачены, говорил он, делом за сердце.

В Куряжской детской трудовой колонии Горький «нашел» Макаренко. Удивительный человечище, этот Антон Макаренко! Писатель кратко очертил его портрет после первой же встречи:

«Он — суровый по внешности, малословный человек лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя из «идейных».

К этому человеку и его работе Горький особенно пристально присматривался. И буквально «вцепился»! Горького захватила правда метода, поучительность опыта Антона Макаренко. Надо, чтобы он написал книгу! Книгу, которая должна внедрить и укрепить макаренковский метод воспитания детей. И Макаренко на себе испытывает горьковский «нажим и невиданной энергии помощь».

Так рождается «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко — одна из самых потрясающих книг о нашей жизни!

Через руки Горького прошла первая статья шадринского полевода Терентия Мальцева. Алексей Максимович напечатал ее в журнале «Колхозник».

Перед Горьким проходит жизнь человека, которому однажды из Ленинграда пришел пухлый пакетик с пригоршней отборных зерен пшеницы... И Горький открывает мальцевскими записками свой журнал. Опыт новатора — в массы!

Вот это умение, поразительное мастерство видеть и находить людей, в которых есть заряд будущего,— одна из самых замечательных черт Алексея Максимовича.

К нему как бы стекались факты живой жизни.

С. Н. Сергеев-Ценский хорошо подметил этот, присущий Горькому великий пафос вторжения в жизнь.

«Говорил ли я, например:

— Познакомился я с одним рисоводом; представьте, надеется разводить рис под самой Москвой,— Алексей Максимович тут же отзывался на это:

— А? Это на реке Яхроме? Знаю, как же!

Говорил ли я о том, что один старожил нашел в Крыму месторождение шестидесятипроцентной и совсем не пылевидной руды, Алексей Максимович поднимался легко и быстро, подходил к шкафу, доставал оттуда увесистый кусок железной руды и клал передо мной:

— Вот она! Уже добывают!»

В этом весь Горький с его неугомонной жаждой строить новое, живое, значительное, ускоряющее движение родного народа к коммунизму.

Встретился мне однажды в Донбассе инженер, по профессии конструктор, который о Горьком так сказал: «Необходимейший человек!» Забойщик с шахты «Кочегарка» Никита Изотов рассказывал как-то о своей беседе с Максимом Горьким. И вот что особенно удивило и обрадовало забойщика: Горький проявил самый живой интерес к горному труду, он требовал от Изотова подробностей и даже листок пододвинул: нарисуй-де забой, покажи — расскажи, как залегают пласты, как действует воздушная струя, как работается на отбойном молотке...

Труд — самая дорогая Горькому тема. Можно смело сказать, что это тема всей жизни его.

Самой высокой оценки, по Горькому, заслуживает тот писатель, который активно вторгается в жизнь. Жизнь надобно знать так, как будто сам ее делаешь! Должность писателя обязывает. Удивительно в нем, в Горьком, это могучее, от юных дней идущее и с годами все возрастающее жаркое стремление приблизить будущее.

Приближать будущее...

Писатель Аркадий Гайдар записал в сорок первом году в своем дневнике такую мысль о будущем:

«15-летний план развития промышленности СССР. Мне будет 52 года. Что ж, увидеть еще можно».

Увидеть — это значит приблизить будущее. А чтоб приблизить, надо за него активно бороться.

На заре своей молодости, шагая по родной земле, Горький сказал эти три слова: «Хочу знать Россию». Проходили десятилетия, а страсть, великая жажда видеть, ведать, знать все сильней и сильней разгоралась в душе художника.

Партия направляет коммунистов-организаторов для работы в деревню. Политотдельцы зовут Горького к себе — и он немедленно откликается на их зов. Обязательно надо встретиться. Разве он может стоять в стороне от такого живого дела!.. Ему хочется узнать политотдельцев поближе: что это за люди, которые сами, по добровольному почину идут на большое, нужное и трудное дело? Он подчеркивает их ответственность — быть проводниками великой коммунистической истины. Он внимательным, изучающим глазом вглядывается в их лица; чувство молодости, чувство борьбы передается и ему. Он загорается: в колхозы, в МТС, с двигателями жизни! «Большое дело вас ждет! И очень жаль, что я не могу пойти с вами, опоздал!»

«Очень люблю я наблюдать, как растет молодежь»,— делится Горький своими размышлениями о литературе. Но Горький не из тех людей, которые только наблюдают. Он активно направлял творчество молодых. И както так получалось, что горьковский совет, его, пусть резкая, но дружеская критика всегда приходили во-время.

Письма Горького — это скорее беседа с товарищем по труду, разговор о самом заветном, дорогом, сложном — и разговор прямой, порою очень суровый и резкий, но всегда отличающийся дружелюбием.

Когда Дмитрий Фурманов получил от Алексея Максимовича письмо из Сорренто, он так записал в своем дневнике:

«Какая же это непередаваемая радость: Максим Горький прислал письмо. Пишет там о «Чапаеве», о «Мятеже», о моей литературной работе. Так хорошо бранит, так умело подбадривает...»

И какую же силу почувствовал Фурманов после горьковского письма, которое отнюдь не являлось хвалебным! Но главный тон письма настраивал писателя работать. Будет толк!

Литература — дело великое, боевое. Алексей Максимович так и говорил, что привык смотреть на литературу, как на дело революционное. «Всякий раз, когда я говорю о литературе, я будто вступаю в бой».

А в одном письме к Дмитрию Фурманову он снова подчеркнул эту мысль, радуясь желанию писателя работать внимательнее, осторожнее, требовательнее к себе.

«Так и надо,— писал ему Горький.— Это, ведь, тоже бой, литература. И это бой куда более трудный, чем с винтовкой в руках».

Писатель ведет бой за человека. Горький понимал душу советского человека. В беседе с молодыми литераторами, большинство которых работало на производстве, Алексей Максимович мастерски, буквально в одном десятке строк, очертил облик советского человека, в котором наряду с недостатками живет неугомонная страсть строить, изменять жизнь.

Горький тонко чувствовал натуру советского человека, ту «живинку», по которой лучше всего можно отличить человека-борца.

«Самое требовательное существо на свете,— говорил Горький в этой беседе,— это человек. Если бы каким-либо чудом пришла неведомая сила и вдруг сказала бы: «Ну, ребята, не выходите три дня из ваших комнат». И вот посидели три дня в комнатах, вышли и увидели: вокруг устроен рай. Вы думаете, люди будут довольны? Нет. Они скажут: «Как? Рай? И без нас сделано? Не годится этот рай. Мы бы лучше устроили».

Он просто не понимал тех писателей, которые воспринимают жизнь как склад готовой продукции,— он, Горький, брал жизнь в борьбе, активным действующим лицом которой должен быть художник.

В тридцать четвертом году он пишет Н. К. Крупской: «...Мне в этом году стукнет 66 и это очень досадно мне. Страшно хочется жить, работать во всю силу и сверх силы!»

Сколько впереди живых дел, которым он дал толчок, зачин!.. Ему тесно в рамках одной литературы,— человек громадной энергии, он активно вторгается во все области строительства культуры социализма. Читаешь его проекты, планы, его письма к ученым, рабкорам, писателям, конструкторам, колхозникам — и проникаешься величайшим уважением к этой невиданной страсти ломать старое, толкать и утверждать новое.

Вот он задумывается над содержанием и формой нашей агитации и пропаганды. Над характером нашей информации в газетах и журналах.

Он ополчается против скуки, серости, косности и шаблона. Отвлеченная, плоскостная информация и пропаганда, конечно, не могут возбудить волю к борьбе! Горькому видится другое, весьма необходимое: динамичная, конкретная и как бы объемная и ощутимая пропаганда фактов трудового строительства. Вот он выделяет на газетном листе обычную цифру тех дней — сводку выплавки металла: мы производим 600 тысяч тонн чугуна в месяц. Но ведь мало сказать это! Мало — даже если при этом показать непрерывный рост продукции во времени. И Горький начинает «приоткрывать» суть факта: «А почему это могло случиться, какие здесь действовали силы, что это означает для всего советского хозяйства, какие открывает перед ним перспективы? И, наконец, что означает эта цифра 600.000 тонн в конкретном представлении читателя, какой именно приток новых вещей дают эти сотни тысяч металла?»

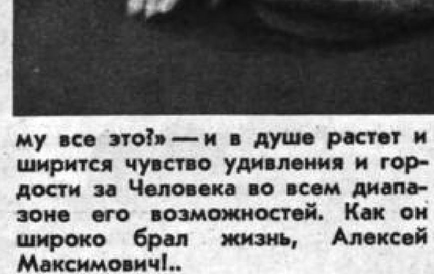
Он требует, чтобы за каждой цифрой, появившейся в газете или журнале, у читателя возникали близкие ему, реально осязаемые понятия. Чтобы пахло жизнью!

В сущности, он сам жил в эти годы одним — пафосом воспитания кадров.

Занимая должность писателя — превосходная должность! — Горький силою своего громадного таланта, целиком поставленного на службу народу, из могучих недр которого он вышел, становится необходимейшим человеком на советской земле.

«Чувствилище» народа, он все принимал близко к сердцу. Его волнует положение в науке — и он набрасывает докладную записку к правительству; хозяйской тревогой проникнута и другая его докладная записка — о преподавании в вузах, о подготовке кадров специалистов,— записка, мысли в которой и на сегодня сохранили всю свою актуальность. Надо, считает Горький, всячески помочь нашей молодежи, которая по природе своей романтична, чтобы стремление ее к познанию жизни было полностью удовлетворено. Основная цель горьковской записки вызвана тем, что «научные теории оторваны от практики грандиозного будничного строительства». Многим из молодых студентов не ясно: как же они могут использовать запас полученных знаний в социалистической практике? Горький предлагает организовать с помощью передовых ученых серию небольших брошюр под общим названием: «Иди за мной!» Эти брошюры помогут молодому человеку глубже познать, куда ведет его та или иная научная дисциплина, и выбрать путь сообразно своим способностям.

Читаешь горьковские «Записку о вузах», статью-записку «О науке», набросок плана книги «К чему все это?» — и в душе растет и ширится чувство удивления и гордости за Человека во всем диапазоне его возможностей. Как он широко брал жизнь, Алексей Максимович!..

Очерк плана книги — рассказа о буржуазном и социалистическом хозяйстве — набросан Алексеем Максимовичем в 1932 году. А читаешь сейчас, и, право, кажется, будто сегодня задумано. Пятилетками пахнет — четвертой, пятой, шестой. Кадры! Кадры! Делать будущее. Видеть все, что может и должно дать сегодня завтрашнему дню.

Он занимается подсчетами того, что нам необходимо. Тысячи научных исследователей и работников искусства. Десятки тысяч медиков, инженеров, агрономов, учителей, сотни тысяч высококвалифицированных рабочих. А планы строек!

«Нужно построить Ангарстрой, Волгострой, оросить приволжские степи и вообще все засушливые места, соединить каналом Каспийское море с Черным...»

Горький прочно вошел в дела и дни советского образа жизни: мы повседневно ощущаем его силу, активно действующую во всех сферах народной жизни. К. Г. Паустовский очень точно определил значение этой животворящей силы: существует, сказал он, «чувство Горького», ощущение его постоянного присутствия в нашей жизни.

Наше представление о Горьком с каждым годом расширяется: мы обращаемся к Горькому — художнику и великому организатору культурных сил — во всех трудных случаях нашей работы; неувядаемые художественные его произведения, боевая публицистика, горьковские планы и замыслы, работающие сегодня и на завтра,— вся жизнь этого поистине чудесного сына русского народа является духовным наследием миллионных масс трудящихся.

Сам Горький свои чувства, радость своей работы выразил однажды такими скромно и сдержанно сказанными словами: «...ты нужен, полезен».

Сейчас, когда я пишу эту статью о Горьком, стремясь мысленно охватить эту удивительную жизнь, в памяти моей возникают горьковские стихи из рассказов «По Руси»:

Нами жизнь творима, нами!

Вся жизнь его, весь труд его жизни, тяжелая работа для счастья людей возбуждают нашу волю к деянию.

А. М. Горький в президиуме антивоенного митинга в Зеленом театре 1 августа 1929 года.

А. М. Горький, А. И. Микоян, К. Е. Ворошилов и Е. М. Ярославский на стадионе «Динамо» 16 июня 1929 года на слете комсомольцев Краснопресненского района.

Фото Н. Петрова.

В. ПОНОМАРЕВ Фото А. ДИТЛОВА.

Старость, говорят, не радость. Тем более старость одинокая. Судьба иногда складывается так, что под конец жизни, когда человек особенно нуждается в поддержке, он оказывается без родных и близких. Тогда на помощь приходит государство.

На восточной окраине Минска, в районе новостроек, стоит белое двухэтажное здание, обрамленное свежей зеленью газонов и молодого сада, чем-то напоминающее здравницу. Это дом для престарелых.

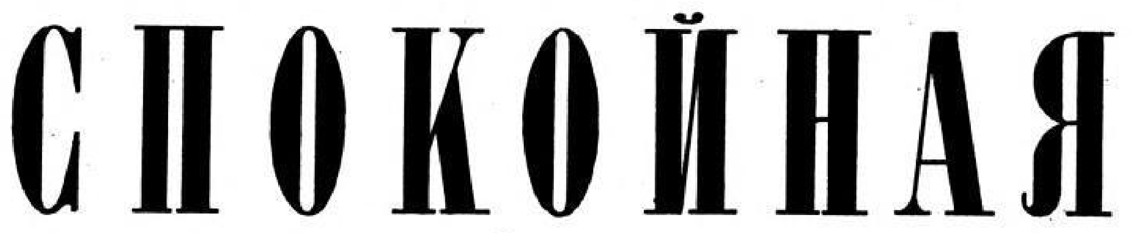
Одинокими живущих здесь назвать нельзя даже потому, что их сто тридцать девять, а обслуживающего персонала тридцать пять человек.

Светлые, чистые жилые комнаты, клубный зал с киноустановкой, библиотека и читальня, гостиная с телевизором, столовая, ванные комнаты... Все это знакомо каждому, кто бывал в хорошем санатории.

На содержание каждого человека здесь выделяется сумма вполне достаточная. Казалось бы, можно жить, совершенно ничего не делая. Но люди труда не могут обойтись без работы: такова уж многолетняя привычка. Они дежурят по дому и в столовой, прибирают в помещениях и на дворе, хлопочут в подсобном хозяйстве, помогают официанткам и санитаркам.

← Шестидесятилетняя Евгения Иосифовна Дашкевич, например, так пристрастилась к огороду, что ее выбрали ответственной за весенне-полевые работы. Первые плоды ее труда в этом году — щавель. Собирать его Евгении Иосифовне помогают официантки Эмма Тарлецкая и Оксана Шатрунова.

→ Хозяева дома часто принимают гостей — товарищей по работе, старых друзей. Однако самый желанный гость, конечно, детвора. Стариков навестили пионеры соседней школы № 49. Ребята устроили маленький концерт самодеятельности.

СПОКОЙНАЯ СТ

А вот самая старшая обитательница дома — Евдокия Григорьевна Котницкая. Ей сто восьмой год. Она, конечно, уже не участвует в общем труде. Евдокия Григорьевна вышла на балкон, чтобы посмотреть, как сажают цветы.

← Агния Васильевна Дубицкая всю жизнь служила в няньках. Сколько ребят выходили ее добрые, заботливые руки и отзывчивая душа! А теперь она твердо зарекомендовала себя любителем-цветоводом.

→ Каждый отдыхает и развлекается по-своему. Анастасия Эрастовна Ленивцева любит поразмыслить над пасьянсами. Раскладывать их она большая мастерица.

— В доме престарелых я себя чувствую, как в санатории,— сказала бывшая медицинская сестра Анастасия Эрастовна,— прекрасный уход, хорошее обслуживание, никаких забот!

Ефим Корнеевич Гречко много лет служил в армии, был начальником погранзаставы, последнее время работал шофером. Теперь он добровольно принял на себя обязанности коменданта дома.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ИНДИИ

Бхупендра К. ХАЗАРИКА,
вице-президент Ассоциации индийского народного театра в Ассаме

Бхупендра Кумар Хазарика — поэт и композитор из штата Ассам. Он пишет стихи на своем родном языке ассами, а также на языке хинди, сочиняет музыку к кинофильмам. Он автор целого ряда статей и обзоров по теории индийской музыки.

ТАРОСТЬ

«Мир имеет свой язык жестов; он говорит голосом картин и танцев»,— писал Рабиндранат Тагор. Что разумел великий поэт Индии под «языком жестов»? А картины, о которых он говорил,— не сами ли это живые люди с присущими им средствами выражения прекрасного? Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что Тагор в поэтической форме выразил тот реальный опыт, который накапливали в течение веков миллионы индийских народных лицедеев,— опыт эстетического взаимодействия актера и зрителя с помощью символического образа.

Народные песни Индии сыграли здесь большую роль. Современные прогрессивные индийские писатели и музыканты, посвятившие себя созданию песен, черпают очень много в изучении народной песни, в ее изумительной художественной глубине и силе.

Народные певцы Индии неизменно пользовались символическими образами. И основным мерилом в выборе каждого образа были его понятность и привлекательность.

Вот песня пенджабского пастуха. Он чувствует, что близятся новые времена, и хочет, чтобы старое ушло прочь, освобождая место новому:

О чем ты шелестишь,
О лист сухой каштана?
Отпасть — вот твой удел,
А жить — лишь листьям новым.

В народных песнях смелый крестьянин из Раджастана ободряет борцов за свободу:

Родную землю не оставим
иноземцам,
Встань за отчизну каждый,
как солдат.
Тебе три друга в битве
помогают:
То смелость, острый меч
и верная рука.

Юноша из племени нага выражает в песне заветные чаяния народа:

Пусть будет рисовое пиво
на моем столе,
В дни сельских праздников
пусть песня будет громче,
И урожай пусть нас часто
посещают,
И в каждой хижине пусть
обитает счастье,
Пусть не минует никогда
деревню нашу
Весна!

Старые враги индийской деревни — это засуха, голод, наводнения, болезни. Бенгальские крестьяне поют о нелегкой своей доле в протяжных мелодиях:

Без счета горя бог вписал
в мою судьбу...
Хотел я джут продать, купить
жене кольцо.
Но джут мой унесла река
в разливе злом.
Нет, счастье не написано
мне на роду...

Но разве только на судьбу должен жаловаться крестьянин? Гнет князей уже нестерпим в наши дни. И народный певец Ориссы выпрямляется во весь рост, подымает голову и поет, глядя в небо:

Весь в дырьях барабан,
А барабанщик нем,
И одноглазая все пляшет
танцовщица.
И глух к словам раджа,
И зол его слуга,
Они творят, что им взбредет
на ум!..

В 1936 году Всеиндийское прогрессивное объединение писателей решило изучить проблемы массового народного художественного творчества и на этой основе наметить пути развития нашей национальной культуры. В создании народных песен и театральных представлений большую и полезную работу проделала Ассоциация индийского народного театра, в работе которой принимает активное участие автор этих строк. Журнал Ассоциации носит название «Единство», редактирует его Н. Сен.

Поэты и музыканты Индии чувствуют, что песенное творчество должно отражать сегодняшние мысли и надежды народа. Деятели Ассоциации индийского народного театра стараются прислушиваться к тому, что поет крестьянин на поле за плугом. В песню переносятся мотивы пробуждающегося самосознания и растущей силы народа.

В новых песнях живет чистый и мужественный народный язык. Ритм музыки отражает ритм труда на поле или у машины. Песни выражают веру в лучшее будущее народа, его стремление к миру.

Прослушав песню «Атомная бомба», написанную автором этой статьи, слушатель-крестьянин взошел на подмостки и запел свою. Это была новая, простая по мелодии, но полная мужества песня:

Мы, как рыба в реке,
Мы все время в движенье,
Давайте же плыть все
быстрей и быстрей
По реке, что впадает в мир.

Я спросил певца:

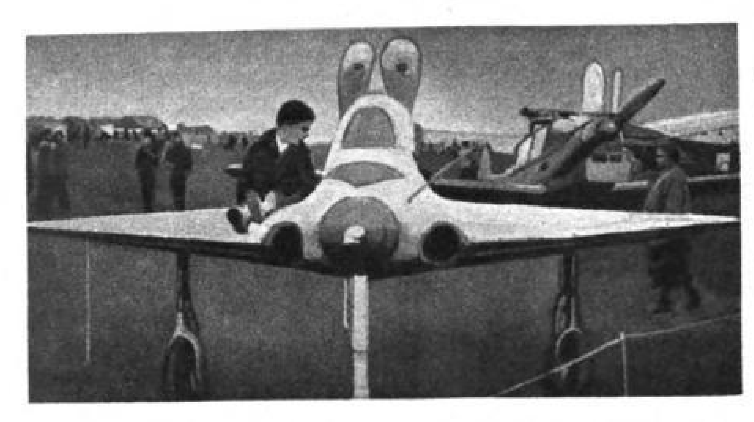
— А что случится, если ты не будешь плыть вперед?

— Тогда те, кто хочет войны, поймают нас в свои сети,— был немедленный ответ.

В таких народных песнях — голос миллионов. Значит, это голос мира.

НАУКА И ТЕХНИКА ЗА РУБЕЖОМ

САМОЛЕТ-МАЛЮТКА

Самолетик, на котором уселся мальчик, не модель и не игрушка, хотя размах крыла его до смешного мал: он не превышает 5 метров. Такой самолет может поместиться в комнате средней величины. Повидимому, это самый маленький самолет в мире.

Несмотря на такие «игрушечные» размеры, «РА-49» — так называется самолет — развивает скорость в 500 километров в час и поднимается на 8 500 метров.

Французскому заводу Пайен удалось выпустить такую машину благодаря применению реактивного двигателя и треугольного крыла, допускающего большую весовую нагрузку на каждый квадратный метр его площади.

Голос рождает электрический ток

Все слышали о радиостанциях мощностью в десятки и сотни киловатт; большой мощностью радиопередатчика удивить кого-нибудь трудно...

Но вот приемно-передаточная радиостанция, не требующая не только крупных генераторов, но даже крошечной батарейки размером с мелкую монетку. К тому же она не содержит ни одной электронной лампы и целиком умещается в телефонной трубке. Антенной служит выдвигающийся из трубки стерженек.

Но возможно ли, чтобы радиопередатчик работал без всякого питания энергией?

Нет, конечно! Дело в том, что для его работы достаточно энергии человеческого голоса, говорящего в трубку: колебания воздуха превращаются в электрический ток и питают «станцию».

Правда, дальность слышимости такого передатчика измеряется пока сотнями метров, может быть, немногими километрами, но ведь это только первый опыт! Кроме того, уже сейчас этого достаточно для многих целей, например, для связи командира взвода с бойцами, бригадира с рабочими на поле или строительной площадке. А главное, этот миниатюрный прибор наглядно показывает, какие возможности открывают перед нами полупроводники — изумительные материалы, крошечная крупинка которых заменяет сложную, хрупкую и недолговечную радиолампу, выпрямитель переменного тока и другие неудобные, ненадежные, громоздкие и «прожорливые» приборы.

Конструктор, военный инженер Корпуса связи Армии США, Джордж Брайян исследует свой передатчик при помощи осциллоскопа — большого прибора на правой стороне снимка.

Пишущая машинка в портфеле

На весенней Лейпцигской ярмарке выставлена портативная пишущая машинка «Колибри», выпускаемая народным предприятием Германской Демократической Республики «Дрома». Машинка настолько плоска, что свободно помещается в одном из отделений обычного портфеля. Вес ее не превышает 3,5 килограмма.

Несмотря на малые размеры и вес, по прочности она не уступает обычным машинкам. Так, на ней без труда можно получать до 10 экземпляров печатного текста.

Особая конструкция бумагодержателя позволяет дописывать лист до самой нижней кромки, а это важно при работе на маленьких листках.

«Колибри» — первая пишущая машинка, сконструированная по блочному принципу: она собирается из нескольких крупных блоков или узлов подобно тому, как складываются здания из детского набора «Архитектор». Это очень облегчает уход за машинкой и ремонт ее, а также смену шрифтов.

Пластинка играет час

Многие успели оценить новые граммофонные пластинки, делающие 33 ⅓ оборота в минуту. Действительно, проигрывание одной стороны длится 15 минут вместо 3 минут при обычных пластинках.

Известны и недостатки долгоиграющих пластинок: тонкие стенки между звуковыми канавками хрупки и требуют особенно бережного обращения.

Но если мы такие пластинки называем долгоиграющими, то что сказать о пластинках и патефонах, выпущенных совместно двумя «китами» американской промышленности: радио- и граммофонной компанией «Колумбия» и автостроительной — «Крайслер»? Одна сторона маленькой, менее 18 сантиметров в поперечнике пластинки звучит целый час! При этом пластинки вовсе не требуют «деликатного» обращения. Патефоны, рассчитанные на эти пластинки, устанавливаются пока только на легковых автомобилях.

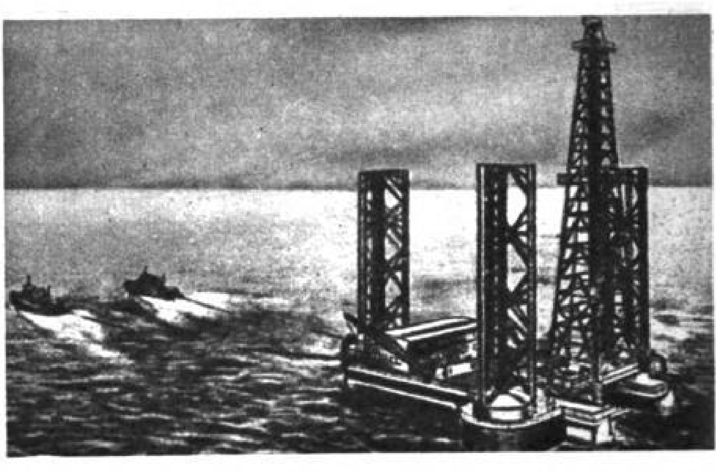
В специальном ящике впереди водителя под приборной доской они занимают мало места. Патефон здесь не боится толчков: сильно смягчает их так называемая плавающая подвеска; он как бы плавает на

трех толстых упругих подушках из губчатой резины. А главное, что предупреждает опасные движения иглы поперек канавок,— это удивительное вещество, созданное химиками,— силикон. Вязкость силиконной смазки резко меняется в зависимости от скорости движения. Пока тонарм медленно, незаметно для глаза движется к центру пластинки, силикон ведет себя как жидкое смазочное масло и облегчает движение. Но попробуйте рукой ускорить движение — мгновенно вязкость смазки возрастает, силикон уже похож на клей.

Как достигается продолжительное звучание небольшой пластинки? Применение новых, исключительно прочных, синтетических материалов позволило сильно уменьшить ширину канавки и стенки между витками. Достаточно сказать, что толщина конца иглы значительно меньше одного микрона. Кончик корундовой иглы в обычных долгоиграющих патефонах в несколько раз толще и грубее. Кроме того, скорость вращения пластинок уменьшена вдвое сравнительно с обычными долгоиграющими.

ОСТРОВ НА ХОДУЛЯХ

Техасская нефтяная компания совместно с машиностроительной фирмой Летурно создали и испытывают новый способ добычи нефти в море.

На фотографии виден громадный металлический плавучий «остров» площадью более 2 тысяч квадратных метров. По сторонам его имеются три металлические решетчатые «ноги», или ходули, длиной по 50 метров. Их можно опускать и выдвигать вверх. Для этого служат 63 мощных электродвигателя.

На площадке установлена буровая вышка, размещены производственные и жилые помещения для 42 человек, составляющих население «острова».

Гигантское сооружение с поднятыми ходулями отвозится двумя буксирами на выбранное место. Там ходули опускаются, пока не упрутся в дно. Но моторы продолжают работать, и сам «остров» поднимается до тех пор, пока площадка не окажется достаточно высоко над водой.

Теперь «остров» всеми своими 3 600 тоннами опирается на дно. Можно приступать к бурению.

Вести бурение и добычу с твердо стоящей над водой площадки, конечно, несравненно удобнее, чем, скажем, с баржи, подверженной качке.

Если ж в этом месте нефти не окажется, «ноги» снова поднимаются, «остров» садится на воду и перекочевывает на новое место.

Первый «остров» на ходулях построен на берегах реки Миссисипи и отбуксирован в Мексиканский залив, где и приступает к работе. Он будет вести бурение в местах, где глубина моря достигает 40 метров.

Автопоезд-вездеход

Мотор грузового автомобиля тянет машину и в гору и по труднопроходимому проселку. И уж, конечно, он мог бы везти целый поезд прицепов по гладкому асфальту. Почему же мы почти не видим автопоездов на улицах и дорогах?

Дело не в мощности мотора, а в том, что на поворотах прицепы не идут по следу передней машины, а спрямляют путь. Каждый следующий описывает дугу все большего и большего радиуса. Вот что делало невозможными длинные автопоезда.

Американский завод Летурно начал строить автопоезда из многих прицепов, которые могут проходить по узким улицам, лесным дорогам, по любому извилистому пути.

По виду поезд похож на тягач с прицепами, но в действительности каждое колесо у прицепов — ведущее и приводится в действие собственным электромотором. Тягач является передвижной электрической станцией с дизель-генератором, питающим энергией эти моторы.

Поворотом прицепов управляет специальное автоматическое устройство на тягаче. В результате каждая ось следует точно по следу, проложенному тягачом.

Автопоезда рассчитаны на движение по любым дорогам, по рыхлому снегу, болоту. Для этого колеса снабжены баллонными шинами, диаметр которых доходит до 3 метров, а ширина — до 1,2 метра. Широкая поверхность обеспечивает малое давление на грунт, а большой объем придает поезду некоторую плавучесть.

Портативный рояль

Этот электрический рояль складывается и целиком умещается в обычный чемодан. Вес его — 38 килограммов. У него нет ни громоздкой деки, ни длинных струн обычного инструмента; все это заменяют маленькие электронные приборы.

Клавиатура состоит из 64 клавиш — меньше, чем у современного рояля. Но, как большинство электрических музыкальных инструментов, он допускает произвольное изменение характера и тембра звучания: то слышится рояль, то арфа, то гитара, даже басовая флейта и другие инструменты.

Для аудитории звук передается через репродуктор, но, играя упражнения, можно пользоваться телефоном-наушниками.

Портативный рояль выпущен в США заводом «Вурлицер».

Всеми глядит головами
Из лога ужасная Сцилла...

Песнь 12-я.

Треть совершилася ночи,
И звезды склонилися с неба.

Песнь 14-я.

КОЧАРЯН ЧИТАЕТ «ОДИССЕЮ»

На празднествах древней Эллады выступали обычно исполнители эпических поэм. Но сколько бы ни длился праздник, исполнить весь, скажем, гомеровский эпос было невозможно: в одной «Одиссее» 12 110 стихов! И тогда актер сокращал поэму и, отбирая лучшие ее песни, создавал собственную композицию. Поэтому и называли исполнителя «рапсод», что означает «сшивающий песни».

Эту древнейшую традицию возродил Сурен Кочарян, выступив недавно с исполнением «Одиссеи» Гомера. Перед нами предстали герои древности в образах выразительных и глубоко человечных. Рапсодия на темы «Одиссеи» начинается кратким вступлением, излагающим события «Илиады», причины странствий Одиссея. Затем идет рассказ о самих странствиях, воскрешая древнеэллинский мир с его страстями, бытом, нравами.

Поэмы Гомера по природе своей предназначены для публичного исполнения, и тут всего важней, чтобы голос рассказчика звучал со страстью и горячностью живого очевидца событий. С. Кочарян первые несколько строф читает по-гречески, глаза его закрыты, жесты медлительны. Он как бы представляет нам великого старца, и не ослепшего, каким он был по преданиям, а лишь смежившего свои всевидящие очи для того, чтобы читать в книге времен, в сердцах богов и людей. Мощные раскаты гекзаметров, певучие звуки языка эллинов вводят вас в строй поэмы, в атмосферу жизни ее героев. Ярко и убедительно показан весь широчайший охват событий, чувств и мыслей, которые вобрал в себя великий эпос древней Греции.

Рассказчик недолго сохраняет тон величавого спокойствия. Его все больше и больше увлекает то, что как бы воскресает в его памяти,— и вот он уже представляет нам в лицах могучего Одиссея, царя Алкиноя, дочь его Навзикаю, Циклопа и коварную Цирцею. Мы слышим наглые речи женихов Пенелопы, а затем и чистый, нежный, певучий голос верной жены Одиссея. Герои Гомера нашли достойное отражение в актерском исполнении — каждый имеет свой облик, характер.

В рапсодии Кочаряна боги потеснились, отошли на задний план, зато во всю силу зазвучали человеческие чувства: гнев и юмор, страсть и спокойствие мудрости, веселье и чистая печаль. Поэтому так увлекает зрителей старый эпос в новом прочтении. Зал то затихает, волнуясь, то грустит вместе с героями, то разражается смехом.

Сложную и трудную работу рапсода — «сшивателя песен», создателя композиций, посвященных крупнейшим произведениям мировой литературы,— Сурен Кочарян выполняет не впервые. Много лет он исполняет на эстраде построенные по такому же принципу эпосы «Давид Сасунский», «Витязь в тигровой шкуре», сказки «Тысячи и одной ночи», композиции из монологов Шекспира и новелл Боккаччо. Мастерство литератора-исследователя и искусство актера объединяются в оригинальном творчестве Кочаряна. Признание зрителей — достойная ему награда.

В. СУХАРЕВИЧ
Фото О. Кнорринга

Живые образы

Н. ВОЛКОВ

Осенью 1925 года на актерское отделение театрального училища Ленинграда был принят молодой человек по фамилии Толубеев. С той поры прошло много лет — он стал одним из крупнейших мастеров советского драматического искусства.

Сейчас Юрий Владимирович Толубеев, артист Ленинградского драматического театра имени Пушкина, в самом зените своего выдающегося дарования. Образ городничего, созданный Толубеевым в фильме «Ревизор», занял заслуженное место в галерее гоголевских типов бессмертной русской комедии. Однако основной сферой творческой деятельности Толубеева остается не экран, а сцена, и здесь в непосредственном общении со зрителем до конца раскрывается его яркий талант.

Толубеев — прирожденный характерный актер широкого диапазона. В списке его удач вы найдете и пьяного самодура Хлынова из «Горячего сердца» и старого сторожа Терентия — сподвижника Мичурина в пьесе А. Довженко. Он страстно мечтает сыграть — и мы надеемся, что сыграет в свое время,— и шекспировского Фальстафа и Расплюева в «Свадьбе Кречинского».

Игра Толубеева покоряет зрителей не только филигранной чеканкой исполнения, но и убежденностью актера в реальном существовании тех лиц, которых он воплощает. Он полностью выполняет завет Щепкина «влазить в кожу действующего лица». И когда Толубеев выходит на сцену, он целиком отдается во власть своего сценического образа. Сегодня он Полоний в «Гамлете», завтра купец Боровцов в «Пучине» Островского или Сорин в «Чайке» Чехова (таковы его последние роли). И каждый раз кажется, что актер «забыл» про театр и переселился на берег озера «Чайки», или в средневековый замок Эльсинор отца Гамлета, или очутился в Москве эпохи Островского.

Житейскую сметку, здравый смысл Толубеев передает с изумительной рельефностью. Мошеннические махинации Боровцова Толубеев показывает как бы изнутри, вскрывая всю несложную, но хитрую натуру купца-хищника. А в городничем стяжательство и тщеславие Сквозник-Дмухановского Толубеев доводит до откровенного цинизма.

Наряду с этими плутовскими фигурами, в изображении которых актер пользуется и сатирой и мягким, лукавым юмором, Толубеев создает образы задушевного лиризма. Таков его Сорин в «Чайке». Это элегия неудавшейся жизни, надвинувшейся старости никчемного человека. Неудачник в жизни, Сорин все же любит ее страстной любовью. И оттого, что любовь к жизни присуща и самому Толубееву, он даже человеческое угасание озаряет на сцене светом оптимизма.

Толубеев любит роли сложного психологического рисунка, сплетение самых разнообразных мотивов и побуждений.

Несколько лет назад Толубеев сыграл Ивана Петровича Войницкого в «Дяде Ване», показав драму бесплодно загубленного таланта. Но подтекстом этого человеческого страдания была все та же неистребимая любовь к жизни, что придавало Войницкому по-особенному строгий и ясный облик.

В «Последних» Горького артист так сыграл Ивана Коломийцева, что в низменной душе сентиментального и жестокого, трусливого и злобного полицейского выступает вся «коломийцевщина» — продукт гниения и распада самодержавия.

В пьесах советских драматургов Толубеев сыграл много самых разнообразных ролей, обогащая порой текст авторов превосходными деталями, почерпнутыми из самой гущи жизни. Вот где особенно пригодились Толубееву присущая ему зоркость, наблюдательность, цепкая память! Когда Толубеев создает образы наших современников — академиков, комиссаров, рабочих или крестьян, — он не просто играет, а «вспоминает» и на текст роли всегда накладывает свои краски. Эти иногда чуть-чуть заметные мазки всегда по-новому расцвечивают замысел драматурга.

Сколько душевной правды и чистоты было у Толубеева, когда он играл старого генерала Пантелеева в пьесе Б. Чирскова «Победители»! Ничего показного, ничего внешнего. Доброе сердце, мужественный характер, глубокая любовь к народу и Родине, беспредельная скромность!

Толубеев — актер русского национального склада: для него театр не забава, а школа больших идей. Будучи художником передового мироощущения, Толубеев вместе с тем является законным наследником лучших традиций русского сценического искусства.

Недавно Ю. В. Толубееву присвоено звание народного артиста СССР.

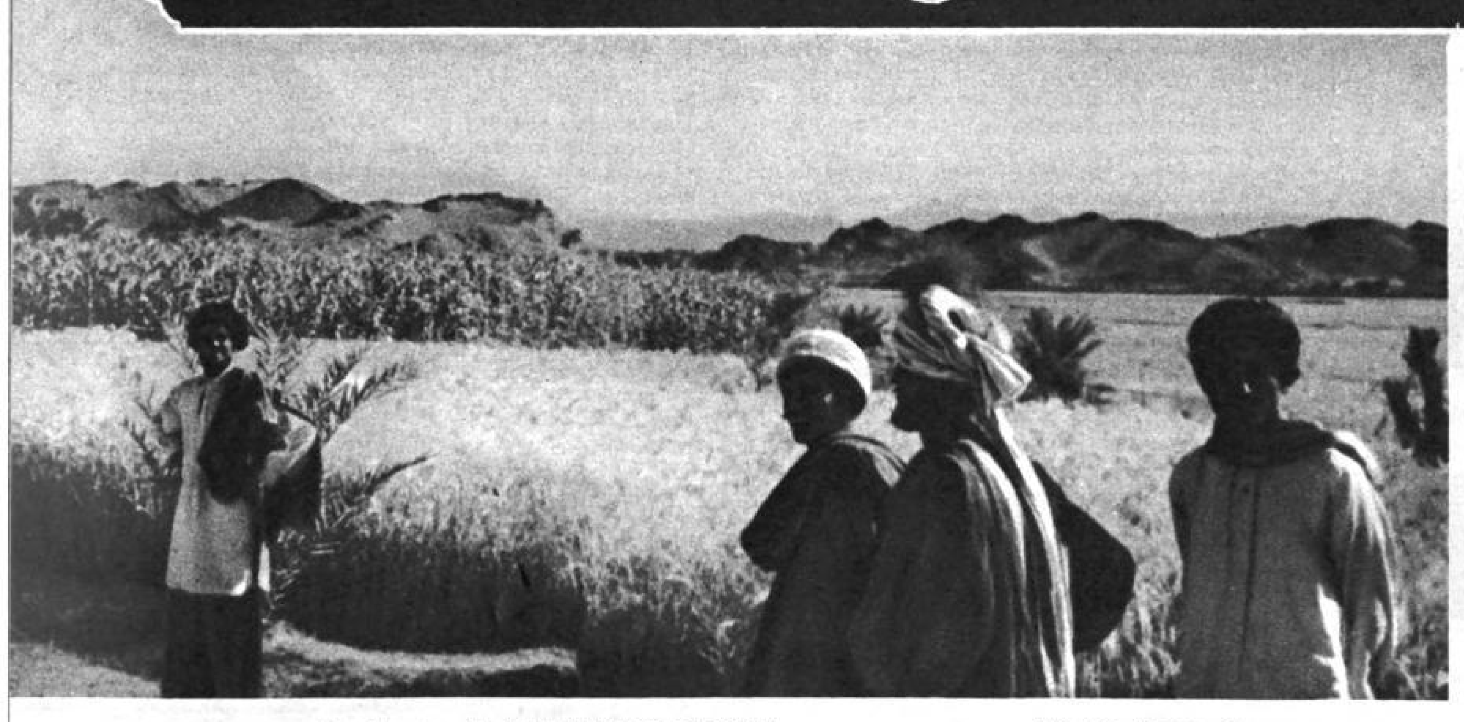

В роли Сорина. «Чайка» А. П. Чехова.

В роли Полония. «Гамлет, принц Датский» В. Шекспира.

20.000 километров по Ирану

На юге Ирана. Белуджи у рисовых и сорговых полей.

Профессор Н. ЩЕРБИНОВСКИЙ

В марте 1955 года по приглашению иранского правительства в Тегеран выехала группа советских ученых. Целью поездки было изучение совместно с иранскими специалистами условий массовых размножений в Иране пустынной саранчи шистоцерки.

Пустынная саранча — опаснейший бич сельского хозяйства. Она временами опустошает поля многих государств Азии и Африки, вторгается иногда в пределы СССР и в страны Южной Европы.

Мировая наука еще далека от полного понимания причин стихийных размножений этой саранчи и разлетов ее неисчислимых стай на тысячи километров от очагов постоянного обитания. Да и где в недрах пустынь находятся эти очаги, в точности неизвестно.

Этой проблемой и должна была заняться советско-иранская экспедиция. В ее состав вошли: доцент Н. В. Александров, агроном-энтомолог И. В. Оводов, доктор биологических наук профессор Д. М. Штейнберг, профессор Н. С. Щербиновский и группа иранских специалистов во главе с начальником научно-исследовательских учреждений министерства сельского хозяйства Ирана инженером-энтомологом г-ном М. Ковсари.

За восемь месяцев экспедиция проделала путь протяжением более 20 000 километров по пустыням преимущественно Южного Ирана, караванами прошла по малоизведанной тропической пустыне Джаз Муриан.

Ниже публикуется очерк руководителя группы профессора Н. С. Щербиновского.

Москва — Тегеран

Иранский берег, на который мы сошли с советского парохода «Пионер», встретил нас цветущей весной: золотистыми кронами высоких ветел, розоватой дымкой персиковых деревьев, шелестом молодой листвы тополей, запахом роз и прогретой, влажной земли. Миндаль уже отцвел, осыпались лепестки с абрикосов. Все это было таким резким контрастом с покинутой несколько дней назад морозной, заснеженной Москвой!

На следующее утро арендованная «Победа» помчала нас через заболоченную низменность Гиляна.

Узкое шоссе долго змеилось по обрывам ущелья бурной реки Сефид-руд, взбираясь к заоблачным высотам перевала. Мелькнули вековые оливковые рощи. Зона влажных лесов и лугов осталась внизу.

Миновали на высоте почти двух тысяч метров древнюю столицу Ирана Казвин, ныне утратившую свое былое значение. Прямое, как стрела, асфальтированное шоссе, сооруженное в давние времена русскими инженерами, повело нас к Тегерану.

Двое из участников нашей экспедиции побывали уже однажды в Тегеране, профессор Штейнберг ехал туда впервые, а я — в третий раз. Пока наша машина мчалась вдоль сверкающих снегами Эльбурсских гор с величественным куполом угасшего вулкана Демавенда, мне вспомнились прежние встречи с этой страной.

Первая моя поездка в Тегеран состоялась в 1929 году. Столица была тогда окружена высокой кирпичной, лишь местами глинобитной стеной с бойницами и амбразурами, глубоким рвом. Чтобы пройти через одни из двенадцати изразцовых ворот, даже для жителей тогдашней Персии требовались особые разрешения. Лабиринты узких улочек, заполненных верблюдами, ослами и конными повозками, не были приспособлены для впервые появившихся там автомобилей.

В то время была начата реконструкция Тегерана. Я видел, как на месте снесенных хибарок прокладывались широкие проспекты. Воздвигались новые правительственные здания в древнем ирано-ассиро-вавилонском стиле.

С женщин снималась чадра. Мужчины обязаны были заменить чалмы и старые национальные войлочные шапки новыми, получившими название «шляпа Пехлеви». На этикетках заграничной парфюмерии типографской краской замазывались иностранные названия, иностранные вывески на магазинах заменялись персидскими. Оставался почти не затронут потоком импортных товаров только старый базар «Эмир», раскинувшийся в полутемных, крытых переулках протяженностью свыше двадцати километров в южной части города. Я любил его разноязыкий говор, звон наковален в рядах медников, перезвоны бубенцов животных, выкрики торговцев — все это непередаваемое своеобразие седого Востока.

Во второй свой приезд — в 1942 году — я увидел столицу новой исторической эпохи, даже нового государства. Персия уже приняла свое историческое национальное наименование — Иран; взамен бывшего лунного летосчисления был введен солнечный год. Большие изменения произошли в самом Тегеране. Подлетая к столице, я уже не увидел ни древних стен, ни рва, ни изразцовых ворот. Не только в центре, но и через окраины пролегли широкие проспекты. Отмерла единственная конка, которую тощая лошаденка тащила от базара к центру столицы и в которой было закрытое отделение для женщин, укутанных в черные чадры. Взамен извозчичьих пролеток появились сотни автомашин; водоносов, таскавших родниковую воду в кожаных бурдюках, сменили конные бочки.

Молодому шаху Мохаммеду-Реза Пехлеви шел тогда двадцать первый год. Мне довелось во время приема участников Международного конгресса по борьбе с саранчой выслушать его благодарность за помощь, которую в этом деле Советский Союз оказал Ирану.

Страна испытывала на себе трудности военного времени — 9 сентября 1943 года Иран формально объявил войну государствам фашистского блока. В Тегеране было очень тяжелое положение с хлебом. И мне вспоминается, какое воодушевление вызвало сообщение о том, что из Москвы отправлено в Тегеран 25 000 тонн пшеницы. Такая же помощь Советского Союза была оказана многим северным и южным провинциям Ирана, включая голодавший Хузистан, где стояли английские войска.

И вот я снова в Тегеране. Мы въехали в столицу в канун Нового года, празднуемого здесь 22 марта. На последних километрах шоссе мелькали сплошной лентой рекламы американских автомобилей, резиновых покрышек. Французские авиалинии предлагали перебросить вас за шесть часов в Париж. Рекламировались холодильники, зубные щетки...

— Ну, вот он, «дремлющий у жемчужного фонтана» Тегеран! — сказал я, обращаясь к моим спутникам.

— Да, не таким он рисовался в воображении, — услышал я ответ.

А наша машина уже двигалась в потоке пестрых автомобилей по длинному новому проспекту Шах-Реза.

Сейчас в Тегеране тысячи легковых и грузовых машин, городских и междугородных автобусов. Но световые сигналы и регулировщики движения — полицейские в светлосиних костюмах с яркожелтыми лампасами — есть только в центральных кварталах.

Около семи тысяч такси, не имеющих права стоянки на улицах, непрерывно кружат по городу. Часто в колонну машин вклинивается группа осликов, нагруженных перекидными корзинами или мешками, снуют велосипедисты, конные цистерны с водой.

На тротуарах — оживленная многонациональная толпа, идет бойкая торговля самыми разнообразными товарами. Они целыми грудами навалены на лотках и прямо на земле.

Вечером Тегеран засверкал бесчисленными огнями цветных реклам, восхваляющих нейлоновые чулки и авторучки. Над двух-четырехэтажными домами столицы вытянулось несколько «небоскребов» в 12 этажей, озаренных особо яркими цветными рекламами.

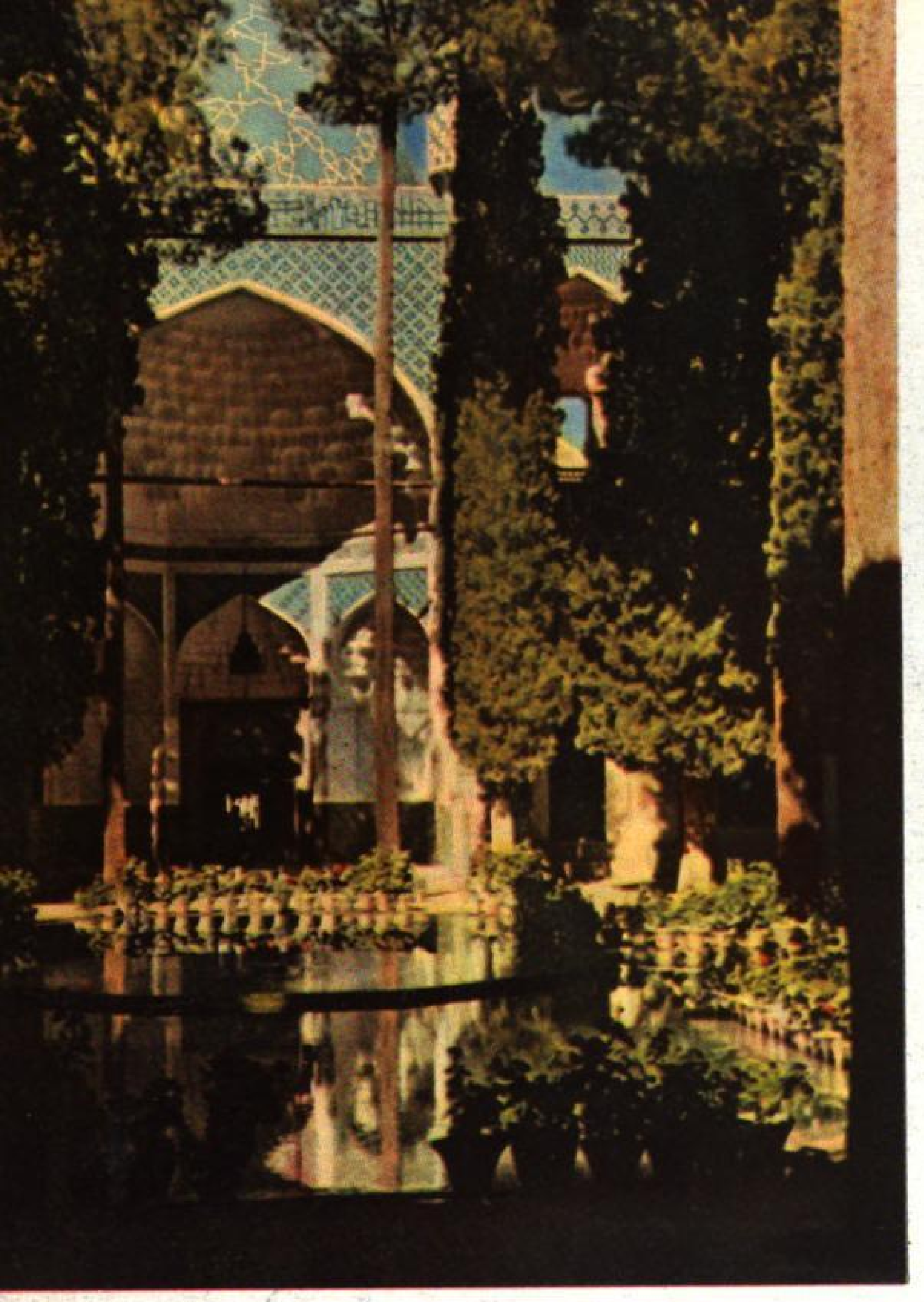
На тихом когда-то проспекте Саади почти сплошь конторы и фирмы. Бросилось в глаза обилие американских легких тканей с «комиксовыми» сюжетами. Вот, например, материя, на которой яркими красками изображены двенадцать похождений гангстера Джека. В платьях и рубашках из таких тканей ходят иранские дети. Можно встретить детские платья с четкими изображениями обнаженных красавиц.

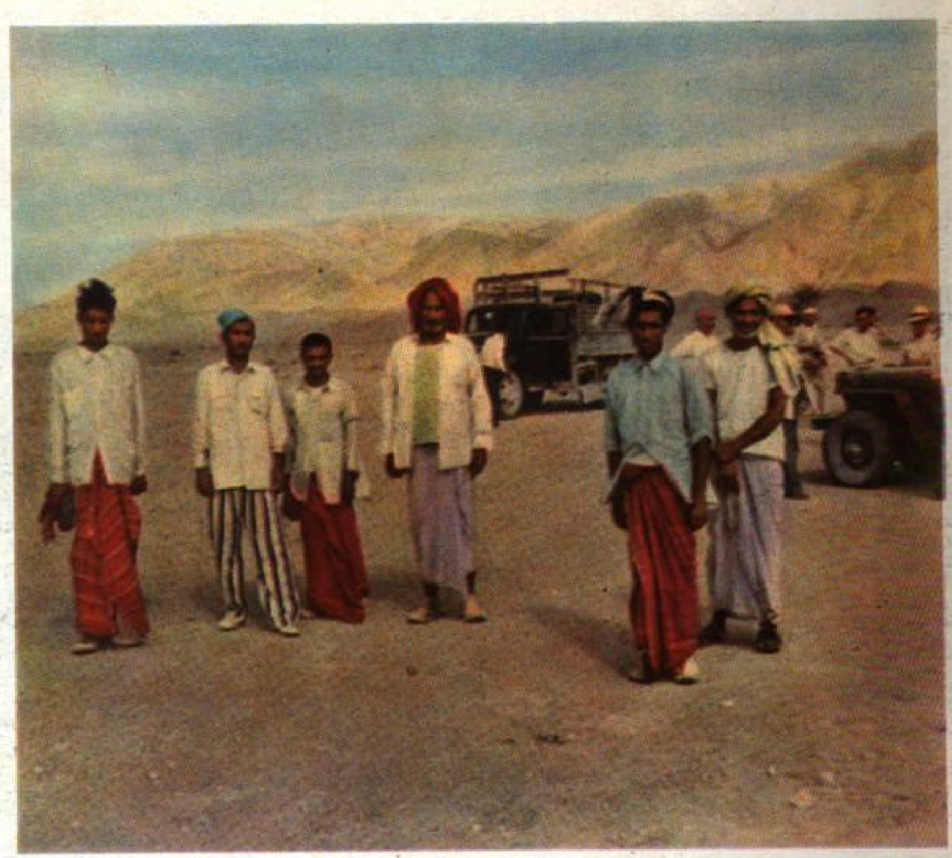
Новогодние праздники длились десять дней. Их сменили два нерабочих дня, посвященных памяти святых имамов. Нам не терпелось повидаться с иранскими коллегами и друзьями-специалистами, с которыми мы работали вместе многие годы в Иране. Наконец мы отправились в министерство сельского хозяйства. В кабинете начальника главного управления по защите растений, известного фитопатолога и ботаника доктора Эсфандиари, собрались специалисты-энтомологи, в том числе профессора Тегеранского университета Давачи, Бех-Буди, Ковсари и другие. Мы обменивались дружескими рукопожатиями со старыми знакомыми и с теми, кто пять ме-

Советско-иранская научная экспедиция в оазисе на севере пустыни Джаз-Муриан.

Фото Н. ЩЕРБИНОВСКОГО.

Редко появляются автомашины в оазисе Дамен на юге Белуджистана.

Крестьяне-белуджи в пограничном с Пакистаном районе.

Маханская мечеть в окрестностях Кермана.

Фото Н. ЩЕРБИНОВСКОГО и Д. ШТЕЙНБЕРГА.

Караван экспедиции у побережья Персидского залива.

Проспект Шах-Реза в Тегеране.

сяцев назад приезжал в Москву на очередную советско-иранскую конференцию по защите растений.

21 апреля советско-иранская научная экспедиция выехала на четырех машинах из Тегерана на побережье Персидского залива, в пустыни южного Белуджистана и на берег Аравийского моря.

В Исфагане

Мы выехали на рассвете, не взяв с собой пальто, сняв боковые стенки у нашего вездехода-«виллиса», и были за это наказаны. Правда, впереди нас ожидало тропическое побережье юга, где и в апреле палящий зной в 32—33°; но ведь путь туда лежал через высокогорное плато и пустыни Центрального Ирана, через горные перевалы в две с половиной тысячи метров высоты, да и сам Исфаган расположен на полкилометра выше Тегерана. Мы старались как можно бодрее переносить свежую прохладу апрельского утра.

Быстро промелькнули зеленые пригороды огромного тегеранского оазиса. Перед глазами открылись типичные ландшафты скудных иранских нагорных равнин и широких долин между отдаленными голыми хребтами. Спускаемся в глубокую котловину западной окраины Великой соленой пустыни Деште-Кевир. Эта очень мало обжитая пустыня со всех сторон окаймлена высокими горами и изобилует солеными озерами, непроходимыми, вязкими топями. Топи не просыхают даже тогда, когда палящий летний зной иссушает озера, превращая их в сплошные выцветы ослепительно белой соли.

Еще несколько километров — и перед нами встали три нефтяные вышки. Они воздвигнуты сравнительно недавно, после того, как разведка показала наличие нефти здесь, вдалеке от прославленных нефтеносных районов, где уже издавна хозяйничают иноземцы.

Мне вспомнились слова одного из общественных деятелей Ирана: «Неисчерпаемые богатства наших недр — одно из основных несчастий нашей страны и ее народа». Действительно грустный парадокс...

Знойный ветер нес тучи пыли. Вдали, у предгорий, вставали смерчи. Пустынный ландшафт оживляли только отцветающие тюльпаны. Селения и поместья попадались лишь там, где есть вода. Только к вечерней прохладе, после утомительных часов тряской дороги, добрались мы до громадного оазиса Исфагана.

Большинство знаменитых архитектурных памятников Исфагана связано с именем их создателя, Шаха Аббаса, перенесшего сюда в 1597 году столицу из Казвина. Мы любовались величественной Шахской мечетью, облицованной снаружи и внутри ковровой мозаикой из цветных изразцов. Если встать точно под центр громадного купола и даже полушепотом сказать слово или слегка ударить в ладоши, многоголосое эхо десятки раз повторит звук, усиливая его.

На окраине города, недалеко от высокой скалы с высеченным в ней древним храмом огнепоклонников, находится другой любопытный памятник — мечеть с качающимися минаретами. Если взойти на один из них и слегка раскачать его наклонами своего тела, то в такт первому начинает качаться и второй, удаленный на много метров, поражая не только рядовых зрителей, но и специалистов-архитекторов.

Главная улица носит название «Четырех садов». Она вся в густой зелени пирамидальных тополей и тенистых платанов, среди которых есть гиганты в три — четыре обхвата; они, без сомнения, помнят и пышные выезды Шаха Аббаса и приезд московских бояр — послов Бориса Годунова.

Эта улица — средоточие мастерских художественных ремесел. Здесь чеканят серебряные вазы, подносы, чаши. Скрестив ноги, сидят на полу мастера-ювелиры. Иногда это дети до десятилетнего возраста; с поражающей быстротой ударяют они небольшим молоточком по стальной игле, выводя сложный цветочный орнамент или отделывая фигурки ланей, птиц, леопардов.

Рядом художники-миниатюристы разрисовывают кружевными узорами безделушки из перламутра, кости или обжигают эмалевые брошки. В других мастерских десятки людей расписывают красками кувшинчики, вазы, коробочки, используя преимущественно сюжеты старинной миниатюрной живописи.

Иранский народ любит и ценит свое национальное искусство. И лишь потакая невысоким вкусам иных визитеров-иностранцев, некоторые мастера отражают в своих изделиях совершенно чуждые народу темы.

В Исфагане нельзя не побывать на большом базаре, примыкающем к громадной, восьмигектарной площади — Шахской.

Темные коридоры, местами с яркой керамической орнаментикой. Тут с утра до ночи работают тысячи маленьких кустарных мастерских: кожевенных, обувных, деревообделочных, кузнечных, жестяных, керамических... Исфаган давно славится своими коврами и калямкарами — набойками и рисунками на дешевых фабричных или домотканных хлопчатобумажных тканях. В мастерских сидит по 10—20 рабочих. Проворно и ловко они прикладывают к чанам с растворами красок деревянные резные штампы, подносят их к лежащей на низенькой скамейке материи и ударом обмотанного тряпкой кулачка делают требуемый отпечаток. Некоторые многоцветные калямкары проходят 5—7 последовательных операций.

Перед нашим уходом старший, видимо, мастер, спросил, кто мы такие. Когда ему сказали, что мы советские ученые из Москвы, приехавшие помогать иранскому народу защищать посевы от прожорливой саранчи, все работавшие поднялись со своих мест, обступили нас тесным полукольцом и со словами благодарности начали жать нам руки.

Мы не раз убеждались впоследствии, что иранский народ ценит дружескую помощь Советского Союза и дорожит ею.

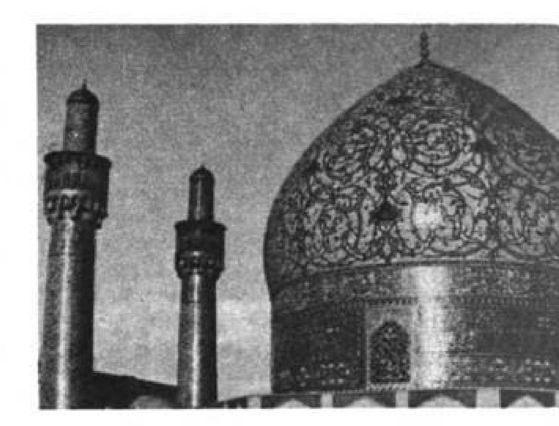
Осмотрели мы и сороколонный и многоэтажный дворец Али-Капу. Там сохранилась часть художественных фресок и ажурных ниш. В них при Шахе Аббасе стояли кувшины и вазы, сделанные руками искусных исфаганских мастеров.

В окрестностях Исфагана есть еще одна достопримечательность: десятки высоких круглых башен шести — восьми метров в диаметре. Это голубятни, рассчитанные на 20—30 тысяч голубей каждая. Голуби исстари пользовались любовью исфаганцев; они давали ценнейшее удобрение для огородов и полей, окружавших широким зеленым кольцом древнюю столицу.

Ранним утром мы выехали из Исфагана в сторону Персидского залива.

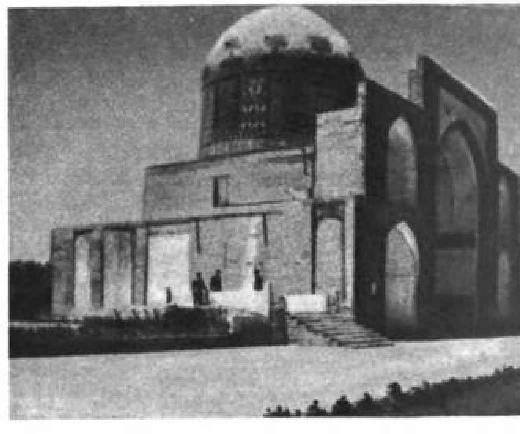
К побережью Персидского залива

У каждого натуралиста, впервые попадающего в тропическую зону, вид пальмового оазиса среди пустыни оставляет неизгладимое впечатление. И хотя десятка два довольно чахлых финиковых пальм, встретившихся нам около города Иезда, были лишь скудным северным аванпостом этой культуры, мои коллеги с увлечением защелкали фотоаппаратами. Фактически культура этого ценнейшего дерева начинается почти на 400 километров южнее, в восточной части горного Ирана.

Исфаган. Купол мечети.

До Кермана тянулась высокогорная, скудная пустыня, без видимых признаков жизни. Но в сорока километрах от Кермана, среди песчаного массива, подступающего к городу с юга, мы встретили первые экземпляры пустынной саранчи шистоцерки, с которой мне довелось встретиться в Иране еще в 1929, а затем в 1942—1944 годах.

Могила Омар Хайяма в Нишапуре.

Многое из того, что было неведомо раньше об этом опаснейшем насекомом, было вскрыто и изучено советской и мировой наукой; но, вероятно, еще больше остается невыясненного.

Биологический цикл развития

шистоцерки очень сложен: она то сходит почти на нет и в Азии и в Африке, то буквально наводняет оба материка. Известны случаи, когда вес одной только стаи саранчи, покрывшей площадь около шести тысяч квадратных километров, был определен в 44 миллиона тонн. В 1944 году на одном гектаре оказывалось более 17 тысяч центнеров саранчи.

Известные со времен фараонов древнего Египта налеты шистоцерки на оазисы юга — это гибель всего растущего, это падеж скота, лишенного корма, это голод для населения. Стаи саранчи способны пролететь тысячи километров от очагов своего постоянного обитания и размножиться на новом месте. Но где именно находятся очаги постоянного обитания шистоцерки, в точности мировая наука еще не знает.

Нашей экспедиции предстояло уточнить вопрос, возможно ли существование этих очагов в Южном Иране, главным образом в знойной тропической пустыне Джаз-Муриан. Английские энтомологи даже в 1953 году допускали наличие таких очагов, а мы считали, что в пределах Ирана их нет и быть не может, что они находятся за пределами Ирана — в Пакистане, Индии, Аравии и Африке...

В лунную ночь наша группа подъехала к палаткам саранчовой экспедиции в Гяхкоме. Мы долго беседовали с начальником этого отряда господином Фатеми о положении дел с саранчой, потом раскинули походные кровати прямо под куполом неба. С рассветом весь лагерь направился в пески и на берег реки Рудехане-Гушк. Там мы встретились и с остатками материнской стаи саранчи и с массой личинок первых двух возрастов, недавно родившихся из отложенных самками яичек. Это было довольно неожиданное, явно второе поколение иранской саранчи, то есть той, которая прилетела в страну из Пакистана и из Омана осенью и зимой 1954—1955 года.

Наши иранские товарищи, господа Ковсари и Фарабаш, наряду с наблюдениями над саранчой при малейшей возможности занимались поисками других опасных вредителей сельского и лесного хозяйства — червецов и щитовок. Мы помогали им в этом по мере своих сил. Господин Ковсари обнаружил в Иране около 25 новых видов червецов, и его научные работы публиковались в западноевропейской печати. Немало новых видов открыл и господин Фарабаш.

Наконец мы добрались до портового города Бендер-Аббаса. Здесь, на побережье, наша экспедиция провела девять дней, выезжая за сто и более километров — в оазис Минаб на востоке и в ряд оазисов на западе. Там большие площади были заражены саранчой.

Когда, утомленные пыльной, тряской дорогой и продолжительными пешими экскурсиями, мы добрались до оазиса Минаб, всех мучила нестерпимая жажда. И вдруг нас угостили... сочными, сладкими арбузами, только что сорванными с гряд и охлажденными проточной водой! Оазис утопает в пальмовых рощах. Говорят, что в них около трех миллионов плодоносящих пальм. Владельцы этих «золотых» земель, обильно орошаемых многоводной рекой, разветвляющейся на тысячи боковых каналов, получают огромные суммы денег за продажу фиников, бананов и даже индийского манго, отлично вызревающих в Минабе. По просьбе губернатора и одного из членов меджлиса мы изучали здесь, помимо саранчи, также вредителей лимонов и хлопчатника, многолетние кусты которого как декоративное растение цветут в садиках местных жителей.

Во всех оазисах и в самом Бендер-Аббасе «новичков» из нашей экспедиции поражал вид женщин белуджских и других малых народностей: начиная с 8—9-летнего возраста они ходят в черных масках, закрывающих полностью верхнюю часть лица. Только глаза блестят сквозь узкие прорези. На голове чадра, и до ступни спускаются черные узкие штаны, украшенные внизу красивой, тонкой вышивкой. Даже в поле женщины работают в масках при жаре, достигающей летом 50°. Вода в этом замкнутом между Ираном и Аравией заливе летом имеет температуру, по нашим измерениям, до 36°. Поэтому-то в Персидском заливе одни из лучших в мире ловы жемчуга, здесь вырастают рифы кораллов, из которых зачастую строят дома.

По ночам море сверкает таким феерическим блеском, какого я не наблюдал ни на побережьях Индии, ни в тропических морях Америки. Опустишь руку в воду — вынимаешь ее всю сверкающую голубым светом, как от люминесцентной лампы, а падающие капли, ударяясь, разлетаются брызгами, похожими на ртуть. Все это от присутствия микроскопических организмов, живущих огромными массами в морях с такой высокой температурой...

На обратном пути в Тегеран через северные окраины пустыни Деште-Кевир мы остановились в городе Нишапуре, в окрестностях которого похоронен один из величайших поэтов и мыслителей древнего Востока, математик, астроном и непревзойденный поэт Омар Хайям. Его чарующие четверостишия переведены почти на все языки мира. Этот философ-атеист завещал друзьям, чтобы после его смерти труп обмыли вином, завернули не в священную ткань чалмы, а в виноградные лозы и, не подпуская мулл, сами опустили в могилу, выбранную так, чтобы дважды в год ее осыпали лепестки цветов.

В книгах записей для посетителей могилы Хайяма, пестрящих алфавитами десятков языков, есть и такая запись:

«Находясь временно в Иране в связи с мировой войной, сочли своим долгом посетить могилу великого иранского поэта и ученого и возложить на нее цветы. Бойцы и командиры N-ской части».

Положили букет цветов на могилу Хайяма и мы.

Наконец, после 55-дневного путешествия, проехав около девяти тысяч километров, мы вернулись в Тегеран. Мы везли с собой богатую добычу в виде тысяч насекомых, папок с гербарием, банок с заспиртованными животными и пухлых блокнотов с записями о биологии и об условиях жизни пустынной саранчи шистоцерки. Нам предстояло в короткий срок закончить предварительную обработку материалов и собраться в новую поездку на юг провинции Фарс.

(Окончание следует.)

С. МАРШАК

ОТЧЕГО У МЕСЯЦА НЕТ ПЛАТЬЯ

(Сербская народная сказка)

Заглянул полумесяц к портному —
Не к небесному, а к земному.

— Сшей мне, мастер, нарядное платье.
Буду пó небу в праздник гулять я.

Снял портной с полумесяца мерку,
Приглашает его на примерку,

Но не знает, что в несколько дней
Вдвое сделался месяц полней.

И в плечах и в груди ему тесно,—
Так поправился месяц небесный.

Чуть не плачет с досады портной:
— Видно, бес подшутил надо мной!

Ваша светлость слегка пополнела,
Иль от стирки материя села...

Не тревожьтесь — я слово даю,
Что отличное платье сошью!

Вот проходят за сутками сутки.
Не теряет портной ни минутки.

Ну, а месяц — гуляка ночной —
Стал тем временем полной луной.

Примеряет он тесное платье
И, вздыхая, бормочет проклятья:

— Греховодник, мошенник, злодей!
Постыдился бы добрых людей.

За последних три дня и три ночи
Платье стало тесней и короче!

Ничего не ответил портной —
Где уж спорить портному с луной!

Снял он мерку с заказчика снова.
— Будет к празднику платье готово.

Швы у платья портной распорол,
Грудь расширил, наставил подол.

Доработать осталось немножко,
А уж месяц стучится в окошко.

Да не месяц, а тоненький серп,—
В это время он шел на ущерб.

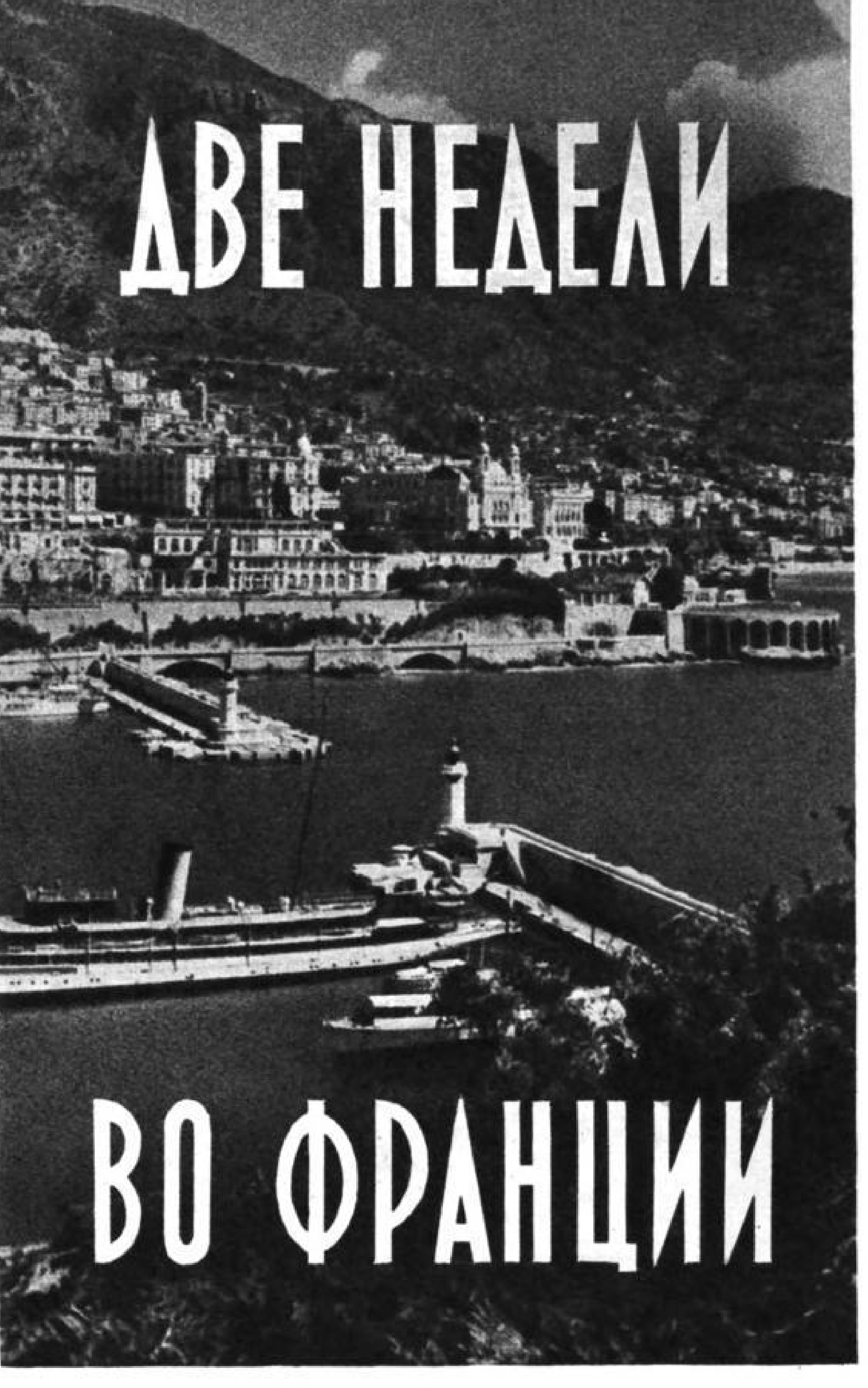
Не луна, а всего половинка:
Только рожки да круглая спинка.

Весь затрясся от гнева портной:
— Ладно! Хватит шутить надо мной.

Угодить вам пытался я сдуру.
Что ни день, вы меняли фигуру.

То полнели быстрее свиней,
То худели за несколько дней.

Шить вам платье — пустое занятье.
Оставайтесь-ка лучше без платья!

← Монте-Карло.

ДВЕ НЕДЕЛИ ВО ФРАНЦИИ

По записным книжкам

В. КОЧЕТОВ

Монте-Карло

Княжество Монако, по которому мы путешествовали в этот день, имеет километра три — четыре в длину и от ста пятидесяти до тысячи метров в ширину. Так что весь путь с одной скалы, где расположена резиденция князя, и на следующую, на которой стоит Монте-Карло с его знаменитым игорным домом — казино, занял несколько коротких минут.

Въезжая в Монте-Карло, я вспомнил далекую, довоенную пору. В ту пору я работал в редакции маленькой районной газеты. Машинисткой у нас была престарелая, но все еще молодившаяся и в связи с этим красившая волосы в отчаянный огненный цвет, до крайности разговорчивая женщина очень доброй души. Пока диктуешь ей свой очерк, живописуя вывозку навоза и торфа на поля колхоза «Красный пахарь», успеешь узнать множество самых разнообразных историй. Среди таких историй я узнал и историю отца нашей машинистки. Он служил — до революции, конечно, и задолго — в какой-то акционерной компании в Петербурге, управлял большими средствами. Однажды он поехал прокатиться в Монте-Карло, проиграл там огромную сумму казенных денег, застрелился и был похоронен на земле фантастического и для меня в ту пору, когда я слушал этот рассказ, существовавшего в неведомом тридевятом царстве княжества Монако, о котором книги повествовали, что оно ведет свое начало от финикиян, построивших в нем свой храм богу Геркулесу.

И вот я вдруг совершенно реально, огибая бухту Геркулеса, еду по этой фантастической земле, в которой похоронен отец нашей редакционной машинистки, и приближаюсь к казино, к тем игорным залам, где этот человек утратил свою волю. От фантастики ничего не остается.

Довольно часто критики обвиняют нас, некоторых прозаиков, в литературщине. Дескать, в реалистическую ткань наших повествований лезут слова и мотивы каких-то давно отзвучавших песен. Совершенно верно, литературщина — это нехорошо, это даже просто плохо. Но нисколько неверно объявлять литературщиной каждую песню, которую мы почему-либо перестали слышать. Ведь, может быть, у нас уши заложило, или мы не стали общаться с теми, кто поет такие песни. Мало ли причин!

Так получилось для меня и с Монте-Карло. Считал его некой географической литературщиной, существующей только в старых романах; ан совсем нет: реальные дома, реальные улицы и автомобили на них, живые люди из плоти и крови. И казино, построенное в 1878 году, существует реально. Здание, во внешности которого есть что-то общее одновременно и с Витебским вокзалом в Ленинграде и с курзалом в Кисловодске, обращено одним фасадом к морю, а другим к городу, который и возник-то сто лет назад только во имя будущих рулеточных и карточных заведений, когда было учреждено общество игорного банка.

Перед фасадом, обращенным к городу, сквер, в котором пальмы и магнолии, под ними на земле скамьи, а над ними в небе тучи скворцов. Чтобы можно было спокойно сидеть на скамьях, не опасаясь того, что легкомысленные скворцы набезобразничают вам на костюм, на вершинах пальм и магнолий торчат угрюмые чучела ястребов, отпугивающие пернатую мелюзгу от деревьев.

Поднимаемся по нескольким ступеням в вестибюль казино, проходим дальше — в двухсветный атриум, окруженный колоннами. Стены и потолки атриума в живописи. Идем к первому игорному залу. Остается надежда, что, может быть, вот тут-то с исторической литературщиной покончено; может быть, бывшие игорные залы давным-давно переоборудованы под молочный буфет или превращены в общедоступную читальню.

Идешь к дверям зала, испытывая удивительное чувство. Ведь все, что ты видишь вокруг, давным-давно тебе знакомо, об этом ты сто раз читал и тысячу раз слышал. Кто только не прошел в свое время через эти залы!..

У одного из нас был с собой старый путеводитель по Западной Европе, изданный в первые годы нынешнего века. Я выписал из него несколько строк, касающихся Монте-Карло. Вот они:

«Благодаря своему чудному климату, удивительному местоположению, вечно-голубому морю, поразительным по роскоши и красоте садам и паркам и в особенности игорному дому — едва ли не самый посещаемый пункт во всем свете. Во время сезона здесь собирается интернациональное общество, среди которого можно встретить представителей всего мира. Исторические и мировые имена, светила во всех областях жизни, политики, науки и искусства, модные знаменитости и прославленные красавицы, женщины общества и кокотки, артистки и американские миллиардеры, принцы крови и буржуа, простые туристы и профессиональные игроки, больные и здоровые — все это смешалось в одну блестящую толпу, которая живет лихорадочной жизнью, торопясь взять как можно более наслаждений во что бы то ни стало. Около этой блестящей толпы, смешавшись с нею, как крапленые карты в подтасованной колоде, вертится множество всевозможных авантюристов обоего пола, называющих себя фальшивыми титулами и распускающих слухи о своих больших средствах. Все эти «графы», «баронессы», «маркизы» и «помещики» являются сюда на промысел, и нигде их, за исключением разве Остенде, не собирается в таком количестве».

Путеводитель из страницы в страницу предупреждал и предостерегал, что в Монте-Карло:

следует быть очень осторожным в знакомствах, не верить брошюрам и «системам» для игры в рулетку и трант-э-карант;

неопытные игроки должны играть только на равные шансы и только на один из них каждый раз;

никогда не брать с собой много денег и никогда не отыгрываться.

Знакомства мы тут вообще заводить не собирались, много денег у нас с собой не было, перспектива необходимости отыгрываться тоже над нами не нависала. Поэтому в грозные игорные залы мы входили с легким сердцем.

Первая зала, куда мы попали, походила на вокзальную залу большой железнодорожной станции. Этакое громадное пространствище, расписная лепка на потолке, фигурные окна. И обстановка была тут вокзальная: сновали, спешили куда-то люди, кто-то кого-то ожидал или провожал. Но кефира и сырковой массы не продавали и чтением газет не увлекались. Нет, как это изображается и в старых романах, у столов, где рулетка, будто к кассам за билетами, люди попрежнему стояли в очереди за счастьем.

Но в общем-то она, эта обстановка, против той, что описывалась в путеводителе, за полвека изрядно вылиняла. Ни особо роскошных красавиц, ни принцев крови вокруг не наблюдалось. Думаю, что и особо крупных мошенников в казино не было.

На столах шла игра. Я посмотрел, как это делается. Крупье сидел во главе стола на высоком стуле и бросал шарик на вращающуюся большую тарелку. Тарелка эта разделена на тридцать семь радиусообразных отделений, выкрашенных через одно в красный и черный цвета. В полном беспорядке на каждом отделении проставлены цифры от 0 до 36. Шарик, брошенный крупье, бегает по тарелке и наконец останавливается на каком-либо номере. Этот номер и выигрывает.

Больше я ничего не мог понять: отчего, например, зависит размер выигрыша, какие возможны комбинации и т. д. Тогда-то и появился тот старичок в проеденном молью котелке, о котором я упоминал в предыдущей главе. Что котелок у него проеден молью, я увидел, правда, позже, когда мы вышли на улицу, а в залы казино в головных уборах или в верхней одежде входить нельзя. Это — еще одно отличие от вокзала. Старичок на русском языке любезно мне объяснил, что играть надо в соответствии с таблицей: «Видите, которая изображена на зеленом сукне стола?» И все равно я ничего не понял, кроме лишь того, что когда шарик останавливается на нуле, то все ставки забирает банк, то есть автоматически выигрывает княжество, все остальные проигрывают, за исключением немногих, кто тоже ставил на нуль. А так как рулетка — самое доходное и, пожалуй, единственное «промышленное» предприятие в Монако, то получается, что все благополучие княжества основано и держится на этом нуле, на зеро.

Я наблюдал за теми, кто играл, и за тем, как они играли.

За одним из столов сидело человек десять. Среди них была

Окончание.

древняя старушка с провалившимся ртом, которым она все время делала жевательные движения. Франков у нее было, видимо, очень мало, в своей желтой куриной лапке она комкала несколько мелких бумажек, и я спросил любезного старичка, что же будет, если эта бабушка проиграется в пух и прах. Он сказал, что такая опасность ей не грозит. Она играет только «на цвет и на равный шанс», следовательно, и проигрывает и выигрывает в размере одной ставки, и получается это попеременно — то выигрываешь, то проигрываешь, а в итоге всегда «при своих». Мадам проигрывает отнюдь не деньги, а время, жизнь. Впрочем, ни то, ни другое для нее, очевидно, особой ценности уже не представляет.

Рядом со старушкой сидели то ли муж с женой, то ли любовник с любовницей. Оба в возрасте лет по двадцати семи — тридцати. Они ставили крупнее, чем бабушка, и на различные комбинации. Проигрывали. Он довольно спокойно относился к этому, курил. Она сжимала тонкие губы, по лицу и шее у нее шли красные пятна, и она пинала его под столом ногой.

А в общем-то, игра захватывала всех. Ошалелые глаза были у всех десятерых.

Во втором зале игра шла куда крупнее, чем в первом, так сказать, демократическом. Во втором зале ставки были до миллиона франков. Там, — правда, не за рулеткой, а за карточным столом, за игрой в баккара — восседал могучий американский миллионерище в ярком красном жилете, усыпанном желтыми лунами, звездами и солнцами, и была тоненькая нервная смуглая женщина с очень черными волосами. Кто она, узнать не удалось. Даже старичок не смог этого сделать. Он еще сказал, что самая крупная игра идет на втором этаже, но туда нас с ним не пустят. Там, запершись, сражаются итальянские миллионеры. Они не любят крупно играть на родине, где тотчас распишут в газетах, сколько он проиграл, сколько семей безработных могли бы прокормиться на эти проигранные деньги и так далее. Согласитесь, что такая гласность действительно неприятна.

Старичок ходил за нами, в собеседники он выбрал меня и все время пытался развлекать.

Распрощались мы с ним на улице возле казино как старые знакомые. «В Россию?» — спросил он, и в глазах у него было очень и очень грустно.

Обратный путь из Монте-Карло до Ниццы мы проделали очень быстро.

Вечером, согласно расписанию, наша делегация должна была отправиться в ресторан, стилизованный под харчевню средних веков, и ужинать там при свете свечей. Но Н. К. Черкасов предложил провести вечер иначе: навестить Луи Арагона и Эльзу Триоле, они живут недалеко, в древнем городке Сан-Поль де Ванс, в пансионе.

Мы нашли с ним шофера, который имел некоторое представление о том, как добраться до Сан-Поль де Ванса, сели в машину и, как пишется в романах, под покровом черной средиземноморской ночи пустились в путь.

Вечер у Арагона

Довольно долго в полном мраке, подступавшем к самым фарам машины, мы петляли на каких-то очень кривых дорогах, все время подымаясь от моря в гору. Спросить, правильно ли едем, было не у кого: на пути ни души, и жилья тоже никакого. Темень и темень. В ней деревья, обрывы, камни...

Наконец свет фар осветил впереди несколько человеческих фигур. Это были Арагон и Триоле, вышедшие нас встретить. Позади них держались молодой улыбающийся шатен и уже не молодая, но тоже улыбающаяся энергичная дама. Нас представили. Шатен оказался местным поэтом Андре Верде, а энергичная дама — нашей соотечественницей Надеждой Петровной, которая когда-то вместе с родителями покинула пределы молодого Советского государства, вышла во Франции замуж за художника Фернана Леже, сама приобщилась к кисти и палитре. Год назад она овдовела.

Все вместе мы зашли в небольшой и очень уютный отель. От него веяло стариной, средневековыми постоялыми дворами, тайнами и неизведанностями. Арагон и Триоле забрались сюда из Парижа, чтобы без помех поработать.

Стены во всех комнатах отеля были увешаны полотнами работы различных художников — от импрессионистов, которых еще вполне можно было смотреть и которые могли даже нравиться, до самых что ни на есть оголтелых сюрреалистов с их ужаснейшим разноколерным бредом. Выяснилось, что покойный муж хозяйки отеля тоже был художником, дружил с Фернаном Леже и собирал вот такие произведения кисти.

В общей столовой, пол которой состоял из каменных плит, был накрыт ужин. Триоле заметила:

— Вы, наверно, устали от изысканных французских кушаний?

Мы сказали: да, нам хотелось бы селедки, капусты, отварного картофеля.

— А водки вы не хотели бы? — спросил Арагон.

Мы сказали, что и водки выпили бы, но разве ее найдешь на берегах Средиземного моря, в маленьком отельчике маленького французского городка?

Мы грубо ошиблись. Хозяйка отеля, в который нас так неожиданно занесла судьба, в свой основной коммерческий принцип возвела правило иметь все, чего бы только ни захотели ее гости. На столе, помимо креветок и всяких иных чисто французских кушаний, появилась селедка, появились маринованные белые грибы, дымясь, возникла картошка. И, к величайшему нашему изумлению, дочь хозяйки среди этих обильных закусок водрузила бутылку с такой знакомой этикеткой, на которой было начертано: «Столичная».

За моей спиной пылал камин. Над россыпью углей в нем, надетые на вертелы, жарились цыплята. Вертелы вращались сами собой. Механизм, приводивший их в движение, был похож на механизм часов-ходиков: на цепях опускались этакие ходиковые, только помассивнее, чугунные гири.

Было уютно и просто, все располагало к дружеской беседе. Я разговорился с Арагоном. Он рассказывал о том, что в последнее время у французских книгоиздателей сильно увеличился интерес к современной советской литературе. Получилось это совсем не потому, что книгоиздатели резко и неожиданно полевели, — просто французские читатели перестали покупать американизированную книжную дребедень, которую, кстати говоря, мы в изобилии видели во всех газетных киосках на улицах Парижа, Бордо, Ниццы и во всех киосках на всех вокзалах. С обложек на нас смотрели дула крупнокалиберных револьверов, скалили зубы мертвые черепа, улыбались роковые рыжие красавицы, вооруженные стилетами. «Поцелуй мертвеца», «Любовь в гробу», «Кровь и золото», «Убивающий мать» — читали мы на обложках. Французского читателя перекормили подобной «духовной пищей», она ему осточертела, он хочет читать о жизни простых, нормальных людей, и он у своих издателей и продавцов требует книг советских писателей.

Но тут вступила в разговор Надежда Петровна. Она принялась ругать нашу литературу и нашу живопись. Все мы, по ее мнению, натуралисты и фотографы и ни в литературе, ни в живописи не умеем приподняться над фотографией будничной жизни.

— Вот, — указала она на одну из картин на стене, — вот настоящее искусство!

Настоящее искусство выглядело примерно так: что-то вроде лилового кувшина, над ним нечто отдаленно напоминающее синие листья неведомого растения, вокруг них оранжевые загогулины, потом какая-то полуразложившаяся не то кошка, не то вобла, спирали, круги и еще черт знает что.

— А что же это все-таки означает, что тут изображено? — полюбопытствовал я.

— Идея любящей женщины. Идея всепоглощающей любви, — пояснила Надежда Петровна с усмешкой сожаления по адресу жалкого провинциала, задающего такие вопросы.

— Кто же тут женщина, не эта ли тухлая вобла?

Надежда Петровна очень рассердилась. Она сказала, что искусство знает два пути художественного отображения действительности: первый путь — путь приближения к натуре; он исчерпал себя, он в прошлом, он уже не годится; второй путь — путь удаления от натуры.

— И что же, художник настолько удалился от натуры, что женщина стала ему казаться воблой? — Я раскрыл лежащий на столе каталог работ Надежды Петровны, которые она демонстрировала года два назад на выставке в Париже, и указал на портрет молодого Маяковского, довольно неплохо выполненный и, несмотря на некоторые формалистические выкрутасы, все же вполне соответствующий оригиналу. — Почему же, когда жрец формализма пишет портрет реального лица, он стремится к сходству с оригиналом? Почему ваш Маяковский похож именно на Маяковского, а не на воблу? Почему в этом случае вы не удалялись от натуры, а приближались к ней?

На это Надежда Петровна рассердилась еще больше. И мы, пожалуй, могли бы поругаться за столом, если бы нас не разняли хозяева, которые предложили пройтись по ночным улицам Сан-Поль де Ванса.

Сан-Поль де Ванс.

На улице, оказывается, было уже не так чернильно-черно, как два — три часа назад: взошла луна. При ее свете мы миновали какую-то крепостную стену и оказались в узкой улочке, похожей на щель среди каменных древних-предревних домов. Улочка в два шага шириной то подымалась в гору, то шла вниз, петляла, суживалась еще больше, несколько расширялась, и там, где она расширялась, на постаментах стояли каменные вазы, и из них в каменные бассейны лились струи прозрачнейшей родниковой воды. Это, если можно так их назвать, были городские водоразборные колонки.

Чтобы не повторяться, скажу, что назавтра мы вновь посетили Сан-Поль де Ванс и осмотрели его при дневном свете. Это удивительный городок. В нем не видно отдельных домов, они как бы сливаются в общие массивы, из которых каждый занимает целый квартал, кварталы разделяются вот такими улочками-щелями. Стоит город на высоком холме среди долин, за которыми снова

холмы. Весь он окружен стеной. Такая дружная теснота зданий, слившихся в крепость, идет, видимо, от тех времен, когда тут бушевали междоусобицы, когда одни владыки шли против других, когда звенели мечи и на каменистых дорогах слышен был топот рыцарских коней, закованных в латы.

Весь городок зарабатывал на туристах. Во многих домах были лавчонки, и в них торговали сувенирами. Почти из каждой неслись мелодии песенки «Санта Лючия». Их наигрывали кустарные «музыкальные шкатулки». Но думается, что заработки у жителей городка были мизерные; днем мы обошли его весь, никаких туристов на улицах не встретили, и надо полагать, что этот день не был исключительным, потому что нас разглядывали так, как разглядывают проезжих в самых глухих деревушках, где проезжие — крайняя редкость.

Но вернемся к нашему ночному походу. В узкой улочке, освещен-

Канн.

ной луной, нашлось немало подъездов, окон и подворотен, так или иначе связанных с историей. Арагон, в частности, указал нам на один подъезд с узкой дверью. Он сказал, что тут жила одна из любовниц Франциска I и что Франциск, кроме всего прочего, известный еще и тем, что он якобы подарил человечеству сифилис, хаживал в эту дверь.

Самым удивительным, что мы увидели в эту ночь в городке Сан-Поль де Ванс, было жилище поэта Андре Верде.

Андре Верде всю свою жизнь со дня рождения прожил в Сан-Поль де Вансе. «Выезжал» он отсюда только в гитлеровский концлагерь, где провел три года. Это веселый, искренний человек, которого очень любят в городке и каждые выборы, начиная с 1947 года, выставляют кандидатом для баллотировки в муниципалитет, но каждый раз ему не хватает десяти голосов, чтобы быть избранным.

По ночным улицам Верде привел нас к дому, построенному, вернее, пристроенному, к другим в каком-то очень давнем веке, не то в XIV, не то в XVI. Мы вошли в подъезд, и началось восхождение. Квартира поэта располагалась не по горизонтали, а по вертикали: три этажа — три комнаты. Винтовые деревянные лестницы и где-то над третьим этажом открытая площадка, балкон.

— Днем отсюда видно море. Сейчас черная бесконечность,— сказал Верде.

Мы смотрели туда, где днем море, и к нам со всех сторон летели свежие, чистые ветры и горные, незнакомые жителям долин тревожные запахи.

Стены во всех комнатах квартиры Верде были в картинах, подобных тем, что мы видели недавно в отеле. Страшные штуки поджидали на поворотах лестницы каждого, кто поднимался и спускался по ней с этажа на этаж этого жилища, существующего уже четыреста или даже шестьсот лет.

С Арагоном, Триоле и Андре Верде мы простились поздно. Надежда Петровна, лихо ведя по горным дорогам свою машину, провожала нас до развилки приморской дороги; там она свернула вправо, а мы умчались влево, в сторону Ниццы.

По берегу

Два следующих дня мы путешествовали по городкам Лазурного берега. Побывали в Канне. Что это такое, Канн, я рассказывать не стану; о нем ежегодно с завидным постоянством рассказывают в нашей прессе кинематографисты, потому что ежегодно ездят туда на международные кинофестивали.

Скажу только, что в фестивальном зале Канна нам показали новую картину Рене Клемана, если не ошибаюсь, известного советским зрителям по картине «Битва на рельсах».

Новая картина называлась «Запрещенные игры». Коротко сюжет ее таков. По дорогам Франции движутся потоки беженцев, спасающихся от гитлеровских оккупантов. В этих потоках одна французская семья: отец, мать и маленькая, лет шести — семи девочка. Отец и мать гибнут под пулями «Мессершмитта». Девочка бредет куда попало, добирается до деревни. Ее принимает к себе очень бедная крестьянская семья. В этой семье есть мальчик лет двенадцати. Дети начинают дружить. Они видят много крови, много убийств, и они затевают странную игру: игру в кладбище и похороны. Хоронят кошку, хоронят какую-то птицу, мышь, куклу и т. д. В старой мельнице возникает целое кладбище. Причем для каждой могилы необходим крест. Дети везде, где только возможно, даже в церкви, крадут кресты различных образцов и размеров. Эти кражи становятся подозрительными для жителей деревни, за детьми следят, и их ловят с поличным.

Вот и весь сюжет. Но на этом сюжете построена сильная картина, рисующая ужасы гитлеровского нашествия. Это картина против войны, калечащей жизнь и взрослых и маленьких. С огромной силой сделаны сцены отступления мирных жителей по дорогам, над которыми непрерывно висят фашистские самолеты.

Побывали мы в гостях у известного кинорежиссера Рене Клера. Мы заехали на его виллу близ городка Сан-Тропез. Стоит она на самом берегу тихой бухты. Перед ее окнами лежит тихое теплое море. Кто-то из нас сказал, что в таком райском местечке работать он бы не смог. Рене Клер ответил:

— А я тут и не работаю. Это местечко только для отдыха.

Хозяин и хозяйка виллы пригласили нас на обед, который они заказали в ресторане отеля в Сан-Тропез. Отель назывался «Де ля Тур». Название это происходило от слова «тур», то есть «башня», потому что отель обосновался в остатках старинной крепости на каменистом мысу, выдавшемся в море. До войны тут были просто развалины, типа тех, что мы видим у нас в Сухуми возле так называемого «дикого пляжа». Во время войны в этих развалинах, слегка подремонтированных, жили рыбаки. А после войны вот: «Де ля Тур». Средневековая экзотика поставлена на службу бесчисленным туристам, и главным образом иностранным туристам.

Обед шел весело, произносились всяческие тосты, в том числе, конечно, за здоровье и творческие успехи хозяйки и хозяина. Рене Клер сказал, что он мог бы вот так же легко и просто на это пожелание ответить словами, но он считает, что лучше будет, если мы в качестве настоящего, делового, а не формального ответа примем его новую картину, над которой он сейчас работает.

Внизу, под окнами небольшого, уютного зала, в котором мы сидели, тихо плескалось Средиземное море. Метрах в двадцати от наших окон среди воды торчал камень, и на нем с удочкой в руках стоял рыболов в плаще и зюйдвестке. Время от времени он из морских глубин вытаскивал рыбешку с мизинец длиной. В таких случаях мы ему аплодировали, и рыболов важно раскланивался.

Потом мы катались по морю на катере. Катались в пиджаках и не зябли, хотя это было 9 декабря, когда радио сообщало, что в Москве стоят двадцатиградусные морозы.

Когда мы с катера сошли на берег, это были наши последние шаги по земле Лазурного берега: два или три часа спустя мы садились в поезд, чтобы ночь проспать в вагоне и утром проснуться уже совсем в другом климате — снова в Париже.

Последний поход

Наступил последний день нашего пребывания во Франции. Прошли две короткие недели, мы были переполнены впечатлениями, мы искренне полюбили чудесную страну и ее народ. В карманах лежали железнодорожные билеты до Берлина, в паспортах стояли визы для транзита через Бельгию. Казалось бы, расчеты наши с Францией закончены, все, что можно сделать за две недели, сделано.

Но у некоторых из нас было ощущение того, что нет, не все еще сделано и надо непременно сделать это, без чего возвращаться домой просто невозможно.

Несмотря на неимоверные трудности со временем, Акакий Хорава, Владлен Давыдов, я и наша неизменная спутница Кристина де Верикур наняли такси и отправились на кладбище Пер-Лашез.

Стену Коммунаров найти было не так-то легко. Никто из встречных не знал, где она. Не знала о ней ничего и Кристина. Выручил кладбищенский сторож, который развернул перед нами план этого обширного парижского кладбища.

По плану мы дошли до стены.

Aux morts
de la Commune
21—28 mai 1871

Так было написано на сером камне. На земле, впитавшей кровь коммунаров, был положен букетик бледных зимних фиалок.

Мы долго стояли тут, в дальнем углу кладбища Пер-Лашез. Вспомнились мне пионерские годы в Новгороде, вечер 18 марта в клубной комнате профтехшколы швейниц. Вместе с юными будущими швеями мы ставили какую-то пьесу из времен Парижской Коммуны. Мы обороняли баррикаду от подлых версальцев, с той и другой стороны гремели ружья, взятые в этот вечер у отцов-охотников, зрители в зале глохли и задыхались в пороховом дыму. Все было подлинно, натурально и очень волновало и тех, кто сидел в зале, и тех, кто играл на сцене. А в последнем действии на сцене была вот такая же самая стена, очень похожая на ту, перед которой мы оказались тридцать лет спустя. Да, пионерские руки изобразили ее на грубой ткани распоротых мешков из-под сахара очень-очень похоже.

Стена Коммунаров в дальнем углу кладбища Пер-Лашез была последним впечатлением, с которым мы и покинули в декабрьских сумерках чудесный город Париж.

Франция осталась позади. Снова ночью в окна вагона плескалось пламя домен и мартеновских печей Рура — западногерманской кузницы оружия. Неужели, думалось, вновь когда-нибудь отсюда ринутся на Францию страшные танковые колонны? Неужели вновь жизнь повторит те чудовищные картины, которые с таким безжалостным реализмом воссозданы в фильме «Запрещенные игры»; неужели французские дети, потеряв отцов и матерей, вновь будут играть в кладбища и похороны?..

Хотелось верить в другое — в то, что прекрасная Франция, ее народ отстоят для себя иной путь — путь мира, путь активной борьбы за мир.

Автомобилиста нужнО любить!

Э. ПАРХОМОВСКИЙ

Рисунки Л. САМОЙЛОВА.

«ПУТЕШЕСТВИЕ НА АВТОМОБИЛЕ — ЛУЧШИЙ ВИД ОТДЫХА!» Мы поверили этому призыву, начертанному на зовущем рекламном щите, и, получив очередной отпуск, ринулись на юг. Идея автомобилизма поворачивалась к нам самой заманчивой своей стороной... И никто из нас в этот момент не мог предположить, что всего через сорок восемь часов...

Без прав

Единственная легальная стоянка автомашин в Ялте находилась в самом неудобном месте: далеко за пределами морского прибоя. Море отступило отсюда километра на два еще задолго до изобретения автомобиля, но товарищи из ялтинского горсовета, повидимому, считали этот затянувшийся отлив досадным недоразумением и упорно величали стоянку «приморской».

На стоянке нам встретился унылый человек, который нежно поглаживал брезентовый чехол своего автомобиля.

— Вот,— сделав безнадежный жест и как бы призывая нас в свидетели чего-то грустного, сказал он,— пятый день не езжу...

— Дела...— неопределенно ответили мы.— Вас что же, прав лишили?

— Лишили, лишили! — обрадованно закивал унылый человек.— И меня лишили и вас лишили. Никаких прав! Поставить на берегу — не имеешь права. Оставить на полчаса на улице — не имеешь права. Плюнуть на эту стоянку и поставить машину где-нибудь на частном дворе — тоже не имеешь права! К морю не проедешь. Пообедать не пойдешь. И упаси вас бог попытаться устроиться на ночлег здесь, на стоянке. Пришьют нарушение санитарных правил и оштрафуют на пять тысяч. Вот! — выразительно закончил свой монолог наш новый знакомый.

— Да что вы! — наивно удивились мы.— Не может быть!

— Там, где действуют «Дополнительные правила для водителей и владельцев транспорта в санаторно-курортных зонах Крыма», все может быть,— сказал на прощанье унылый автомобилист и остановил проезжавшее мимо такси...

Мы поняли, что в Ялте нам больше делать нечего.

Противозаконно, но факт!

Но тут нас ожидал новый сюрприз. Оказалось, что в городе, где работает около тридцати школ и несколько техникумов, где много клубов, кино, библиотек, два музея и филармония, кинофабрика и винодельческий совхоз

«Массандра», в городе, насчитывающем больше ста санаториев и домов отдыха, нет... обыкновенной бензиновой колонки!

Правда, одна колонка есть. Но она предназначена для рейсовых автобусов и машин, принадлежащих местным организациям. Приезжий автомобилист заправить в Ялте свою машину не может.

— Как же так? — спросили мы у работников горсовета.

— А вот так! — не моргнув, ответили они. — Если положение безвыходное, купите у шоферов самосвалов...

— Но ведь такая покупка противозаконна! — не сдавались мы.

— Правильно. Тогда оставайтесь здесь. У нас климат хороший!

В Ялте мы все-таки не остались, а уезжая, сохранили противозаконное теплое чувство к одному предприимчивому водителю самосвала и вполне законное недоброе чувство к работникам ялтинского горсовета.

Пеший турист — это великолепно!

Как переменчива человеческая натура! Честное слово, мы теперь завидовали пешеходам. Конечно, ни один из нас не признался бы в этом даже под страхом лишения водительских прав, но факт оставался фактом: в наши сердца медленно, но верно прокралась эта глухая черная зависть.

Как это прекрасно — пеший турист! Он свободен, как птица. Он не подчиняется автоинспекторам, не должен сигналить на крутых поворотах и опасаться, как бы встречный не оцарапал ему бок. В любом мало-мальски населенном пункте он может найти, что поесть и где поспать. Ему не страшен ремонт дороги, и когда десятки автотуристов часами томятся, ожидая, пока бульдозер расчистит для них путь, он, ухмыляясь, проходит мимо, высоко и гордо поднимая свои натренированные спортивные ноги.

Когда-то на заре автомобилизма раздавались призывы любить и уважать этих умных и кротких людей. Теперь пешехода все любят. Пешехода все жалеют. Для него строятся благоустроенные гостиницы, разбиваются туристские лагери, и даже в специальных пансионатах для автотуристов ему предоставляют места в первую очередь. И живет себе пешеход припеваючи в автомобильном пансионате где-нибудь на мысе Пицунда или на озере Рица, не подозревая даже о том, что он лишил какого-то беднягу-автомобилиста единственного изобретенного для него курортного удобства.

Да, пеший турист — это великолепно! Закончив свой путь в Батуми, он садится на теплоход и беззаботно плывет в Ялту, наслаждаясь видами Кавказского побережья. При этом его совершенно не интересует, хороши ли в Ялтинском порту приспособления для выгрузки автомобилей, и в больших бутылках с этикеткой «Хванчкара» он везет действительно прославленное грузинское вино, а не запас горючего, необходимый, чтобы доехать до первого ялтинского самосвала.

Устраивайте ваш бензинчик!

У ворот Батумского порта мы встретили земляка. Он тоже собирался грузиться с машиной на теплоход.

— Если есть бензин в баке, сливайте! — дружески посоветовал земляк.— На борт с горючим не берут.

Мы последовали его совету и въехали в порт с пустым баком и чистой совестью.

На борт теплохода машину с горючим действительно не принимали. Работник пожарной охраны из судовой команды проверял подготовленные к погрузке автомобили и, не доверяя бензиномерам, неутомимо выкручивал пробки из баков. Когда очередь дошла до нашего земляка, выяснилось, что он утаил литров двадцать бензина. Пожарный церемоний не любил, и через несколько минут нарушитель, пойманный с поличным, стоял с полной канистрой в руках, мучительно пытаясь разрешить поставленную перед ним задачу.

— В порту оставлять нельзя,— говорил работник пожарной охраны.— В море выливать тоже нельзя: может загореться... На землю сливать категорически воспрещено! За пределы порта все равно вас с ним не выпустят... Так что, товарищ, давайте скорее устраивайте ваш бензинчик! Через пять минут погрузка!

Припертый к пирсу жестокой необходимостью, наш попутчик куда-то исчез и вскоре появился, размахивая пустой канистрой.

— Ну, как? — спросили мы.

— Все в порядке! — ответил человек, умевший давать полезные советы.— Всего за двадцать рублей грузчик согласился вылить его незаметно в море!

«Вира!»

Погрузка на теплоход шла полным ходом. Взволнованные автомобилисты суетились при свете прожекторов вокруг своих машин.

Портовые грузчики обращались с автомобилями, как с тюками хлопка. Подведя под колеса канатные люльки, они цепляли к ним колючие, как ежи, стальные тросы и истошными голосами кричали: «Вира!» Машина вздрагивала и медленно приподнималась. При этом багажник оказывался значительно выше радиатора, а правый борт ниже левого. «Майна!» — кричали грузчики, а перепуганный насмерть владелец зажмуривал глаза, слыша, как ершистые тросы с характерным скрежетом трутся о лакированную поверхность его автомобиля.

— Остановитесь! — бросался он на помощь своему детищу, стараясь просунуть между тросом и кузовом пиджак.

— Вира! — не обращая на него внимания, кричали грузчики, и машина, конвульсивно дернувшись, снова поползла вверх.

Человека, прыгающего на пари с четвертого этажа без парашюта, не провожают таким взглядом, каким провожает автомобилист свою вздернутую на воздух машину...

Они не поворачивали рули!

Наше путешествие близилось к концу. Оставалось восемьдесят километров горной дороги до Симферополя, а там прямая, как линейка, автотрасса, заправочные колонки, станции технического обслуживания и, наконец, финиш.

На остановках встречные автотуристы задавали нам десятки вопросов. Мы с удовольствием объясняли им, как проехать с косы Чушки в Анапу, горячо уговаривали провести несколько дней на диком берегу, километрах в десяти южнее Джубги, советовали запастись красной икрой, на которую отлично ловится в горных реках форель.

Но мы никак не могли объяснить, почему в Ялте автотурист не может чувствовать себя полноправным членом общества, почему реконструкцию горных дорог нужно проводить в самый разгар отпускного сезона, почему в автомобильных пансионатах живут не те, для кого они предназначены, почему нельзя в порту погрузки сдавать бензин, а в порту выгрузки его получать, почему не наладить погрузочные приспособления для автомобилей так, чтобы полностью была исключена возможность повреждения машины...

Надо отдать должное встреченным нами людям. Они не поворачивали рули и не возвращались домой. Посмеиваясь над ожидавшими их неурядицами, они смело продолжали свой путь на юг. В конце концов главное — это море и солнце!

Вспоминая нашу злополучную прогулку в Ялту, нам хочется обратиться ко всем, от кого зависит счастье автомобилиста.

Товарищи, уберите с пути автотуриста досадные препятствия! Автомобиль прочно входит в быт. Сделайте же так, чтобы он был не только средством передвижения, но и средством удобного и культурного отдыха. Автомобилиста нужно любить!

Киев.

ДЕЛО О ПОРТФЕЛЕ С ДЕНЬГАМИ

Кассир одной из московских школ Василий Михайлович Петров пришел в банк за деньгами, получил 20 тысяч рублей и тщательно уложил их в портфель. Потом сел в трамвай. Здесь ему стало плохо. Мертвенно бледного, его привезли в Институт имени Склифосовского, привели в чувство. Первые слова его были:

— Портфель, где портфель?

Портфель принесли. Кассир открыл замок и вскрикнул: портфель оказался пустым...

Делом этим занялась Мария Ивановна Бугрина, следователь Свердловского района города Москвы.

Она пришла в больницу, где прежде всего осмотрела вещи Петрова. Принесли плащ, костюм, портфель. В карманах были папиросы, спички, расческа, носовой платок, немного мелочи и коробочка от лекарства с надписью «Люминал». Тут же лежала карточка женщины с пышными волосами. Все это не представляло интереса, и Бугрина направилась в больничную палату к кассиру.

Василий Михайлович рассказал, что с ним произошло.

— Поправляйтесь,— окончив разговор, сказала Мария Ивановна,— мы с вами еще встретимся.

В коридоре следователя остановила сестра.

— Вся больница,— сказала она взволнованно,— обеспокоена этим случаем. Мы собрали около тысячи рублей, чтобы помочь этому несчастному человеку. Потом он постепенно выплатит их нам.

Мария Ивановна поехала в школу, где работал Петров. Директор школы был очень огорчен.

— Прискорбный случай,— повторял он.— Василий Михайлович работает у нас уже не первый год. Он безукоризненно честен.

Так все отзывались о кассире: немного суровый, замкнутый, но честный. Мария Ивановна спросила директора:

— Как же вы допустили, чтобы он ехал в трамвае один? Ведь деньги большие.

— Я послал за ним в банк сопровождающего,— ответил директор.— Петров, вероятно, поторопился и уехал, не дождавшись его.

Бугрина разыскала вожатого и кондуктора того трамвая, в котором ехал кассир.

— Часа в три это случилось,— рассказывала немолодая женщина-кондуктор.— Народу не много было. Я обратила внимание: вошел гражданин, очень бледный. Сел и вдруг скатился с сиденья. Я, конечно, дернула за веревку, вожатый подошел, вызвали постового милиционера. Понесли больного.

— А было у него что-нибудь в руках? — спросила Бугрина.

Кондукторша немного подумала.

— Журнал, кажется, какой-то,— ответила она неуверенно.

Вожатый, молодой, чернявый, быстроглазый парень, в точности повторил рассказ кондуктора. Но и вожатый не мог сказать, было ли что в руках у потерпевшего. Зато постовой милиционер твердо помнил, что один из тех, кто нес на руках потерявшего сознание пассажира, передал ему портфель.

— А портфель тяжелый? — спросила Бугрина.

— Не помню, не до того было. Много народу кругом столпилось. Помогли мне положить потерпевшего в карету «Скорой помощи». А портфель, кажется, я санитару отдал.

Бугрина разыскала и санитара, и доктора кареты «Скорой помощи», и шофера. Да, они доставили в Институт имени Склифосовского человека, потерявшего сознание.

— Были у него с собой какие-нибудь вещи?

— Портфель,— быстро ответил санитар.— Я сдал его в камеру хранения.

— Вы открывали его?

— Не помню... Кажется, не открывал. Документы мы взяли у него из кармана...

Было над чем призадуматься. Мария Ивановна сопоставляла факты, перечитывала показания свидетелей. Деньги могли похитить, поделив их между собой, вожатый трамвая и кондуктор. Или кто-нибудь из пассажиров, пользуясь суматохой, раскрыл портфель и, увидев банковские пачки, присвоил их. Да мало ли кто мог совершить преступление: ведь портфель побывал во многих руках!

Выздоровев, Петров снова приступил к работе. Деньги, собранные для него в больнице, он передал директору школы как частичное возмещение украденных, а сам каждый месяц посылал по сто рублей на имя старшей больничной сестры.

Бугрина не раз беседовала с Петровым. Он припоминал, как получил в послеобеденное время деньги, позвонил в школу, чтобы прислали сопровождающего, но, выйдя на улицу, почувствовал на себе чей-то взгляд. Да, этого человека в зеленой шляпе он уже видел в банке. А вот теперь незнакомец очутился за его спиной. Петрову стало не по себе, и он поспешил в школу, не дождавшись того, кто должен был его сопровождать. По дороге к остановке трамвая он почувствовал, что задыхается, остановился, чтобы выпить стакан квасу в киоске, и снова увидел человека в зеленой шляпе.

Мария Ивановна вновь и вновь листала протоколы допросов. И тут ей бросилось в глаза странное обстоятельство: Петров говорил, что получил деньги в послеобеденное время, а кассир банка утверждает, что деньги для школы она выдала утром. Пришлось вызвать обоих. В кабинете следователя между ними разгорелся спор.

— Я утверждаю совершенно точно, что деньги вы получили утром,— говорила работница банка.

Петров уже не был таким вежливым и корректным, каким Бугрина привыкла видеть его. Он говорил грубо, резко:

М. И. Бугрина. Фото А. Гостева.

— Врете вы! Неправда!

Мария Ивановна отпустила их. В коридоре ждали вызванные на допрос кондуктор, вожатый, постовой милиционер. Все подтвердили, что несчастный случай в трамвае произошел между тремя и четырьмя часами дня.

Так в следователе зародилось недоверие к тому, как был изложен ход дела Петровым. Теперь ей захотелось посмотреть на тот киоск, где Петров пил квас за несколько минут до тяжелого обморока. Она выехала на место и... не обнаружила киоска. Местные жители заверили Бугрину, что здесь никогда не торговали квасом.

Бугрина продолжала выяснять различные, на первый взгляд незначительные детали.

Дважды на допросах с Петровым происходило что-то странное: он начинал медленнее отвечать на вопросы, взгляд его тускнел, а затем он засыпал в кресле. Первый раз Мария Ивановна терпеливо ждала двадцать минут, полчаса, потом вызвала врача. Тот проверил пульс, пожал плечами.

— Спит!..

Петров проспал три часа. Спустя неделю это повторилось. И тут-то Бугрина неожиданно вспомнила о коробочке из-под люминала. Она обратилась в клинику нервных болезней.

— Люминал? — переспросил специалист. — Общеизвестно, что большая доза приводит к обмороку. Этим препаратом надо пользоваться с чрезвычайной осторожностью.

Бугрина понимала, что у нее пока нет достаточных оснований обвинять Петрова в хищении денег. Поэтому она упорно продолжала поиски доказательств.

Однажды днем, когда Петров был на работе, Бугрина побывала на его квартире и узнала много интересного. В частности, выяснилось, что рядом живет шофер и что на его машине Петров нередко уезжает куда-то за город.

Словоохотливая жена шофера знала, куда подвозит муж Петрова.

В этот загородный дом Мария Ивановна приехала со своими помощниками, и в женщине, открывшей ей дверь, сразу узнала ту, чья фотография была у Петрова в кармане. В доме произвели обыск и в куле с мукой нашли 6 тысяч рублей новыми сторублевыми купюрами, сложенными в аккуратно склеенные банковские пачки.

— Когда вы получили их от Петрова? — неожиданно спросила Бугрина.

Женщина категорически отказывалась:

— Это мои деньги. Я выиграла их и прячу здесь. Мало ли что, я человек одинокий.

— Где вы получили выигрыш? — осведомилась Бугрина.

Женщина, замявшись, назвала номер сберкассы. Но выяснилось, что сберкасса таких выигрышей не выплачивала. Кстати, было установлено, что в день происшествия знакомая Петрова отпросилась с работы примерно с полудня.

В дальнейшем проверка номеров на сторублевках, обнаруженных в муке, подтвердила, что деньги именно этой серии выдавались банком как раз в тот день, когда Петров получал зарплату для школы...

Теперь уже были все основания привлечь Петрова к ответственности.

Под тяжестью улик Петров сознался во всем. Он рассказал, что его близкая знакомая, медицинская сестра, освободившись от работы, встретила его по дороге к трамваю, взяла деньги и уехала домой. Сопровождающего он, для отвода глаз, вызвал, но и не думал дожидаться его. А сам Петров заранее, точно рассчитав время, принял большую дозу люминала и сел в трамвай. Казалось, что все обошлось как нельзя лучше: «припадок» начался в срок. Петров принимал люминал и перед вызовом на допрос, но уже в меньших дозах, отчего и засыпал в кресле. Он симулировал болезнь, будучи совершенно здоровым.

Так пытливость и настойчивость следователя Марии Ивановны Бугриной помогли распутать преступление.

Я. МАРГУНОВ

Очевидица восстания 1856 года

В текущем году исполнилось сто лет со времени восстания крестьян одного из адыгейских племен — бжедугов — против феодалов. Это крупное вооруженное выступление адыгейских крестьян против княжеско-дворянского насилия ярко описано в поэме народного певца Цуга Теучежа «Восстание бжедугов» — первом историческом произведении адыгейской письменной поэзии. В связи с годовщиной восстания директор Адыгейского областного краеведческого музея М. Азаматова пишет нам:

В ауле Понежукай, бывшем центре восстания, живет очевидица этого события 139-летняя Зарамукова Кара Балюховна. В то время ей было 39 лет. Ее муж, Зарамуков Хапач, был непосредственным участником схватки с князьями и после разгрома феодалов находился в числе выделенных восставшими для распределения имущества князей среди крепостных.

Кара Балюховна Зарамукова.

У Кары Зарамуковой ясная память, она рассказывает много интересных эпизодов, относящихся к восстанию бжедугов.

Кара — все еще энергичная женщина. Ее часто можно увидеть за дойкой коров, за шитьем; она сама вдевает нитку в ушко иголки.

Кара упрекает своих соседок, которые плохо ухаживают за коровами, и гордится тем, что сама получает больше удоев благодаря хорошему уходу за коровой.

У Зарамуковой было 14 детей. Теперь у нее более ста родственников. Дочери, которую Кара зовет «моей малюткой», уже 80 лет, а младшему сыну, которого она и поныне зовет «мой малыш», — семьдесят.

Кара Балюховна до сих пор не может привыкнуть к теплой комнате и одежде.

— Зимой мы не кутались, спали в нетопленном помещении, — говорит она и твердо придерживается многолетней привычки: спит в холодной комнате со старинным очагом.

Подарок М. Горького палешанам

В библиотеке Палехского отделения Художественного фонда СССР есть любопытная рукописная книга-альбом о Китае. Она написана на испанском языке в конце XVIII века и снабжена многочисленными красочными рисунками в стиле китайской живописи. Живопись прекрасно сохранилась и поражает тонкостью и изяществом.

Вот перевод заглавия книги на титульном листе: «Коллекция современных китайских костюмов от императорского до плебейского включительно, снабженная разнообразными замечаниями. Представлена генералом Мануэлем де Аготе, первым посредником королевской филиппинской компании в Кантоне. Год 1796».

Один из старейших палехских живописцев, заслуженный деятель искусств РСФСР Александр Васильевич Котухин, так рассказывает об обстоятельствах, при которых эта уникальная книга попала к палешанам:

«5 июня 1935 года художники Иван Петрович Вакуров, Иван Васильевич Маркичаев и я встретились с Алексеем Максимовичем Горьким в Горках. Он рассматривал наши рисунки, расспрашивал о впечатлениях от Армении, откуда мы возвращались, интересовался древнеармянской художественной миниатюрой. При прощании он пожелал дать нам что-нибудь на память. Порылся в книжном шкафу и принес толстую, большого формата книгу. Передавая ее, он сказал: «Вот, о Китае. Вам пригодится».

Художники Палеха часто любуются высоким мастерством живописца, иллюстрировавшего книгу. Они бережно хранят ее, как дорогую память о Горьком.

П. КУПРИЯНОВСКИЙ

Иваново.

ФИНСКИЕ ЮМОРЕСКИ

О ЛЮДЯХ И СОБАКАХ

Двое мужчин удят. После долгого молчания один из них не вытерпел и прервал молчание:

— Знаешь ли ты, что есть такие собаки, которые намного умнее своих хозяев?

— Брось ты глупые рассказы, ведь сам хорошо знаешь, что этого быть не может.

— Да нет, правда! У меня у самого была такая собака...

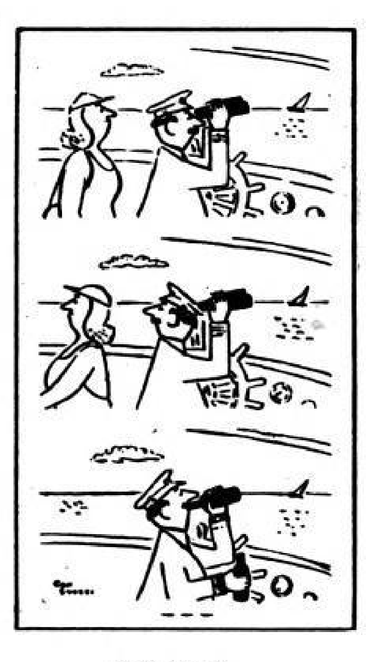
РЕВНОСТЬ

— Виллэ, чья это у тебя женская фотография?

— Это снимок одной девушки, с которой я был знаком раньше, чем познакомился с тобой.

— Ах так, значит, ты мне уже тогда изменял!

Перевел с финского
И. КИИРАНЕН.

БЕЗ СЛОВ.

Из журнала «Швейцер иллюстрирте».

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин английских художников и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Задание. 8. Устройство в паровой машине или турбине. 9. Классификация предметов и явлений. 14. Советский музыковед, композитор. 17. Русский землепроходец, открывший Камчатку. 18. Вулкан в Италии. 19. Эпоха каменного века. 20. Планета. 21. Роман И. С. Тургенева. 22. Вид борьбы. 23. Строительный материал. 25. Сплав, обладающий высоким электрическим сопротивлением. 26. Озеро в Венгрии. 27. Вид внешней торговли. 28. Союзная республика. 31. Специалист по народному творчеству. 34. Начальник вооруженных сил. 35. Птица.

По вертикали:

1. Древний город в Московской области. 2. Порт на Черном море. 3. Углубление в горном массиве. 4. Спортсмен. 6. Сельскохозяйственная машина. 7. Наука. 9. Оптический прибор. 10. Остатки при перегонке нефти. 11. Вид портретной живописи. 12. Курорт из группы Минеральные Воды. 13. Житель крупного населенного пункта. 15. Исполин. 16. Советский офтальмолог. 24. Река на Урале. 29. Минерал, применяемый при плавке руд. 30. Город близ Лондона. 32. Тропический кустарник или дерево. 33. Красноречивый человек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

5. Эрудит. 6. Резеда. 9. Признание. 10. Корм. 12. Галс. 13. Наречие. 16. Ригсдаг. 17. Няндома. 18. Бостон. 19. Эхолот. 21. Лукошко. 23. Дворжак. 26. Импульс. 27. Такт. 29. Фойе. 31. Фиоритура. 32. Жнивье. 33. Чавыча.

По вертикали:

1. Дутар. 2. Сторона. 3. Орхидея. 4. Цедра. 5. Эпикур. 7. Аляска. 8. Анкета. 11. Мастодонт. 12. Гидрограф. 14. Агроном. 15. Иноходь. 20. «Стучит!». 21. Литраж. 22. Кишинев. 24. Встреча. 25. Клемма. 28. Кения. 30. Отзыв.

Платья для лета

Рисунки Н. Голиковой
к 4-й странице обложки

1. Сарафан из набивной бязи или другой хлопчатобумажной плотной ткани. Лиф прилегающий, с отвернутой по верху двойной бейкой. Юбка сильно расклешена. Обшивка подола, бретели и маленькая верхняя кофточка-фигаро сделаны из гладкой ткани.

Автор — Т. Файдель.

2. Сарафан из ситца в мелкий рисунок. Вырез ворота и подол юбки отделаны узким белым кружевом. Белые рукава-«фонарики» пристегиваются к сарафану.

Автор — Р. Тимченко.

3. Платье из плотного однотонного шелка, прямое, узкое, все отделано поперечными защипками. Оно может быть серого, черного, синего, сиреневого, красного цвета. Шляпа и перчатки — из белой ткани, вышиты мелким черным горошком. Платье по этому фасону можно шить до 54-го размера.

Автор — Н. Голикова.

4. Платье из вискозного эпонжа; придает стройность фигуре. Платье узкое, неотрезное по талии, с тремя поперечными складками внизу. Его дополняет шарф на подкладке из клетчатого эпонжа. Шарфы в этом сезоне очень модны, в иных случаях заменяют жакет. Этот фасон пригоден до 52-го размера.

Автор — Т. Ксенофонтова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05783. Подписано к печати 13/VI 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 536. Заказ № 1544.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

«ЗОЛОТАЯ РЫБКА» — Отпусти меня, старче, в море!

«Принцесса» на горошине...

На случай самовозгорания.

Неудачный «заплыв...»

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Цена номера 3 руб.